

Кулик-Павский В.А.

ЖИЗНЬ БЕЗ ЛЕГЕНД

Леонид Алексеевич Кулик
Хроника жизни

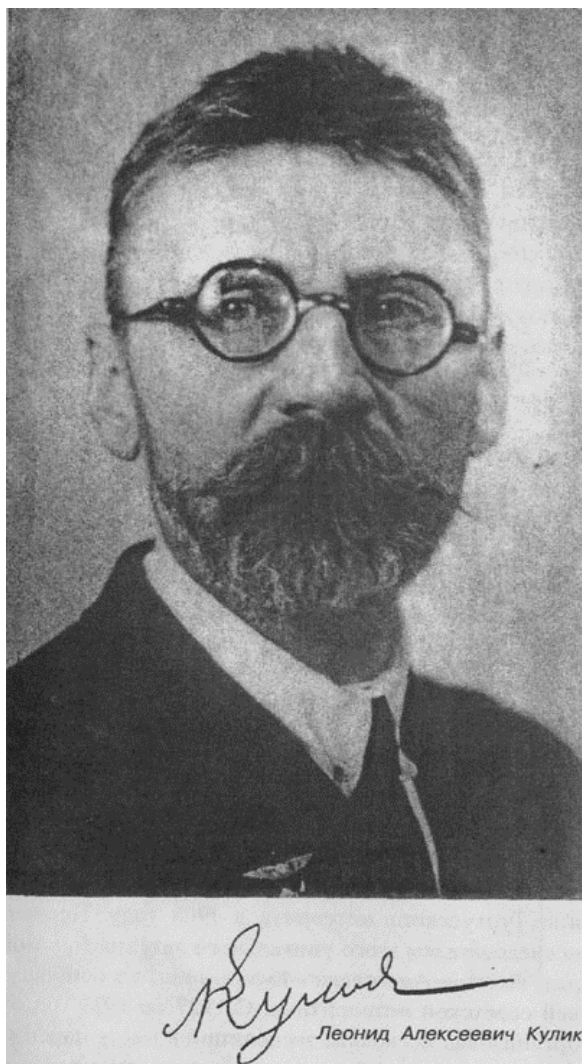

Волгоград
ООО «Принт»
2003

Кулик-Павский, Вячеслав Андреевич.

Кулик-Павский В.А. Жизнь без легенд: Леонид Алексеевич Кулик. Хроника жизни. - Волгоград: «Принт» (Тип. изд-ва), 2003. - 303 с. ISBN 5-94424-021-0

Эта книга рассказывает о нелегких жизненных дорогах известного советского ученого Л.А. Кулика. Он ученик и соратник академика В.И. Вернадского, один из основателей советской метеоритики и первый исследователь Тунгусского метеорита¹.

---

¹ <http://tunguska.tsc.ru/ru/science/5/1/pavskii/>

Л.А. Кулик возбуждением внимания ко все еще загадочному явлению Тунгусского метеорита сделал, по моему убеждению, большое дело. Необходимо его закончить – но уже то, что оно не прошло незамеченным и не затерялось, – прежде всего его заслуга.

Академик В.И. Вернадский. 1934 г.

К читателям

Все дальше от нас уходят такие далекие и в то же время близкие годы, теперь уже разделенные вековым рубежом. Подумать только: это было в прошлом веке! И папанинцы на льдине, и перелет Чкалова через Северный полюс, и Великая Отечественная война, и незабываемая улыбка Юрия Гагарина, и первые шаги Армстронга по Луне. Но одни события нашей жизни очень скоро становятся достоянием архивов, другие же продолжают волновать людей многие десятки лет. Одним из таких событий было падение Тунгусского метеорита в 1908 году. Первым исследователем этого уникального явления был мой дед, Леонид Алексеевич Кулик, один из основателей советской метеоритики. С 1927 по 1939 год он организовал несколько экспедиций к месту падения Тунгусского метеорита и аэросъемку этого района.

Собирая документы и материалы для книги, я не раз ловил себя на мысли, как же тесно биография деда была связана с судьбой нашей страны, с его поколением мечтателей и ученых.

За прошедшие годы немало написано и о Кулике, и его экспедициях. К сожалению, иные авторы, не утруждая себя поисками документов и материалов, а главное, не проверяя их, допускали в публикациях ошибки, а то и просто выдумки. В результате неточности перекочевали даже в Большую Советскую Энциклопедию. Конечно, невозможно восстановить день за днем неполные 59 лет, прожитые ученым. Порой документы да и людская память сохраняют для потомков не самое главное.

Часть 1

Корни

Алексей Семенович Кулик – отец Леонида Алексеевича

Сам Леонид Алексеевич Кулик почти никогда о себе не рассказывал. Это отмечали все домашние. Когда сегодня знакомишься с документами и материалами, связанными с его жизнью, то можно обнаружить расхождения в анкетах и биографиях, написанных им в разные годы. Так приходилось делать, чтобы не навлечь на себя лишних подозрений. Трудные были времена. В большинстве анкет только короткие записи: «Родился 1-го сентября (19 августа ст. ст.) 1883 года в городе Тарту (Дерпте, Юрьеве, бывшей Лифляндской губ.) в семье земского врача с Херсонщины Кулика Алексея Семеновича. Мать Софья Кирилловна». Этим и закончились бы сведения о родословной, если бы не найденный среди многочисленных анкет невзрачный листок, видно, черновик. И начинался он словами: «Справку Т.Е. Юдакова² я подтверждаю полностью». А дальше следовал рассказ Леонида Алексеевича о своей родословной. Вот эта запись с небольшими сокращениями. «Предки мои происходили из бывших малороссийских казаков из-под Батурина; мой дед Семен при организации Аракчеевым военных поселений в Новой Сербии³ попал в кантонисты и осел в Новороссии под г. Елизаветградом. В детстве ему повезло: он прошел модную тогда «ланкастеровскую школу взаимного обучения» и вышел грамотеем – редкость в те времена даже среди правящих классов. Отбывая солдатом 25-летнюю николаевскую военную службу, он, благодаря отличиям на войне и грамоте, сдал экзамен на офицерский чин и в конце прошлого века дослужился до капитана и был уволен в отставку в чине майора. Его родной брат, тоже николаевский солдат, прослужил всю свою жизнь сперва на действительной, а потом на сверхсрочной военной службе и умер в начале этого века неграмотным в должности сторожа (смотрителя) домика Петра I на Петроградской стороне г. Ленинграда⁴. Что же касается до моего прадеда, то он тоже был простым украинским казаком, щур же пращурь были запорожцами, и кости их развеяны от Днестра и Дуная до черноморских берегов...

Отец мой⁵ поднялся на ноги с помощью знакомой семьи немецких колонистов, которые дали ему возможность учиться в Елизаветграде в реальном училище вместе со своими детьми. Освоив в этой обстановке немецкий язык, желая быть врачом и не имея права из реального училища поступать в университет, отец уехал в Германию, где и прожил 6 лет, причем окончил Университет в Вюрцбурге».

* * *

Вюрцбург

Судьба не подарила мне возможности побывать в этом древнем городе на берегу Майна. А ведь, находясь в командировке, я был совсем близко. Вертолет, с которого я снимал Франкфурт-на-Майне, делал большой круг над городом и его пригородами. Обойдя стороной небоскребы-банки в виде гигантских кристаллов, мы пролетели над улочками старого города со шпилем кафедрального собора, с бульварами и старинными башнями. Потом внизу открылся Майн с его многочисленными мостами. С высоты птичьего полета самоходные баржи и теплоходы выглядели на серебристой глади реки совсем игрушечными. А впереди на востоке, в легкой дымке, петляя среди живописных холмов, нес свои воды Майн, и там, в какой-то сотне километров, находился Вюрцбург.

---

² Юдаков Гавриил Емельянович, уральский старатель, член РСДРП(б).

³ Новая Сербия – область военно-земледельческих поселений на Правобережной Украине (1752-1764).

⁴ Первое жилое здание города. Построено 24-26 мая 1703 г. С 1930 г. – Историко-мемориальный музей.

⁵ Кулик Алексей Семенович – отец Л.А. Кулика, родился 25 марта 1856 г. в г. Николаеве.

Перед нашим отъездом в Базель немецкие товарищи сказали мне, что Вюрцбургский университет очень старый и в настоящее время славится своей кафедрой стоматологии. И поведали также, что город этот известен не только своим университетом, но и отличным виноградным вином, которое мы и отведали из плоских фирменных бутылей зеленого стекла, вспоминая прадеда и все хорошее, что было на этой земле.

Уже после возвращения домой мне временами казалось, что я был в этом баварском городке. С крутого берега Майна любовался панорамой Вюрцбурга, бродил по неповторимым улочкам у цитадели Мариенберг, вокруг огромного каре университета, где преподавал и был ректором Вильгельм Конрад Рентген.

Но все это я видел лишь на старых фотографиях в туристических проспектах городской библиотеки Хемница.

Я не знаю, приезжал ли Алексей Семенович Кулик в годы учебы в Россию. Окончив в 1881 году Вюрцбургский университет, он возвращается на родину. Но то ли диплом немецкого университета не давал права на самостоятельную врачебную практику в России, то ли Алексей Семенович решил углубить свои знания в медицине, но его последующие годы связаны с учебой в Дерптском (Тартуском) университете.

С. К. Серединская – мать Леонида Кулика

Остается загадкой, где и когда познакомился Алексей Семенович Кулик со своей будущей супругой – Софьей Кирилловной Серединской. Но доподлинно известно, что 10-го сентября 1882 года исправник Елизаветградского Уездного Полицейского Управления Е. Дубровинский выдал свидетельство Софии Серединской сроком на один год на право свободно проживать во всех городах и селениях Российской Империи, где пожелает.

В этом же свидетельстве указывалось, что Софии Кирилловне 19 лет, что она дочь войскового старшины землевладельца Елизаветградского уезда Кирилла Тимофеевича Серединского. Очевидно, свидетельство было выдано накануне ее отъезда в Дерпт, так как следующий документ в домашнем архиве относится уже к следующему году. Это метрическое свидетельство, в котором говорится, что у доктора медицины Алексея Семеновича Кулика и его законной жены Софии Кирилловны 19 августа 1883 года родился сын Леонид, который был крещен по обряду православной церкви 18 сентября того же года.

* * *

Тарту

Так уж сложилась жизнь Леонида Алексеевича Кулика, что не смог он потом посетить Тарту, свою родину. А мне через много лет осенью 1983 года удалось побывать там с небольшой выставкой, посвященной столетию со дня рождения деда.

Экспозицию разместили в старой университетской обсерватории на холме Тоомемаги. Рядом со стендами выставки стояли старинные телескопы времен Василия Струве, в витринах лежали метеориты, а по высоким оконным квадратам ползли и ползли дождевые струйки – дождливая выдалась в тот год погода в Эстонии. За красными черепичными крышами и пеленой дождя еле-еле угадывалась Эмайыга, несущая свои мутные воды к Чудскому озеру. Рано начавшие облетать листья устилали тропинки, ведущие с холма в Старый город. У Ратуши, у стен-руин Домского собора, на узких улочках центра – всюду пестрели зонтики туристов. А когда дождь переставал стучать по уличным фонарям и старой брусчатке, возле университета собирались небольшие стайки студентов в фирменных фуражках.

Где-то здесь, на этих улочках, и снимал себе жилье отец Леонида Алексеевича, ведь в домах напротив университета и рядом в то время жили и студенты, и преподаватели. В разные годы здесь жили Владимир Даль и Николай Пирогов, Николай Языков и Василий Жуковский.

В 1884 году, через год после рождения сына, Алексей Семенович Кулик заканчивает учебу в университете. В свидетельстве, выданном «сословием врачей в царском университете наук в Дерпте», говорится, что Алексея Кулика «утверждают доктором в Медицине, Хирургии и

искусстве Родовспоможения». А так как в то время преподавание в университете велось на немецком языке, далее в дипломе указывалось, что «по указанию Министерства народного образования прилагается заключение об экзамене по русскому языку, в котором господин Алексей Кулик, по нашему мнению, обнаружил отменные знания, как и в умении письменно излагать свои суждения о вещах».

Дата выдачи Свидетельства – 11 июня 1884 года. Очевидно, что вскоре Алексей Семенович с семьей уезжает на юг Украины.

* * *

Украина

Первые годы семья живет в Бобринце. Это был небольшой провинциальный городок Херсонской губернии, на юге от Елизаветграда. В уже упомянутом «дополнении» к «Справке», написанной Леонидом Алексеевичем, есть несколько строк, относящихся к этому периоду, в них говорится, что «за границей он (отец) имел контакт с русской революционной эмиграцией, а, вернувшись на Украину, находился в связи с революционными группами юга России. В детстве я часто слышал рассказы об арестах (увезли из дому в одном белье). В частности, помню фамилию И. Михалевича...»

Елизаветград. Братья Кулик

Здесь в Бобринце семейство Куликов разрослось. В 1885 году родился сын Владимир, в 1886 – Нестор, а в 1890 – Алексей. 8-ми лет отроду Леонид определяют на учебу в Бобринецкое уездное училище. А через два года его переводят в Елизаветградскую гимназию. Очевидно, в это время семья переезжает в Елизаветград. Алексей Семенович к этому времени известный в уезде человек. Он коллежский ассессор и занимает должность земского врача. В это же время Алексей Семенович, обеспокоенный болезнью жены, стал выезжать с семьей на кумыс. Поездка на Чебаркуль летом 1894 года была последней. Во время одного из переездов, пытаясь удержать лошадей, испуганных волками, он падает и ломает себе ногу. С этого времени уцелела фотография, запечатлевшая последние часы умирающего от заражения крови Алексея Семеновича. Семья осталась без кормильца.

* * *

Южный Урал

Через два года Софья Кирилловна решает переехать на Южный Урал, в город Троицк, где жил ее брат – Евгений Кириллович Серединский. К тому же, в Троицке находилась единственная в то время на Южном Урале мужская классическая гимназия. Главной целью своей жизни Софья Кирилловна считала дать образование детям. На свои сбережения она покупает небольшой домик возле гимназии, а в 40 верстах от города, на краю села Рождественки, крошечный хуторок.

Хутор Куликов у села Рождественки. Начало 20 века. Фото Л.А. Кулика

Здесь, в Троицке и Рождественки, пройдет детство и юность братьев. Крупных событий в те годы в семье не было. Лето проходило на хуторе, а на зиму все перебирались в город. Позднее в одном из писем другу детства Леонид Алексеевич напишет об этом времени: «Мать моя страдала неизлечимой болезнью, раком, и не будучи в состоянии вести сама сельское хозяйство, сдала землю в аренду кулакам Лавровым и другим, по рублю за десятину. Многие из наших соседей систематически пользовались помощью нашей семьи в самых разнообразных случаях, особенно же беднота и маломощные середняки, которые всегда группировались вокруг нас. Помимо материальной помощи среди них велась и культурная работа, между прочим была создана библиотека (при школе), распространялась революционная литература, оказывалась медицинская помощь, многим из них я спас здоровье, а некоторым и жизнь, например, в холерный год».

Л.А.Кулик студент Лесного института. 1903 год

В гимназии Леонид учился отлично. В 1903 году он заканчивает Троицкую классическую гимназию с золотой медалью и едет в столицу, где поступает в С-Петербургский Лесной институт.

Столица неласково встретила Леонида. У многих еще были свежи в памяти забастовки на фабриках и заводах. И хотя волна их шла на убыль, в городе еще продолжались массовые увольнения, сокращались заработки рабочих.

Учеба Леонида Алексеевича Кулика в Лесном институте отмечена в «Жизнеописании» всего двумя строчками: «Через полгода за участие в студенческих выступлениях отчислен из института и призван на военную службу».

* * *

Солдатчина

Свою службу вольноопределяющегося Леонид начинает 19-го августа 1904 года в 22-м Драгунском Астраханском полку, который в ту пору был расквартирован в городе Тирасполе (б. Херсонской губернии). В личных листках Леонид Алексеевич напишет, что здесь, в Тирасполе, началась его революционная деятельность в РСДРП. Но в домашнем архиве имеется черновик рассказа, написанный им в 1936 году ко дню 8-го Марта для стенгазеты Ломоносовского института. И я привожу его с небольшими сокращениями.

«В 1905 году я отбывал свою солдатчину в г. Тирасполе, километрах в 120 к северу от Одессы. И был я в то время уже в контакте с с.-д. организацией, хотя о каком-либо оформлении моего приема в партию речи тогда еще не было. Кто хотел тогда работать в партии, тот просто приходил и работал, и хотя членского взноса не платил, но часто давал нечто более существенное. Я начал с работы в с.-д. воскресной школе: преподавал чистописание, арифметику, чтение и физику. Посетителями школы были рабочие, ремесленники, молодежь, лишенная школы, домохозяйки и работницы, преобладали евреи. Во главе школы стояли двое старичков, муж и жена. Славные стариканы были; оба – с.-д. Прихожу я как-то на занятия, а они отвели меня в сторону и говорят: «Присмотрелись мы к тебе, парень ты подходящий, наш. Так вот, хотим дать тебе конспиративное поручение. Одесская организация с.-д. провалилась и провалила провинциальную сеть; жандармам попали в руки списки (и адреса). Так вот, в таком-то местечке (не помню в каком) арестовали учительницу (молоденькая девчонка!), и улики против нее захватили, и нехорошо ей будет - в лучшем случае десяток лет каторги хватит. Наши решили отбить товарища, когда станут ее переводить из Тираспольской тюрьмы в Одессу.

Л.А. Кулик – вольноопределяющийся 22-го Драгунского Астраханского полка, г. Тирасполь. 1904 год

Так вот, друг, ты должен наладить связь с ней: передавать ей в тюрьму переписку, а письма от нее – в организацию в Одессу. Мы будем давать тебе передачу в корзинке и записку в руки, а ты носи ей все это в тюрьму. Тебя пустят: назовись, скажем, братом, а то, и того проще – женихом: никакой проверки не потребуется...

И каждый четверг добрый месяц ходил я в эту тюрьму и носил своей «невесте» записки и тем же путем и от нее получал крохотные трубочки. А когда наступала ночь, имитируя пьяного, отправлялся в еврейский квартал на явочную квартиру и передавал записку по назначению. Пересылка арестованных в Одессу произошла неожиданно, и налаженный было побег сорвался. Так и не видел я ни разу своей «невесты» и не знаю, блондинка она или брюнетка, худая или полная; и как ее имя и фамилия – не помню; да и самому мне пришлось вскоре ноги свои уносить от жандармов...»

Дальнейшие мои поиски материалов, связанных со службой Леонида Алексеевича в Тирасполе, не дали результатов ни в Одессе, ни в самом Тирасполе, ни в Москве. Только сухие строчки «Послужного списка». В конце июля 1905 года он окончил курс полковой учебной команды, в конце августа его командируют в штаб 8-й кав. дивизии, для держания экзамена на чин прапорщика запаса, а уже через два дня он снова возвращается в полк. Сразу же после этого Леонид Алексеевич едет в отпуск.

Но путь его лежит уже не в Троицк, а в Казань, где жила в это время мать с сыновьями.

* * *

«Учеба» в Казани

Излагая биографию Л.А. Кулика, многие авторы пишут о том, что он учился в Казанском университете. Сам же Леонид Алексеевич пишет в анкетах, что он только «поступил вольнослушателем физико-математического факультета. Тогда же, записавшись в милицию, принимал участие в революционных выступлениях в рядах РСДРП». Из «Послужного списка» известно, что уехать из Тирасполя он мог только в первых числах сентября, а в середине декабря он был уже в полку. В Тирасполе его не было около трех месяцев, но какое это было время! К сожалению, мало что было известно раньше, а сейчас и вовсе забыто.

Петр Людовикович Драверт

Обратимся к событиям тех дней в Казани. С 16 сентября в университете проводятся ежедневные студенческие сходки. Решается вопрос: продолжать забастовку, объявленную еще в январе 1905 года, или приступить к академическим занятиям. Начальник губернского жандармского управления грозит широкими репрессиями, если сходки не будут прекращены. Совет профессоров решает 26 сентября закрыть университет до 6-го октября. После закрытия университета народные митинги переносятся в Ветеринарный институт, где в то время учился брат Леонида Алексеевича – Владимир. Но 6-го октября университет открылся, и его аудитории вновь стали трибуной народных митингов. 16 октября в университете вновь был назначен митинг, но полицейские и казаки нагайками и шашками разогнали огромную толпу рабочих и учащейся молодежи. Но все же небольшой группе удалось проникнуть во двор и водрузить красное знамя над университетом. Сделал это один из организаторов студенческих собраний Петр Людовикович Драверт, впоследствии поэт, ученый, краевед, друг Леонида Алексеевича. На следующий день решением совета профессоров университет был снова закрыт. А в 4 часа дня на Воскресенской улице казаки и полицейские напали на собравшийся там народ. Началась настоящая кровавая расправа. После этого начался обстрел университета, шахматного клуба, окружного суда, семинарии, куда спрятались люди, спасаясь от пуль и нагаек. Народному гневу не было границ. Даже члены совета профессоров Казанского университета, возмущенные произошедшим, отправили телеграмму председателю Совета Министров Витте.

Через два дня в Казани была разоружена полиция и впервые организована революционная милиция, а вместо заводской полиции – фабрично-заводская милиция. В тот же день в городе была создана Городская коммуна. Но коммуна просуществовала недолго. После торжественных похорон жертв кровавой бойни 20-го октября на следующий день состоялась манифестация черносотенцев в сопровождении юнкеров. Начался обстрел думы. Против народной милиции были высланы две роты Лапшевского батальона и учебная команда, вооруженная винтовками и пулеметами. Милиция держалась до 6 часов вечера, но, видя явное преимущество осаждающих и избегая ненужных жертв, решила прекратить сопротивление. Было убито и ранено около 40 человек.

Л.А. Кулик. Тирасполь. Лето 1905 г.

Каких-то подробностей в биографиях и анкетах нет. Правда, в одном из писем Леонид Алексеевич называет свою мать либералкой и участницей 1-й революции в Казани. В анкетах же все коротко: «После обстрела юнкерами думы и разгрома революционных организаций переехал на Одещину, где работал в той же партии». Вот так и «учился» Леонид Алексеевич Кулик в Казанском университете.

В Тирасполе, куда вернулся Кулик, тоже наступали тяжелые времена. 9-го декабря по всему Херсонскому уезду прекращается железнодорожное движение. Из «Послужного списка» мы знаем, что 15 декабря 1905 года Леонид Алексеевич Кулик Высочайшим приказом произведен в прапорщики запаса армейской кавалерии по Казанскому уезду, а на другой день уволен в запас армии. Через два дня уезд объявляется на военном положении. В биографии об этом времени

всего одна строка. «В начале года, уходя от ареста, перебрался за Урал».

* * *

В поисках «Справки»

Но вернемся к черновику, который начинался словами: «Справку Г.Е. Юдакова я подтверждаю полностью...» Но это дополнение к «Справке», а где сама «Справка»? И откуда время от времени переписывается с подробностями эпизод из троицкой жизни Леонида Алексеевича? Была, правда, небольшая зацепка – заметка в одной из центральных газет из Троицка. Навожу справки об авторе, оказалось, что он в газете уже не работает. И мне подсказывают имя другого журналиста, который в свое время собирал материалы о Кулике и написал очерк, напечатанный в сборнике «Пламенные сердца» местного книжного издательства. И вот я в Челябинске. И здесь выясняется, что в основе рассказа о побеге революционера из троицкой тюрьмы, организованного Куликом, лежат материалы Челябинского партийного архива. На следующий день я уже сидел в небольшом, но уютном читальном зале архива. Меня интересуют документы 1905-1906 годов. В папках справки, документы, воспоминания старых большевиков, в большинстве написанные через многие годы после событий. Наконец-то в моих руках потерянная папка «Дело троицкой организации РСДРП». Листаю страницу за страницей. Но вот искомая «Справка», здесь же «Дополнение» к ней и другие материалы. «Справка» довольно большая – на шести страницах. Дата написания 22 декабря 1930 года. Автор ее Г.Е. Юдаков, но при чтении ее сразу узнается стиль самого Леонида Алексеевича, да и подробности в описанных эпизодах мог знать только участник событий.

Так что приводимые мной отрывки надо рассматривать как рассказ самого Леонида Алексеевича. Некоторые факты я уже знал из анкет и личных листков, но были и неизвестные мне подробности. Где-то раньше мне встречалось упоминание, что Л.А. Кулик был организатором партии РСДРП в Троицке. А в «Справке» написано, что «в зиму 1905— 1906 г. в городе Троицке студентом Константином Александровичем Селянкиным была создана подпольная организация РСДРП, в которую весной 1906 года вошел и Л.А. Кулик. После же отхода от этой организации К.А. Селянкина он был избран ее председателем».

Леонид Алексеевич в это время работал ночным корректором в троицкой прогрессивной газете, а также был секретарем местного общества приказчиков и конторщиков.

* * *

Побег

«В конце лета 1906 года Троицкая организация РСДРП приняла программу большевиков. Вскоре после этого в августе того же года из Челябинской районной организации РСДРП(б) прибыл с явкой товарищ «Станислав» и от имени партии потребовал содействия для освобождения из троицкой тюрьмы товарища «Владимира», которому грозила петля. Было созвано общее собрание Троицкой организации РСДРП(б), но охотников на это дело среди членов ее не нашлось... Тогда Леонид Алексеевич Кулик взял все это дело на себя. После установления связи с тюрьмой в назначенный день для побега Л.А. Кулик загримировался и с утра уехал из дому, сказавши, что едет к себе на хутор. На самом деле он весь день, вместе с лошадью, скрывался у сочувствующей партии Антонины Илиодоровны Дмитриевой. В 5 часов вечера на легких дрогах, вместе с товарищем «Станиславом», подъехал он к задней калитке тюремного двора. В это время арестованные были во дворе на прогулке; и в это время посетителям разрешалось в присутствии стражи передавать заключенным через калитку продукты. Оставив лошадь в шагах в 20 от калитки, Кулик и товарищ «Станислав» вызвали для передачи товарища «Владимира», который был обо всем предупрежден. Для передачи было куплено 5 фунтов яблок, уложенных в толстый бумажный кулек. Товарищ «Владимир» подошел к калитке в сопровождении часового и надзирателя, но когда надзиратель приоткрыл калитку, чтобы пропустить громоздкий кулек, Л.А. Кулик левой рукой протянул кулек с яблоками, а правой рукой с такой силой рванул «Владимира» к себе, что бедняга стрелой мелькнул в просвет калитки и покатился по земле, но уже за оградой.

Тюремная стража опешила, и в тот же миг Л.А. Кулик захлопнул калитку и плечом навалился на нее. В дальнейшем успеху дела невольно помог часовой. Он перестал напирать на дверь и через овальное окошко калитки сделал попытку достать Л.А. Кулика штыком. Но товарищ «Станислав» успел в это время защелкнуть замок, все трое бросились к лошади и погнали ее галопом по направлению к городу. Тогда лишь часовой спохватился, что винтовка стреляет, и, взобравшись на что-то, открыл стрельбу по мчавшимся по пустырю беглецам. Делая зигзаги по переулкам города, замедлив ход, подъехали к городскому саду. Там в это время было гулянье и играла музыка. Здесь товарищи «Станислав» и «Владимир» покинули Л.А. Кулика и смешались с толпой; а в это время, в погоню за ними, по челябинскому тракту скакал отряд казаков. Кулик же, высадив товарищей, сам прямиком знакомой с детства степью на своем степняке-коне еще до захода солнца примчался на соседний хутор. Спрятав взмыленную лошадь в березовом леске, Л.А. Кулик сказал знакомым, что пришел к ним пешком со своего хутора, находившегося в четырех верстах. А когда с коня сошла пена, почти ночью тайком вернулся на свой хутор».

Л.А. Кулик и Л. И. Кулик с дочкой Зоей. Троицк. 1909 г.

Оказалось, что фамилия «Владимира» известна в архиве – это Владимир Рукавишников⁶. И меня знакомят с толстым рукописным томом самого Владимира Павловича Рукавишникова. И чего там только не было. Справки и выписки, фотографии и рисунки, воспоминания и стихи. Была там и копия извещения Охранного отделения о побеге из троицкой тюрьмы подследственного политического преступника В.П. Рукавишникова. Был рассказ о побеге и упоминание об одном из организаторов побега – Леониде Кулике. А вот партийная кличка «Станислав» была расшифрована относительно недавно журналисткой Т.А. Никифоровой в сборнике «Пламенные сердца». «Станислав» – это Вячеслав Иосифович Мержиевский, слесарь винокуренного завода в Челябинске.

Когда после чтения справок, воспоминаний, писем проходишь по тихим улочкам старого Троицка, все вокруг: дома, улицы, дворы – кажется большой декорацией. Вот-вот за углом зажгутся прожектора и начнутся съемки фильма. Не спеша пройдет по тротуару полицейский, процокает пролетка, пробегут из гимназии первоклашки. В фильме этом будут и благотворительные любительские спектакли, и полицейские погони, и маевки у Гульной горы на берегу Увельки.

Здесь, в Троицке, прошли последние недели жизни Софьи Кирилловны Кулик. Вскоре Леонид Алексеевич женился. Женой стала выпускница женской гимназии Лидия Ивановна Кондарацкая.

* * *

Книжная лавка Куликов

Но вернемся снова к тексту «Справки». В самом ее начале говорится: «Малая культурность населения глухого степного городка требовала просвещения и пропаганды революционных идей. Троицкая организация РСДРП все свои силы и средства обратила на дело распространения легальной и нелегальной революционной литературы. Чтобы облегчить в тогдашних условиях эту задачу, Л.А. Кулик ловким маневром добился от приехавшего в г. Троицк губернатора Таубе разрешения открыть книжный магазин. Фактическим хозяином его была организация РСДРП. Небольшие средства на его открытие дала семья Куликов, три брата которой (кроме старшего Леонида еще Владимир и Нестор) находились в рядах этой организации. Этот «магазин» (небольшая лавочка) существовал два года, пока его не закрыли жандармы. Помещался он по бывшей Большой улице, сперва в доме Крысина, а потом – в доме муллы Хасана Бикматова напротив аптеки. Революционная и прогрессивная литература покупалась и получалась на комиссию магазином в довольно большом количестве. Энергичным посредником была, между прочим, контора транспортного общества «Надежда» с заведующим ею П.А. Зиссером, большим

---

⁶ Рукавишников Владимир Павлович. Родился в Челябинске. Член партии с 1905 года. Подпольные клички «Федор» и «Сибиряк». До 1935 года секретарь Уральского отделения Общества бывших политкаторжан и ссыльно-переселенцев.

мастером по части добычи и провоза нелегальщины. Но продавал магазин мало и себя не окупал, хотя члены организации и несли в нем безвозмездно труд продавцов. Значительная часть «товара» раздавалась бесплатно, особенно – боевая революционная литература. При этом обслуживался не только город, но и уезд. Дефицит покрывался Л.А. Куликом. Небольшие средства этой семьи, оставшиеся ей после смерти матери, без малого целиком ушли на это дело». Лидия Ивановна Кулик в своих воспоминаниях для троницкой газеты «Вперед» писала, что «кроме распространения литературы через магазин организацией был создан кружок, в котором и я принимала участие, где читали различную литературу, легальную и нелегальную: отдельные главы «Капитала» Маркса, брошюры Плеханова, «Манифест Коммунистической партии», статьи Л.Н. Толстого».

Л.А. Кулик с братом Алексеем. Троицк. 1907 г.

Брат Леонида Нестор был организатором и хранителем партийной «типографии», успевшей выпустить несколько прокламаций. Но ряд обысков в городе заставили братьев перенести ее на хутор Кузнецовых, где она и была укрыта на обширном огороде.

После налета на тюрьму жандармы не раз навещали книжную лавку Куликов, но придраться никак не могли. Позднее стали делаться обыски не только в магазине, но и на дому, и на хуторе, где не раз Леонид Алексеевич спасал нелегальную литературу. Наконец жандармам попала-таки в руки пачка большевистских прокламаций. Магазин тотчас же опечатали, а Л.А. Кулика с младшим братом Алексеем до суда оставили под поручительство на свободе, так как тюрьмы в то время были переполнены. Шло время, а судебное дело, благодаря искусству челябинского революционно настроенного адвоката Л.В. Еврейнова, удалось затянуть на несколько лет.

* * *

Где взять деньги?

После закрытия книжной лавки дела с партийной кассой стали совсем плохи. Дом братьев в Троицке пришлось к этому времени продать за долги. Но это мало помогло, т.к. на доме был уже долг, почти равный его стоимости. Приходилось приискивать другие источники и средства для партийной работы. Устраивали даже благотворительные спектакли, ухитряясь проводить полицию. Ведь разрешение на благотворительные вечера и спектакли надо было испрашивать у губернатора и посылать ему денежные отчеты.

В одном письме товарищу Леонид Алексеевич писал, что в это время было решено братьями продать землю в хуторе. «Однако это уперлось в большие трудности. Срок окончания аренды был еще далек, а по договору продать землю до срока нельзя было. Дела же (материальные) партии находились в катастрофическом положении и отлагательств не терпели. Я едва держался займами и рубкой, и продажей дров».

Надо заметить, что в материалах, посвященных деятельности Троицкой организации РСДРП(б), собранных в разное время в партархиве Челябинска, много неточностей, ошибок, а порой и вымысла. При тщательной проверке многие высказывания и утверждения не подтверждаются.

Л.А. Кулик и Л. И. Кулик с подругой Зоей. Миасс. 1909 г.

Это касается, к примеру, участия Леонида Алексеевича Кулика в уральских съездах и конференциях РСДРП(б), его контактах с Я.М. Свердловым. Но связи с екатеринбургскими большевиками все же были. Это подтверждают газеты и прокламации, изъятые у Куликов при аресте.

Во многих документах и воспоминаниях, относящихся к работе Троицкой организации РСДРП(б), встречаются упоминания о Льве Сосновском. Сам же Леонид Алексеевич пишет, что «в некотором контакте с организацией (через Нестора Кулика) находился и Лев Семенович Сосновский, но в нее не входил и непосредственного влияния на нее не оказывал. Памятны его статья в первомайском номере местной газеты и выступление на первомайском митинге, правда, не многолюдном». В одном из писем директора Троицкого краеведческого музея Шамшурина есть упоминание о Льве Сосновском, который пишет в газете «Известия» (центральной). Поиски

мои в Москве не увенчались успехом. И в «Известиях», и в Союзе журналистов такая фамилия им не известна. На выручку пришла жена: «Да ты зашел бы в ТАСС, там у нас в отделе проверки и документации – чудесная работница Людмила Юфоновна Зубкова. Это старейший тассовец. Она наверняка поможет тебе».

Адрес оказался точным. Людмила Юфоновна, выслушав меня, ответила, что эта фамилия у нее в памяти почему-то связана с Лениным. Она сняла с полки ленинский томик, нашла нужную страницу и протянула его мне. Читаю: «Сосновский Лев Семенович, (1886-1937). 1918-1924 – редактор газеты «Беднота». В 1920-1921 гг. поддерживал платформу Троцкого. В 1927 г. – исключен из партии. В 1935 – восстановлен, а в 1936 – вновь исключен из партии. Встречался с В.И. Лениным, в трудах которого много ссылок на эту фамилию».

Теперь мне стало ясно, почему Леонид Алексеевич в свое время не обращался к Сосновскому за воспоминаниями о работе Троицкой организации РСДРП(б).

* * *

В краю самоцветов

В 1908 году знакомые, сочувствующие революционной деятельности Кулика, зная, что семья осталась без средств, «устраивают ему заработок в Миасском лесничестве, где он с разрешения горного начальника Златоустовского горного округа Зеленцова был допущен «по вольному найму» к кондукторской работе за 30-40 рублей в месяц». С переездом в Миасс начинается новая страница в биографии Леонида Алексеевича.

Не так много памятных вещей сохранилось с тех далеких лет. Две любительские картины ильменских копей, несколько чудом уцелевших фотографий и открыток с видами Урала. Хранится еще два небольших кристаллика аквамарины. Два брата-близнеца. Когда-то Леонид Алексеевич хотел сделать из них сережки дочери, но так и не дошли до этого руки. Долгие годы пролежали они в небольшой коробочке на дне сундука. И когда сейчас вынимаешь их и кладешь на ладонь, то в кристалликах чистой воды видишь голубое уральское небо, чувствуешь холодок прозрачных горных ключей, слышишь тишину Ильменских гор.

Несколько лет жизни Леонида Алексеевича Кулика были связаны с этим удивительным уголком Урала. В его личной карточке по учету кадров записано: «С 20-го августа 1908 года работал на Миасской лесной горнозаводской даче в качестве лесного кондуктора. Заведовал учетом и разведкой полезных ископаемых восточного склона Златоустовского горного округа». Лишенный привычной среды, под неусыпным наблюдением полиции, Кулик тяжело переживает свою изоляцию, тоскует по полной опасностей жизни в Троицке. И теперь всю свою энергию он направляет на работу в лесничестве. Зима и весна 1909 года ушли у Леонида Алексеевича на знакомство с районом Миасской дачи, лесами, многочисленными приисками. Поражало здесь все: и древние горы, поросшие лесом, и красивейшие озера, и уникальная растительность, и не виданные им ранее животные. Но частые пожары уничтожали девственные леса, все меньше становилось животных, хищнически разворовывались копи.

В мае Кулик «нарушает» запрет полиции о невыезде, т.к. был вызван на лагерный сбор, который проходил в 1-м С.-Петербургском полку.

Довольно скоро Леонид Алексеевич уже прилично стал разбираться в минералах Ильменских гор. Этому содействовала его переписка с хранителем музея Уральского общества любителей естествознания Евгением Никитичем Коротковым. В октябре 1909 года он писал Кулику: «Музей охотно поможет Вам в ознакомлении с породами не одной только Миасской дачи, а также готовы определить все, что Вы пришлете».

Наступивший 1910 год был тяжелым для семейства Куликов. Заболел менингитом Леонид Алексеевич. В этот же год состоялся суд над братьями, умирает первенец – дочь Зоя. Не проходит и месяца, а не оправившегося от болезни Леонида Алексеевича вызывают в Челябинск на суд. Но было и радостное событие – родилась дочь Елена.

* * *

Суд над братьями

Обвинительный акт на братьев был составлен еще 29 января в Саратове. На его основании они подлежали суду Саратовской Судебной Палаты без участия сословных представителей. Проходил суд с 3-го по 10 мая «при открытых дверях Присутствия». В приговоре говорилось: «Подсудимые дворяне Леонид Алексеевич Кулик, 24 лет, и Алексей Алексеевич Кулик, 18 лет, преданы суду Судебной Палаты по обвинению во-1-х, в том, что в августе 1907 года у себя в доме, на хуторе своем близ села Рождественского, Андреевской волости, Челябинского уезда, Оренбургской губернии, согласившись и действуя заведомо сообщая с другим лицом, хранили с целью распространения, которого однако не последовало... (перечисляется нелегальная литература – авт.)

На основании изложенного Судебная Палата определила дворян Леонида и Алексея Алексеевых Кулик (Алексея – заочно) заключить в крепость: Леонида на три недели, а Алексея на один месяц».

Но лишь в следующем, 1911 году пришлось отсидеть положенный срок Леониду Алексеевичу в той самой троицкой тюрьме, из которой он с товарищем «Станиславом» так лихо освободил в 1906 году товарища «Владимира».

* * *

С экспедицией Вернадского⁷

Еще с осени 1908 года академик В.И. Вернадский добивался от Академии Наук и правительства выделения и увеличения средств на работы по изучению явлений радиоактивности. По его предложению при физико-математическом отделении Академии Наук создается Радиевая комиссия и выделяются деньги на экспедиции. Весной 1911 года Вернадский с учениками посещают Кавказ, Фергану, а летом и Урал. С июня 1911 года жизнь Кулика тесно переплетается с Радиевой экспедицией.

В.И. Вернадский

К сожалению, материалов по работе этой экспедиции очень мало. А последующая закрытость этой тематики привела к тому, что сегодня от того времени остались лишь короткие сообщения в «Трудах Геологического музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук» да отдельные строчки в переписке Владимира Ивановича Вернадского. 9 июня 1911 года он писал Александру Евгеньевичу Ферсману⁸: «Здесь очень интересно, и сразу находим много нового. Ревуцкая⁹ и Крыжановский¹⁰ начали съемку, топограф сегодня наносит железнодорожную станцию, переезды и т.п., ведем переговоры о добыче пуда самарскита и пуда эшенита – должно быть, с подрыда будем разрабатывать жилы, может быть, новые». А через два дня Вернадский сообщает жене из Миасса: «К нам прикомандировывают очень симпатичного живого помощника лесничего Кулика, любителя минералов и природы. Он снимет карту и пойдет следом за работой Елизаветы Дмитриевны и Владимира Ильича. Но лесничий хочет, чтобы к нам прикомандировали чертежника, и для этого надо ехать в Златоуст. Если мы всего этого добьемся, то у нас для Урала будет сделана большая работа... Но кроме нанесения на карту мне хочется добыть здесь материал, достаточный для начала работ с уральским радием¹¹. Надо добыть 2 пуда нужных материалов – при этом масса всяких мелочей... Думаю, что дело здесь наладил». А вот что писал

---

⁷ Вернадский Владимир Иванович (1863-1945), минеролог и геохимик, академик АН СССР, руководитель Радиевых экспедиций.

⁸ Ферсман Александр Евгеньевич (1883-1945), минеролог и геохимик, академик АН СССР, уча стник Радиевых экспедиций.

⁹ Ревуцкая Елизавета Дмитриевна (1866-1941), минеролог, участница Радиевых экспедиций.

¹⁰ Крыжановский Владимир Ильич (1881-1947), минеролог, хранитель, а позднее директор Минералогического музея АН СССР.

¹¹ Имелись в виду радиоактивные минералы самарскит и эшенит.

об этих событиях один из участников Радиевой экспедиции минеролог Владимир Ильич Крыжановский: «В первые дни пребывания в Миассе, еще дымившемся после огромного пожара, во время которого выгорела вся нагорная часть селения, необходимо было получить разрешение в местном лесничестве на право производства научно-исследовательских работ, найти проводников, рабочую силу.

Пом. лесничего Л.А. Кулик. Миасс

Здесь в лесничестве экспедиция и встретила Кулика, занимавшего должность помощника лесничего. Л.А. Кулик оказался тем живым, культурным человеком, вокруг которого сосредотачивалась молодежь, интересующаяся природой. Сам Леонид Алексеевич был ботаником, орнитологом, минерологом, работал в местном музее, прекрасно знал свою Миасскую лесную дачу, знал местных людей. Всей душой он прильнул к Радиевой экспедиции и с величайшей радостью принял участие в ее работах. Владимир Иванович Вернадский поручил ему инструментальную съемку минеральных копий в Ильменских горах. Работа Леонида Алексеевича встретила суровый отказ у лесничего, который всеми мерами противодействовал работе Леонида Алексеевича в Радиевой экспедиции. Владимиру Ивановичу пришлось со своей стороны принимать меры для того, чтобы Леониду Алексеевичу была дана возможность выполнить эту работу». Из дошедших до нас писем и телеграфных сообщений видно, как не просто было получить разрешение на работу Леонида Алексеевича в экспедиции. А когда пришел конец полевому сезону и надо было экспедиции уезжать в Петербург, то Владимир Ильич Крыжановский просил Кулика быть старшим над рабочими, еженедельно принимать от них минералы из копий и отправлять добытые минералы в Минералогический музей Академии Наук. Леонид Алексеевич взялся за эту работу. Он подробно информирует музей о работе, дает опись минералов. Сообщает, что добыча велась отчасти промывкой песков из отвалов, но, главным образом, разрабатывались жилы в трех шурфах; в Блюмовской копи мылись преимущественно пески, дробились елтыши и лишь два дня ковырялись бока копи. Немало хлопот стоила Леониду Алексеевичу пересылка минералов в Петербург, ведь у него не было на это документов от Академии Наук. Поэтому пришлось Кулику писать в Академию Наук, на имя ее секретаря С.Ф. Ольденбурга.

26 октября 1911 года в Петербурге на заседании физико-математического отделения Академии Наук с отчетом о проделанной работе в 1911 году выступил В.И. Вернадский. В протоколе заседания осталась запись этого выступления, где говорится: «Этим летом при работе в Ильменских горах для составления внутренней съемки отводов минеральных копий был прикомандирован к нам местным начальством помощник лесничего Л. Кулик. Однако он не смог приступить к своей работе, вследствие других даваемых ему поручений в течение всего лета. Ввиду этого я обратился по телеграфу 22 сентября сего года к Горному Главному Начальнику Златоустовских заводов с просьбой дать ему возможность сделать эту работу осенью. 15 октября я получил ответ, который был передан мне, но адресован в Академию Наук... Работа г. Кулика может продлиться не более месяца. Ввиду такого заявления Горного начальника Златоустовского округа, может быть, было бы возможно сообщить ему о желательности откомандировать г. Кулика весной 1912 года...»

* * *

Суть в группе и вожаке

Несмотря на частые разъезды и многочисленные домашние заботы, Леонид Алексеевич чувствует неудовлетворенность в работе. И после отъезда экспедиции из Миасса и свертывания работ на копиях его снова тянет к общественной работе. Теперь его мечтой становится организация в Миассе филиала Уральского Общества Любителей Естествознания, с музеем и библиотекой. Об этом он и написал в Екатеринбург Евгению Никитовичу Короткову. Вскоре пришел ответ. В нем Короткое не только дает советы в организации общества, но и рассказывает о положении дел в краеведении на Урале. «Для открытия филиального отделения О-ва прежде всего требуется иметь на месте группу лиц бескорыстных работников, соединенных искренним

желанием заняться изучением местности. Если такой группы (ядра) нет, никакие затраты средств не могут создать продуктивного отделения... многие Музеи совершенно прекратили свое существование (Н. Тагил, Кувша, Барнаул) из-за случайного подбора группы... В настоящую эпоху «свободы произвола» нельзя поручиться за завтра ни одного ценного работника. Административная высылка по одному ценному работнику едва не погубила Музеи Тобольский и Минусинский и во всяком случае затормозила успех и рост Музеев на несколько лет! Если уж в Екатеринбурге и Перми – таких больших городах, состав группы сильно меняется и О-во живет «прыжками», то тем разительнее это может быть в Миассе, где и интеллигентных лиц вообще мало, а следовательно и обмен группы труднее. А все дело в составе группы... Быть членом еще не значит быть работником. Но в громадной части нашего О-ва и групп работников, меняющихся часто, находится бессменно один постоянный, который, какая бы ни была группа, всегда идет впереди и ведет ее за собой... Вся суть в группе и вожаке».

* * *

1912 год

В новом году Леонид Алексеевич дважды высылал в Петербург на адрес Минералогического музея посылки с минералами. А в феврале месяце Академией Наук было получено разрешение Кулику работать с экспедицией в 1912 году. В нем говорилось, что «откомандирование помощника лесничего Л.А. Кулика возможно в половине мая месяца или в начале июня, т.е. по минованию опасности в пожарном отношении времени лесных дач управляемого им округа». Перед самым началом нового полевого сезона состоялось очередное заседание физико-математического отделения Академии Наук. На нем было решено «ходатайствовать перед г. Министром торговли и промышленности об откомандировании Радиевой экспедиции помощника лесничего Миасской дачи Л.А. Кулика сроком на два месяца, от 5 июня с.г. для производства работ по съемке, поискам и разведке, с правом необходимой в этих целях порубки леса в пределах, указываемой Радиевой экспедиции (со стороны Горного Начальника Златоустовского Округа уже имеется принципиальное соглашение на откомандирование г. Кулика)».

В.И. Крыжановский. 1917. Фото Л.А. Кулика

Сейчас нам кажется бюрократической эта переписка Академии Наук с маленькими и большими начальниками, вплоть до министра. А что бы мы знали, если бы не эта официальная переписка, которую сохранили нам архивы? Сегодня от одного документа к другому, как «нить Ариадны», выводят они к правде истории.

Начало работы Кулика в Радиевой экспедиции, правда, немного сдвинулось, т.к. он был призван на лагерный сбор, который проходил в 5-м Литовском уланском полку. Когда же после сборов он вернулся в Миасс, то уже не застал Вернадского в Ильменах. Так как в своем письме А.Е. Ферсману тот спрашивает в переписке: «Какое впечатление сделал на Вас Кулик?» Именно летом 1912 года в Миассе состоялась первая встреча Леонида Алексеевича Кулика с Александром Евгеньевичем Ферсманом. Тогда и началась их совместная работа и дружба, которая продолжалась почти 30 лет. Как и в предыдущем полевом сезоне, Радиева экспедиция делилась на два самостоятельных отряда. Первый работал под руководством Е.Д. Ревуцкой на Блюмовской копи, а второй под началом В.И. Крыжановского на Косой горе. Вот как описал работу на Блюмовской копи Николай Михайлович Федоровский, крупнейший минеролог, бывший тогда студентом. «Невдалеке ближайшего ручья два человека работали, они разбивали куски камня из отвалов, дробили их, отмывали в воде на самодельном вашгерде. Черный самарскит довольно легко отмывался, так как имел тяжелый удельный вес, и сыпался в мешочек». Вспоминая события того времени, Владимир Ильич Крыжановский писал: «К осени выяснилось, что Леонид Алексеевич уже не может расстаться с Радиевой экспедицией. Необходимо обработать материалы съемки. Владимир Иванович Вернадский обещал устроить Леонида Алексеевича в университет, что он и сделал при помощи своего друга Ректора университета, проф. Боргмана. Минералогический Музей Академии Наук имел возможность предложить Леониду Алексеевичу

платную работу, как и его жене Лидии Ивановне, что обеспечивало им возможность существования в Петербурге». А Владимир Иванович Вернадский позднее напишет: «В 1912 году после получения от Мин. Внутр. Дел разрешения на пребывание его (полит. надзорного в то время) в С.-Петербурге, Леонид Алексеевич, по моему приглашению, непосредственно со службы в Миасской даче, перешел на службу в А.Н., т.е. с 20 августа 1912 года».

* * *

В Минералогическом музее

С переездом в Петербург для Леонида Алексеевича и Лидии Ивановны с дочкой началась новая интересная, но полная лишений напряженная жизнь. Работу в музее приходилось совмещать с учебой. Леонид Алексеевич стал учиться на первом курсе физико-математического отделения Университета, а Лидия Ивановна на таком же отделении Бестужевских курсов. Тяжело было и материально. Зарплата хватало только на питание и плату за учебу и жилье, которое они снимали поблизости от Музея. Трехлетнюю дочь приходилось оставлять дома на целый день одну. Как рассказывала сама Лидия Ивановна, «хорошо, что в то время в университетской столовой на столах был бесплатный хлеб и квас. И часто, когда не хватало денег на обед, мы довольствовались этой скромной едой».

В 1913 году работы Радиевой экспедиции продолжались в прежних местах. Работами на Урале руководил А.Е. Ферсман. Несмотря на скверную погоду, Леонид Алексеевич вместе с Дмитрием Степановичем Белянкиным¹² продолжал работу над петрографической картой Ильменских гор. Помогает Елизавете Дмитриевне Ревуцкой на разработках Блюмовской копи. Кроме этого, урывками на протяжении лета, Кулик по просьбе Ферсмана вместе со студентом Петербургского университета Ф.Я. Аносовым обследовал район вдоль железной дороги от Миасса до Златоуста, а также район озера Б. Еланчик. А в августе со студентом Московского университета Н.М. Федоровским знакомился с приисками и копиями Сыростана и Златоуста.

На трассе Миасс-Златоуст. Фото Ф.Я. Аносова. 1913 г.

По возвращении в Петербург отчет, ставший результатом летних поездок Кулика, был представлен на заседании Физико-Математического отделения 5 февраля 1914 года и опубликован в «Трудах Геологического Музея имени Петра Великого Императорской Академии Наук». Но еще до этого, а именно 22 ноября 1913 года, состоялось первое выступление Кулика в Петербурге на общем собрании Географического кружка Университета, где он, как секретарь Бюро, отчитывался о летней деятельности членов кружка за 1913 год. В этом отчете упоминаются интересная экспедиция на Север (район нынешней Воркуты), в которой участвовал его брат Нестор Кулик, и увлекательное путешествие по Кольскому полуострову Леонида Капицы¹³.

* * *

Блюмовская копь

Е.Д.Ревуцкая

Несмотря на небольшие средства, отпущенные Радиевой экспедиции Министерством финансов на лето 1914 года, работы в Ильменах на Блюмовской копи все же продолжались. В.И. Вернадский по дороге в Забайкалье на несколько дней останавливается в Миассе, где знакомится с работой экспедиционных отрядов. Уже с дороги он пишет А.Е. Ферсману: «Мне кажется, необходимо уже заканчивать на этот год разработку Блюмовской копи: и Елизавета Дмитриевна, и Леонид Алексеевич утомились и им необходимо отдохнуть. Я нашел Елизавету Дмитриевну очень похудевшей, и она сама говорит, что устала и чувствует потребность отдыха. Таким образом, ясно, что надо закончить. Вместе с тем необходимо принять меры к охране сделанной

---

¹² Белянкин Дмитрий Степанович (1876-1953), геолог, академик АН СССР.

¹³ Капица Леонид Леонидович, географ и этнограф, старший брат физика П.Л. Капицы.

работы, чтобы ею не воспользовался кто-либо другой. Сообщите, какие шаги необходимо принять со стороны Академии для охраны».

Но долгожданного отдыха для Леонида Алексеевича так и не последовало. В то время, когда В.И. Вернадский в поезде за Челябинском писал письмо А.Е. Ферсману, в стране уже была объявлена мобилизация. Началась первая мировая война, и надо было срочно возвращаться в столицу.

На семейном совете было решено: до выяснения обстановки Лидия Ивановна с дочкой поедет в Камышин, где жила ее тетка (муж ее был уездным врачом). Когда же уляжется мобилизационная неразбериха на транспорте, она вернется в столицу. О поездке в Камышин никаких документов не сохранилось, но моя мать, хотя ей было всего 4 года, хорошо запомнила свое первое плавание по Волге и город на высоком берегу.

Л.А. Кулик на Блюмовской копи. 1914 г.

Когда через много лет я приехал в Миасс, стояли последние теплые дни уральской осени. Золотились стройные березы, а старые сосны, казалось, нежатся под неярким солнцем. Мы шли на знаменитую Блюмовскую копи, что дала России первую урановую руду для опытов В.И. Вернадского. Асфальтовая дорога от музея-заповедника сначала шла вдоль железной дороги и Ильменского озера. Дорога и раньше шла здесь. По ней со станции приходилось трястись в плетенке, чтобы добраться до копи. Потом дорога пошла левее, вдоль большого и живописного Ильменского болота и стала углубляться в смешанный лес. «Вот сюда!» – сказал мой проводник Слава Поляков, и мы свернули с дороги в лес. Идти пришлось совсем немного.

И вот перед нами копи – небольшая сопочка, поросшая лесом и прорезанная с края траншеей. Мы вышли прямо к «Академическому» ходу. В свое время он позволил определить направление и глубину залегания здесь пегматитовой жилы. В нескольких шагах от копи на стволе старой сосны доска с цифрой 1835 – это год закладки ее горным инженером Ф. Блюмом. Мой провожатый присаживается на щебенку на краю копи. Тишина. Не слышно птиц. Старые сосны молчаливо смотрят вверх на неяркое солнце, на нежную голубизну неба, на появившиеся откуда-то легкие перистые облака. Я не спеша подхожу к краю глубокой расщелины. Под ногами всюду щебень блекло-желтого полевого шпата с кварцем и черными прожилками слюды. И почти на каждом обломке породы следы голубого амазонита. Странное чувство, как во сне. Все это я видел много раз. И молодую поросль сосенок, и березки на краю копи, и камни, покрытые мхом. Все это есть на двух картинах художников-любителей, что висят у нас дома. И на старых фотографиях с лагерем Радиевой экспедиции у копи. Обхожу расщелину вокруг. Вот где-то здесь были переброшены бревна для подъема породы. А это старая лестница как будто осталась с тех далеких времен. Глаза мои ищут ствол кривой березы. Той самой, что изображена на одной из картин. Она же и на старой фотографии, по ней-то я и определил, что это Блюмовская копи. Немного подальше от разлома заросли папоротника почти по колено. Стволы многих старых берез подгнили и обломались. Сколько воды утекло с тех лет, и ту кривую березу тоже сломало неумолимое время.

* * *

Первая мировая

Петербург. Первые тревожные месяцы войны. Газеты приносят горькие вести с фронтов: о германских войсках, рвущихся к Парижу, о наших неудачах в Восточной Пруссии, о гибели генерала Самсонова под Сольдау. И наконец-то сообщения из Галиции об успехе армий Рузского и Брусилова, наступающих на Львов и Галич.

Об этом времени остались записи только в «Послужном списке» Л.А. Кулика: «Во исполнение Высочайшего повеления о перевождении армии на военное положение, призван из запаса на действительную службу Петроградским уездным воинским начальником и назначен в Отдельный запасный кавалерийский дивизион, куда прибыл и зачислен в списки дивизиона 914 – авг. 26». Более трех месяцев находился Леонид Алексеевич в запасном кавалерийском дивизионе. К

этому времени в Петроград из Камышина вернулась Лидия Ивановна с дочкой. Только 9-го декабря 1914 года в составе 1-го маршевого эскадрона его направляют на Польский фронт. Дорога на запад была тяжелой. Осенние дожди и туманы сменились под Шумском первым снегом. Хорошо, что лошадь у Леонида Алексеевича была отличной, по кличке Иолэ.

По прибытии на фронт Л.А. Кулик был зачислен в 5-й эскадрон 20-го Драгунского Финляндского полка. Через полмесяца его откомандировывают в полк Офицерской кавалерийской школы. Положение на фронте с каждым днем ухудшалось. 12 армия, куда входила 4-я отдельная кавалерийская бригада, должна была прикрывать подступы к Варшаве и реке Нарев.

Л.А. Кулик на отдыхе. Польский фронт. Весна 1915 г.

Про свои боевые подвиги Леонид Алексеевич не рассказывал, но документы говорят, что «за отличие в делах против неприятеля» Кулик был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. Еще не закончилось наступление наших войск, а его командируют на учебу в Петроград в Николаевское кавалерийское училище. Эта командировка была приятна для него, ведь предстояла встреча с семьей, товарищами по Академии и Университету. Теперь, когда удавалось выкроить свободное время, Леонид Алексеевич спешил из училища, которое находилось у Обводного канала, на Васильевский остров. Здесь в Минералогическом музее обсуждались планы участия сотрудников в Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Комиссия эта была создана еще в январе 1915 года, и председателем ее стал Владимир Иванович Вернадский. Предстояло приступить к энергичной и сложной работе по обслуживанию нужд фронта и задач мобилизованной промышленности.

Быстро пролетело время учебы. Выдержав офицерский экзамен по 1-му разряду, Л.А. Кулик был произведен в корнеты со старшинством и командирован в Отдельный запасный кавалерийский дивизион.

А 25-го ноября 1915 г. согласно приказу откомандировывается в свой 20-й Драгунский Финляндский полк, расквартированный теперь под Ригой.

* * *

Северный фронт

После продолжительного отступления летом и осенью 1915 года, безрезультатных боев на Северном фронте русские армии заняли укрепленную позицию, которая тянулась непрерывной полосой от берегов Рижского залива до Румынской границы. Боевые действия ограничивались артиллерийской перестрелкой, поисками разведчиков, иногда наступлением нескольких рот с целью занятия более выгодной позиции. В это время и прибыл Леонид Алексеевич в Драгунский Финляндский полк. Рига встретила его золотом парков и голубизной неба. И сами собой сложились вскоре стихи.

Рига, Рига – город старый

Над красавицей-рекой,

С мощных фабрик корпусами –

Рамкой к древности седой...

Рига – город меченосцев,

Город Ганзы сыновей,

С петухами колоколен,

Тенью чистеньких аллей...

Пока в Генштабе разрабатывались новые и новые планы наступлений, в частях под Ригой проходили очередные перегруппировки, пополнения и учеба. Шло время, начались весенние ростепели, дороги окончательно разгрязнились, лед на реках частью тронулся, частью покрылся водой. И стало ясно, что в такой обстановке наступление наших войск обречено на провал. Но Леонида Алексеевича и его товарищей волновали не только фронтовые события под Ригой. Об

этом говорят и стихи, написанные им в окопах, посвященные сербам и их истории. В них есть и такие строки о Косовом поле:

...В историю с честью войдя мировую,
Шли к родины счастьем чрез гряды препон,
Шли доблестно, честно: за землю родную
Несли жизнь свою, не страшась «ворон»...
Что вам воронье?! Ведь для целей высоких
Отрадны и смерть, и бряцанье оков!
Настанет ведь час: разлетятся «вороны»
Под натиском доблестным сербских орлов!..

Но не одними делами военными он был занят в это и последующее время: Если обратиться к архивным материалам, то приходится только удивляться, как он еще выкраивал время для научной работы. В отчете Академии Наук за 1915 год значится: «В музейной работе Отделения принимал участие... Л.А. Кулик, который благодаря призыву в действующую армию мог только урывками принимать участие в работе». Немного подробнее записано в Отчете Академии Наук за 1916 год: «А.Е. Ферсман, В.И. Крыжановский и Л.А. Кулик, по поручению Комитета Военно-Технической помощи, вместе произвели осмотр месторождения ратовкита в Тверской губернии по рекам Вазузе и Осуге, где собрана большая коллекция ратовкита, кальцита, кремней, ряд окаменелостей, причем особого внимания заслуживает замещение плавиковым шпатом остатков криноидей». В своем жизнеописании Кулик указывает, что «в том же году исследовал месторождения янтаря в южной части Рижского залива и гипса на острове Далене». В отчете Академии за тот же 1916 год отмечается, что из поступивших коллекций следует отметить: янтари, собранные Л.А. Куликом на Рижском взморье.

* * *

Лефортово

Углубившись в события 1-й мировой войны, понимаешь, как мало добротной литературы оставило нам время. Да и не вся она доступна простому читателю. Только в газете «Русский инвалид», на страницах «официального отдела», изредка встречались мне фамилии однополчан Леонида Алексеевича, награжденных теми или иными орденами. Пробую я что-то узнать помимо «Ленинки». Из Музея Революции меня направляют в Исторический музей. Из института Истории Академии Наук – отсылают в Институт Военной истории, а там, в свою очередь, рекомендуют связаться с Военно-Историческим архивом. «Если вы знаете часть и фамилию, то можете что-то узнать».

Л.А. Кулик. Рига. 1916 г.

Запасаюсь письмом к директору архива и еду на 2-ю Бауманскую, где он находится. Бывший Лефортовский дворец встретил меня тишиной и прохладой. Дежуривший на проходной милиционер сказал, что я зря пришел, так как читальный зал архива закрывается на ремонт. Звоню в справочную и объясняю девушке, что меня интересует. В ответ мне советуют приходить через месяц-другой. Объясняю, что я в отпуске и приехать смогу только через год. Меня просят подождать. Через минуту голос в трубке проговорил: «Вам дается полтора дня. Сейчас вам выпишут пропуск. В читальном зале по картотеке вы отберете, что вас интересует. В четверг вам дается день, а в пятницу только до обеда. Больше мы не можем, у нас начинается ремонт. Устраивает вас это?» «Конечно!» – почти кричу я. И вот пустой читальный зал. Девушка, принеся мне стопку карточек, любезно объяснила, что и где можно найти. В карточках – журналы военных действий и переписка по личному составу, приказы по части и полевые книжки офицеров. Но заказать из них можно не более 15 материалов. Выписав уйму карточек, начинаю отбирать из них 15. Это было похоже на экзамен. То ли я выбираю?

На следующий день я пришел раньше времени, но пропуск был уже на проходной. И снова пустой читальный зал. Татьяна Юрьевна, так звали девушку, приносит стопку папок разной толщины и говорит при этом, что это архив 3-й категории, т.е. еще не обработанный. Я буду первый, кто с ним знакомится. Развязываю верхнюю папку с полевыми книжками офицеров. Их около десятка. Здесь книжки командира полка подполковника Щербанта, поручика Кузнецова, корнета Фон-Гарнье, корнета Гросмана, писаря Матвеева и поручика Кулика. Я выбираю только одну – поручика Кулика.

На пожелтевших от времени страницах знакомый почерк. Здесь приказы, переданные по команде, списки кормившихся при столовой штаба полка, и вновь приказы. «Послать сегодня с ночным поездом по десять человек от каждого эскадрона в Майоренгоф для дальнейшего отправления. У людей отобрать полушубки, папахи, ватные штаны, оружие и противогазы...» «Явиться в гостиницу «Рим» к командиру полка...» «...Батарей для телефона не куплено». А вот настоящая находка! – «Прошу отпустить для отопления моей комнаты дров денщику моему Ш. Ахмадыеву. Поручик Кулик». Дело в том, что моя мать хорошо помнила его и знала, что звали его Шейхедин, а фамилии она, конечно, не знала. Шейхедин был очень привязан к Леониду Алексеевичу. Среди нескольких снимков Шейхеина той поры есть фотография, где они сняты вместе. Вспоминая те годы, мать рассказывала, как, приезжая с фронта в Петроград, Шейхедин угощал ее «домашними сладостями», которые ему присылали из дома. Теперь я узнал и фамилию фронтового товарища Леонида Алексеевича – Шейхедин Ахмадыев.

Л.А. Кулик и Ш. Ахмадыев. Рига.

Когда знакомишься с полковыми документами, то как бы листаешь страницы истории, написанные самой жизнью. Это совсем не учебник истории, вычищенный и выглаженный профессорами и отредактированный угодливыми чиновниками. Здесь приказы и сводки, прочитанные перед строем, телеграммы командующих и постановления военного трибунала. Фамилии и звания офицеров, награждения – все тут вплоть до кличек лошадей. И каких только не было их в полку. Вот только некоторые из них: Краля, Кортик, Азбука, Чулок, Архив, Магарыч, Автомат.

В очередной папке находился «Послужной список корнета Кулика. 1916 г.» Открывает его «Подписка». В ней говорится: «Я, нижеподписавшийся, даю сию подписку в том, что ни к каким тайным обществам, думам, управам и прочим, под какими бы они названиями ни существовали, я не принадлежал и впредь принадлежать не буду». Позднее я узнал, что такие подписки брались со всех офицеров и задолго до войны. Брались они даже с вольноопределяющихся. Следом за «Подпиской» шли документы, о которых вряд ли знал сам Леонид Алексеевич. Они под грифом «Секретно» и «Весьма секретно». Первым был запрос в Департамент Полиции, посланный 18 июля 1916 года, в котором Главный Штаб просил в непродолжительное время сообщить, «не имеется ли в Департаменте каких-либо отрицательных данных в отношении благонадежности» корнета Кулика. В первом ответе Департамента Полиции требовались уточнения, «не происходит ли Кулик из дворян Херсонской губернии, в каком учебном заведении получил образование». Следующий ответ Департамента Полиции пришел в ноябре 1916 года. В нем сообщалось, «что потомственный дворянин Херсонской губернии Леонид Алексеевич Кулик, родившийся в 1883 году и окончивший курс Троицкой классической гимназии, приговором Саратовской Судебной Палаты от 3 мая 1910 года был признан виновным в преступлении, предусмотренном 2 ч. 132 ст. Угол Улож, и присужден к заключению в крепости на три недели с отменой наказания по закону 22 ноября 1906 года». Через месяц, 21 декабря 1916 года командир полка в своем рапорте Начальнику 4-й отдельной кавалерийской бригады сообщает: «Поручик Кулик всю кампанию находился в рядах Финляндского полка и заслужил самый лестный о себе отзыв, как начальства, так и всех товарищей. Исполняя обязанности строевого офицера и вместе – должность помощника полкового адъютанта, он все время находился у меня на виду. О том, что он за поступок, имевший место 9 лет тому назад, отбыл заключение в крепости по приговору судебной палаты, стало известно с его же слов при назначении его помощником адъютанта... По убеждениям, им всегда высказываемым, по отношению к нижним чинам он является человеком совсем противоположных взглядов тому направлению, которое характеризуется прокламациями

1905 года. Среди офицеров полка, как и всех кавалерийских частей – исключительно легального направления, не мог бы он не прорваться хотя бы раз в течение 2,5 лет и, конечно, тот же час был бы ими изъят из своей среды». Давая характеристику Кулику, командир толка сильно ошибался. Частые командировки, увлечение минералогией и поэзией создавали образ офицера, далекого от всякой политики.

Л.А. Кулик. Северный фронт. 1916 г.

После ходатайства Начальника 4-й Отдельной кавалерийской бригады перед Начальником Главного Штаба последовал Величайший приказ об определении Леонида Алексеевича вновь на действительную военную службу. Но это произойдет уже в следующем году, 4-го февраля.

В канун 1917 года в прифронтовую Ригу из Петрограда приходили сообщения о безудержном росте цен, о нехватке сахара и мяса, муки и даже соли.

И все это при нехватке дров и угля для топки квартир. Но были и радостные для Леонида Алексеевича сообщения. В конце декабря намечалось провести общее собрание Комиссии по изучению естественных и производительных сил России. С докладами должны были выступить В.И. Вернадский и Н.С. Курнаков¹⁴.

Обещали к этому времени вызвать с фронта и Кулика. К середине декабря он готовился к командировке. Об этом я знал из короткой открытки, посланной из Риги 12 декабря 1916 года. Там были такие строчки: «Произошла задержка служебного характера. О командировке – ни слуху, ни духу». Очевидно, все отпуска и командировки на время были запрещены, так как 12-я армия готовилась к наступлению. В историю оно вошло как Митавская операция. Начало ее намечалось на 23 декабря. Цель операции состояла в том, чтобы на небольшом участке (около 30 км) прорвать позиции германской армии и «маневром в открытом поле» отбросить немцев за реки Экау и Аа. Ставка делалась на внезапность, и командование решило отказаться от артиллерийской подготовки и провести ее только на участке Нейн – Пулеметная горка. Из истории I мировой войны известно, что в самый канун наступления, 22-го декабря, солдаты 17-го Сибирского полка (5-й дивизии 2-го Сибирского корпуса) отказались идти в наступление и агитировали против войны. На следующий день к ним присоединились солдаты 55-го Сибирского стрелкового полка, руководимые солдатами и унтер-офицерами. И начавшееся наступление русских войск по сути дела было сорвано. За семь суток войска продвинулись всего от 2-х до 5-ти километров и были вынуждены перейти к обороне. А уже 29-го декабря 1916 года войска получили приказ Радко-Дмитриева¹⁵ «прочно утвердиться на занятых позициях». Этот малый успех стоил русским до 23-х тыс. человек убитыми, ранеными и пленными. Сразу же после прекращения наступления в частях начались расправы над солдатами, зачинщиками срыва наступления. «1-го января были казнены 24 солдата 17-го Сибирского стрелкового полка. Многие солдаты, избежавшие казни, были сосланы на каторгу». Эти события позже нашли отражение и в биографии Кулика.

Только к концу января выбрался Леонид Алексеевич в Петроград. А уже 3-го февраля он вернулся в Ригу. На следующий день в полк поступило сообщение, что Высочайшим приказом поручик 20-го Драгунского Финляндского полка Кулик определен на действительную военную службу в свой же полк.

На фронте в это время все было без изменений. Приказами по армии полк переводился то в пригороды Риги, то выдвигался на передовую для смены других частей. В тылу одни части занимались учебой, другие несли гарнизонную службу в Риге.

* * *

---

¹⁴ Курнаков Николай Семенович (1860-1941), физико-химик, академик АН, проф. Петербургского горного ин-та.

¹⁵ Радко-Дмитриев. В 1-ю мировую войну Главком Северного фронта.

Репортаж из 17-го года

Сколько лет этому старинному заграничному сундуку, знали, наверное, только дедушка с бабушкой. Да и откуда он появился в нашей семье? Хранились в нем вещи и документы, которыми не пользовались по многу лет. Здесь, среди папок и старых записных книжек, лежала небольшая картонная коробочка, а в ней стопка негативов с несколькими контактными отпечатками. Приводя в порядок архив Леонида Алексеевича, я вплотную взялся за разгадку этих снимков. Когда сделал с негативов отпечатки и разложил их по месту съемок и времени года, то они вызвали у меня массу вопросов. На фотографиях был то Петроград, то фронт, то Рига. К счастью, на некоторых негативах стояли даты.

Демонстрация солдат. Рига, 18 апреля 1917 г. Фото Л. Кулика

Шло время. Урывками в отпуска знакомился я в архивах с документами тех лет, просиживал часами в «Ленинке». И постепенно фотографии стали выстраиваться в своеобразный фоторепортаж из далекого 1917 года. Да, именно репортаж, а не серию снимков «на память» или «по случаю». Но были и «белые» пятна. В основном это портретные снимки. К сожалению, сейчас трудно определить на фотографиях офицеров, ведь в «Послужных списках» полка, хранящихся в Военно-Историческом архиве, нет фотографий. В 20-х числах февраля Драгунский Финляндский полк стоял в пригороде Риги – Майоренгофе. Дважды в неделю, по вторникам и пятницам, проходила полковая учеба на Булонском плацу. Очевидно, ее и запечатлел Леонид Алексеевич на своих снимках. Но полковой архив поведал мне, что в среду, 22-го февраля, в полку состоялось офицерское собрание. На нем был создан Распорядительный комитет офицерского собрания. Председателем комитета избран полковник Улазовский, а хозяином собрания – поручик Кулик. В последней декаде февраля из Петрограда на фронт стали приходить все более тревожные сообщения. На воскресенье 26-го февраля в столице намечалась крупная манифестация: в городе уже не было хлеба, а к народу все еще обращались с призывами «сохранять спокойствие». Да и на передовой Северного фронта неспокойно. К вечеру 26-го в Риге стало известно, что солдаты 1-го Усть-Двинского латышского стрелкового полка силой освободили своих арестованных товарищей. В этой стычке с жандармами трое стрелков ранено, а среди жандармов – шесть убитых и раненых. События нарастали, как снежный ком. Слухи опережали официальные сообщения. В последний день февраля все уже говорили о революции в Петрограде и о свержении самодержавия. 1-го марта в 20-м Драгунском Финляндском полку была зачитана телеграмма Главкосева Радко-Дмитриева, в ней говорилось: «Волнения в Петрограде приняли настолько серьезный характер, что для установления порядка в столице образовался временный комитет Государственной Думы под председательством председателя Гос. Думы Родзянко...» А на следующий день фронт облетела весть об отречении Николая II. Утром 3-го марта рижские газеты публикуют первые известия о ходе революции в Петрограде. В этот же день в частях перед строем зачитывается «Манифест Государя Императора», подписанный им 2-го марта в 15 часов во Пскове. 5-го марта 20-й Драгунский Финляндский полк переводится в Ригу. Для несения караульной службы начальник гарнизона приказал сделать драгунам повязки на левый рукав без букв и как можно скорее. В этот же день в городе проходили массовые митинги рабочих и солдат. Из тюрем освобождались политические заключенные.

Перезахоронение солдат 17-го Сибирского полка. Рига. Фото Л.А. Кулика

Последующие дни марта для полка были сплошным мучением. Команда следовала за командой. Круглосуточная караульная служба сменялась утомительными занятиями на плацу. То один эскадрон с хором трубачей посылался для участия в церковном параде, то другой участвовал в параде на панихиде в память жертв, павших за Свободу, то проходил смотр, то встречали на вокзале Военного и Морского министра А.И. Гучкова. Многие из этих событий отражены на снимках деда. Последние дни марта. По городу проходят многолюдные манифестации и митинги.

А после опубликования декларации Временного правительства о продолжении войны «до победного конца» 30 марта на фронте начались организованные братания русских и латышских солдат с немецкими солдатами. Письма и газеты приносили из Петрограда мало утешительного.

Жизнь и там была не сладкой. Почти ежедневно на Невском проспекте проходили большие и малые шествия и манифестации с лозунгами и транспарантами. В очередях с вечера или ночи стояли и за хлебом, и за обувью. Цены на все росли. Очень редко можно купить мясо, сахар, чай. На каждую карточку давали по 300 гр. хлеба в день и 800 гр. крупы на месяц.

Из снимков тех дней больше всего с датой -18 апреля 1917 г. В этот день приказ по эскадрону гласил: «В 9-15 при хоре трубачей выступить для участия в первомайской процессии». С раннего утра улицы Риги бурлили народом. Леонид Алексеевич Кулик снимал своим «Кодаком» и шествие солдат с полковыми знаменами, и митинги на площадях, и, конечно, проезды по городу драгун своего Финляндского полка.

Прошло немногим больше недели, и он снова снимал. На этот раз из окон гостиницы «Метрополь». На этих кадрах торжественное перезахоронение солдат 17-го Сибирского стрелкового полка. И кто тогда мог знать, что в гражданскую войну судьба сведет Леонида Алексеевича с поредевшими рядами этого полка, который будет именоваться «Северным летучим». И его возглавит легендарный Сергей Павлов¹⁶ В первых числах мая Кулику удалось отправить в Петроград Шейхедина с вещами и кое-каким продовольствием. Самому же пришлось задержаться. А в Риге к этому времени становится хуже с продуктами. С 8-го мая в городе вводится карточная система на хлеб. Норма – 4 фунта в неделю на человека. Только в середине мая Леонид Алексеевич на несколько дней выбрался в столицу. Поездка эта была связана с предстоящим переводом его в Петроград, в Центральную Научно-Техническую лабораторию Военного Ведомства.

Петроград встретил Кулика бесконечными митингами. Казалось, что «вся Россия говорит речи, и никто ничего не делает, и вся Россия – сплошной митинг людей». Прямо на центральных улицах торговали спичками и семечками, мылом и папиросами. В те дни многие люди еще верили, что после февральских дней не будет больше гнета, кончится кошмар войны и станут все вольными. Но шло время. Не видно конца войне. Продолжала литься кровь. Постепенно эйфория февральских дней стала проходить.

Когда Л. А. Кулик возвратился в Ригу, его эскадрон был уже переведен в окопы в районе Пулеметной горки. 20-го мая прибывает Военный и Морской министр А.Ф. Керенский. А на следующий день и остальные эскадроны Финляндского полка переводятся на передовую, в распоряжение 6-го армейского корпуса. Эти события тоже запечатлены на снимках Леонида Алексеевича.

Я неоднократно бывал в Риге. И сейчас, разглядывая снимки деда, не перестаю удивляться, как мало изменился город. А ведь прошло столько лет! Вот здесь рядом с аптекой на Александровском проспекте фотоателье «Идеал», в нем Леонид Алексеевич снимался для удостоверения. Очень возможно, что и пленки, снятые им, здесь проявлялись. А тут, у 2-й Рижской гимназии, в «День памяти жертв, павших за Свободу», 10-го марта, проходило шествие солдат. В Соборе в воскресенье 19 марта отпевали скоропостижно скончавшегося сослуживца Леонида Алексеевича, подполковника Сергея Ивановича Карелина. А с балкона, что напротив банка, выступал А.Ф. Керенский в 20-х числах мая.

Александровский проспект. Рига. Май 1917 г. Фото Л.А. Кулика

Демонстрация на Невском проспекте. Петроград. 1917 год. Фото Л.А. Кулика

В первые дни июня полк, где служил Кулик, из окопов снова отводится в Майорингоф. А через две недели Кулика командируют в стрелковый полк. Отправляясь в эту командировку, он расставался со своим Шейхедином, его через 10 дней командируют в другую часть. И Кулик напишет:

«Козел отпущенья вам нужен!

Ну, что ж? Хоть я здесь ни при чем,

---

¹⁶ Павлов Сергей Дмитриевич (1897-1946). Мичман, участник штурма Зимнего дворца и гражданской войны. Командир «Северного летучего отряда»

Не хнычу (ведь я не «контужен»);

Приказ – не удар кирпичом!..»

Снова передовая, снова окопы, снова смерти, панихиды. Из Петрограда редкие сообщения: о расстреле демонстрации, о назначении Керенского Председателем Временного правительства. Только 11-го июля 1917 года Леонида Алексеевича командируют наконец-то в Петроград в Центральную научно-техническую лабораторию Военного ведомства.

Л.А. Кулик. Прощай, Балтика! Рижское взморье. 1917 год

Прощай, Рига! Прощай, лазурное море! Прощай, изрытая окопами земля, искалеченная снарядами Пулеметная горка! Впереди его ждала новая жизнь и новые испытания. Какими они будут?

Владимир Иванович Вернадский запишет в своем дневнике: «Очень смутно и тревожно за будущее. Вместе с тем и очень ясно чувствую силу русской нации. Очень любопытное будет изменение русской интеллигенции. Что бы ни случилось в государственных формах, великий народ будет жить...»

* * *

Часть 2

В научно-технической лаборатории

С осени 1917 года Леонид Алексеевич Кулик начинает работать в Центральной научно-технической лаборатории Военного ведомства. Теперь он уже не поручик, а войсковой техник. Каждый день по утрам он спешил в Комиссию защитных красок при Военно-Химическом комитете, которая находилась на углу Парадной и Госпитальной. Изредка удавалось навещать Минералогический музей и Университет. Работы было много, ведь все приходилось начинать с нуля. Нужно было достать необходимое оборудование для лаборатории, организовать хотя бы небольшой музей неорганических красителей, подобрать нужную литературу. А кроме основной работы на него были возложены обязанности секретаря Комиссии по неорганическим красителям.

Несмотря ни на что, в это время с фронта приходили заказы на производство лабораторных испытаний самых различных материалов и красителей. Архивы сохранили нам примеры таких заявок. Вот, например, присылает заявку из Ставки Полевой инспектор Инженерной части при штабе Верховного Главнокомандующего генерал-майор Суботин. «Прошу Вас не отказать в исследовании во вверенной Вам лаборатории нижеследующих, имеющих крупное значение для краскомаскировки»... Всего восемь вопросов. Сейчас мне кажется, что и в первых трех вопросах уже имелся материал на добротную кандидатскую диссертацию!

В город пришла зима с ужасной стужей. На улицах перестали митинговать и вести длинные разговоры. Угля и дров не хватало: помещения отапливались плохо. И работа в лабораториях превращалась в испытание на стойкость.

* * *

Камень с неба

21-го февраля 1918 года близ города Кашина упал метеорит.

Время было беспокойное. Только что, 3-го марта, был заключен Брестский мир, а через 3 дня войска Антанты высадили десант в Мурманске. 10-11-го марта Советское правительство переехало в Москву, 5-го апреля войска интервентов высадились уже во Владивостоке.

И, казалось бы, до этого ли события в провинциальном Кашине было в ту пору Академии Наук. Но к месту падения метеорита она командирует Л.А. Кулика.

В опубликованных позднее материалах об этом падении встречается много неточностей. Писали, например, что Кулика в Кашин послал академик Вернадский. Но он жил в это время на Украине и о падении метеорита ничего не знал. Вот что писал сам Леонид Алексеевич: «Директор Николаевской Главной Астрономической Обсерватории А.А. Белопольский письмом от 23/10 марта известил академика Н.И. Андрусова о том, что им получены сведения о падении в г. Кашине Тверской губ. метеорита до 7,5 пудов весом, на основе чего 4-го апреля (22 марта) Академия Наук предложила мне отправиться в командировку для изучения обстоятельств падения и привоза этого метеорита в Петроград. Еще перед отъездом от своего товарища по «Мироведению» Даниила Осиповича Святского Леонид Алексеевич узнал, что в летописи есть упоминание о ярком болиде в Кашине в 1411 году. В ней говорилось: «Той же зимы месяца декабря в 8 день, бывшему князю Василию Михайловичу на праздник святого Зачатия в своем селе в Стражневе, и поющим им вечерню уже по пракимне, и в то время полятел от града от Кашина змий велик, зело истрашен дыша огнем, и летяще от востока к западу, к некоему озеру, как заря светясь, и, видя его, князь Василий Михайлович и его бояре и все люди и по всем селам около города; и видели его в один час».

Л.А. Кулик с Федей у «метеоритной ямы» у дер. Глазатово. Апрель. 1918 г.

И вот через века сообщение о новом падении метеорита. В некоторых публикациях говорится, что метеорит был найден и привезен в Петроград Куликом, но это тоже не верно. Леонид Алексеевич писал по этому поводу: «По прибытии в Кашин 11-го апреля утром я передал в местный совдеп все необходимые документы и при этом узнал, что на основании сношения Департамента Земледелия, метеорит уже передан в распоряжение Петровской Сельско-Хозяйственной Академии и 9 апреля отправлен в Москву. Сообщив о создавшемся положении вещей Непременному Секретарю Академии, я использовал имевшееся у меня время на изучение места и обстоятельств падения».

Единственными свидетелями падения метеорита «Кашин» были двое ребят из деревни Глазатово. В своем отчете Кулик приводит их рассказы. По сохранившимся фотографиям можно хорошо себе представить и тот пасмурный апрельский день, и освобождающееся от снега озимое поле, небольшие щетинки перелесков на горизонте, и окраину села Глазатово с мельницей. Здесь Леонид Алексеевич с тремя ребятами и добровольным помощником из Кашина обследовал «метеоритную яму»: замерял и фотографировал ее.

Метеорит «Кашин»

После обследования места падения метеорита Леонид Алексеевич приступил к опросам других свидетелей. Были опрошены жители Кашина и окрестных деревень (Размесово, Глазатово, Суходол, Дуплино), а также железнодорожных станций Кесова Гора, Сонково и г. Калягина. Всего было опрошено около 40 человек. Выяснилось время падения, погодные условия, звуковые и световые явления, сопровождавшие падение метеорита. Из расспросов населения выяснилось, что весть о падении камня быстро облетела деревню и вскоре в поле собралось все ее население. Очевидцы рассказали, что многие щупали его: он был холодный. Вынимали его стягами и ломом и увезли на саночках в деревню. Когда его вынимали, то перепачкали грязью и вымочили, но жидкость на нем не замерзала. В деревню камень привезли и положили в центре, у пруда, против дома крестьян Метелиных. О падении метеорита быстро узнали и в окрестностях. В Кашине об этом стало известно уже через несколько часов, и в тот же день много народу побежало смотреть на него. Приходили и из соседних деревень. Дело осмотром не ограничилось: его беспощадно обкалывали. Многие приходили со своими молотками. Сначала метеорит колелся легко, так что можно было отбивать большие «плитки», но потом дробить стало труднее: глазатовские крестьяне «все топоры изломали о него».

О падении метеорита и его обкалывании узнал и директор реального училища Игнатий Анисимович Аралов, по настоянию которого Кашинский Совдеп командировал за метеоритом красногвардейцев. Но крестьяне метеорита не дали. В пятницу 1-го марта (16-го февраля) он был утром увезен приехавшими на двух извозчиках тремя вооруженными солдатами из Совдепа. Секретарь А.И. Соколов сообщил Кулику, что с первой партией ездил комиссар Бобров, а со второй – писарь Совдепа Горланов.

За то время, когда метеорит лежал в деревне Глазатово, он подвергался самой варварской порче. Помимо невежества, большую роль в этом играло прямо-таки средневековое суеверие. Вот строки из некоторых протоколов: «глазатовские не хотели давать: это нам какое-то послание Бог дал. Глазатовские бабы кололи кусочки для лечения» (А.Л. Морозова). «Мы не хотели отдавать его: хотели часовню поставить и его положить в часовню» (И.В. Николаев).

Опрашивая население, Кулик делал попытки приобрести для Академии Наук осколки метеорита, ходившие по рукам. В большинстве случаев эти попытки были безрезультатны. Несколько мелких кусков ему дали в Кашине, остальные были получены в деревнях Глазатово и Размесове.

От этих далеких весенних дней 1918 года в архиве сохранилась афиша, которая сообщала, что в зале Реального училища города Кашина состоятся две лекции минеролога Российской Академии Наук Л.А. Кулика о метеоритах - камнях с неба.

Лекции все же достигли цели. Житель деревни Размесово Петр Михайлович Кочергин, который помогал Кулику опрашивать крестьян этой деревни, на следующий день принес в Кашин собственноручно написанный им опросный лист нескольких свидетелей и уговорил прийти двух

крестьян, из которых один продал за 20 рублей лучший из привезенных Куликом в музей кусков метеорита.

Леонида Алексеевича, конечно, интересовали различные публикации, появившиеся по поводу падения метеорита. Позднее он вклеит в свой оттиск «Предварительного отчета» небольшую статью из «Вечерних огней» и стихи Эмиля Кроткого¹⁶, которые назывались «Из-за пределов коммуны». А начинались они так:

«Дитя космического чуда, Сухой науки фаворит, С каким намереньем, откуда Ты к нам забрел, метеорит?» Всего дней пять провел Кулик в Кашине, строились планы дальнейших исследований. Он еще не знал, что, нарушив Брестский договор, германские войска уже захватили Крым, что на Украине малочисленные красные отряды с боями отступают на Юг. И все шире разгорается пламя гражданской войны.

Афиша о лекциях Кулика

В Петрограде Кулика ожидала масса новостей и дел. В воскресенье 28 апреля на экстренном совещании Радиевой экспедиции, кроме других неотложных вопросов, решался вопрос о командировке Кулика в Ярославскую губернию и в Москву за метеоритами. А в самое ближайшее время Леониду Алексеевичу предстояло отчитаться о проделанной в Кашине работе, написать отчет для Академии Наук и закончить заметки для «Природы» и «Мироведения». А потом предстояла поездка на Урал от Центральной Научно-Технической лаборатории Военного Комиссариата. Но усиливающийся голод в Петрограде заставил серьезно задуматься о семье. Оставить Лидию Ивановну с восьмилетней дочерью одних было рискованно. И Леонид Алексеевич решает отправить их на время к двоюродному брату Нестору Алексеевичу Крыжановскому на железнодорожную станцию Миньяр, где тот работал начальником дистанции пути. Время не ждало. И уже 3-го мая Кулик получает разрешение на выезд из Петрограда до станции Полетаево и обратно. Вернувшись из Миньяра, Кулик 21 мая на заседании Отделения Физико-Математических Наук отчитывается о своей командировке в Кашин, а академик

Н.И. Андрусов представляет предварительный отчет Кулика к публикации в «Известиях Российской Академии Наук».

Еще до поездки в Кашин Леонид Алексеевич узнал, что при ВСНХ образован Научно-Технический отдел. Его Горный отдел возглавляет 32-летний Николай Михайлович Федоровский, которого он хорошо знал еще студентом по уральским экскурсиям в 1913 году. В ВСНХ намечались смелые и грандиозные планы. Готовился проект «Закона о лесах». В ближайшее время предстояла национализация крупнейших предприятий горной и металлургической промышленности, в том числе Миассовского золотопромышленного товарищества и Кочканарских золотых приисков. А положение в стране все больше осложнялось. Пришла весть о мятеже белочехов на Урале, а ведь туда предстояло ехать в командировку Леониду Алексеевичу. 29-го мая Совет Народных Комиссаров обратился с воззванием к народу, где прямо говорилось: «С каждым днем продовольственное положение Республики ухудшается. Хлеба все меньше и меньше доставляется в потребляющие районы. Голод уже пришел; его ужасное дыхание чувствуется в городах, фабрично-заводских центрах и потребляющих губерниях...» И в это же время 30-го мая 1918 года в Научно-Технической лаборатории Военного Комиссариата под руководством А.Е. Ферсмана состоялось заседание Комиссии по красильному делу и краскомаскировке, где рассматривался вопрос о маршруте предстоящей командировки Л.А. Кулика. За два месяца предполагалось посетить большое количество рудников, приисков и заводов Среднего и Южного Урала на предмет изучения охр и других красочных глин. И хотя командировка начиналась с 1-го июня, отъезд затянулся более чем на неделю.

Диплом РОЛМ, выданный Л.А. Кулику 2-го июня 1918 года

Надо было оформить документы, а еще труднее достать нужные карты. Кроме того было взято командировочное удостоверение и от Академии Наук. Уже перед самым отъездом Леонид Алексеевич успевает сделать доклад о Кашинском метеорите в Русском Обществе Любителей Мироведения, где ему вручается сразу два диплома. В первом сообщается,

что он избирается действительным членом РОЛМ, а во втором, что Общество утверждает Леонида Алексеевича Кулика своим пожизненным членом. Только в середине июня он смог добраться до Екатеринбурга. К этому времени город превратился в небольшой островок Советской власти на Урале. Положение осложнилось и тем, что еще 30-го апреля сюда из Тобольска была перевезена царская семья. Перед самым приездом в город Кулика пытались освободить Романовых из дома Ипатьева. Теперь на въезд и выезд из города требовалось оформлять специальные разрешения. И, тем более, на осмотр и производство работ на приисках и рудниках. Не предполагал тогда Леонид Алексеевич, что его командировка растянется... на несколько лет.

* * *

У истоков парка

Уже после отъезда Л.А. Кулика из Петрограда на очередном заседании Радиевой экспедиции в Минералогическом музее 13-го июня 1918 года с сообщением выступил Александр Евгеньевич Ферсман. В нем говорилось, что Горный Совет выдвинул вопрос об устройстве заповедника в Ильменских горах, чтобы сохранить местные копи от расхищения. Идея заповедника принадлежала Н.М. Федоровскому. Ферсман указал на трудности в устройстве заповедника: местность разделена железной дорогой и частью занята сенокосами и ягодными участками. Указывалось на благоприятные условия для разрешения в настоящее время вопроса об учреждении Ильменской минералогической станции и на необходимость вступить в связь с Куликом. Попутно выяснилось, что инициаторы заповедника хотели бы видеть хранителем и заведующим станцией Л.А. Кулика. Уезжая из Петрограда, Леонид Алексеевич уже знал о предложении Горного Совета.

Приехав в Екатеринбург, он вместе с В.И. Крыжановским принимает самое активное участие в обсуждении этого вопроса.

В архиве Уральского Общества Любителей Естествознания (УОЛЕ) хранится резюме сообщения, с которым и выступил Кулик 16 июня 1918 года. В нем говорится: «Горным Советом поднят вопрос о выделении Ильменских гор в Национальный парк (естественный музей). Проектируются следующие границы: Самаро-Златоустовская ж.д. (юг), водораздельный хребет Ильменских гор (север), река Белая (запад) и линия озер Миассово – Кисегач – Аргаяш (восток). Является весьма желательным, чтобы общество оказало возможное содействие этому начинанию, так как до сих пор национальных парков, в собственном смысле этого слова, в России не имелось. Что же касается до Ильменских гор, находящихся в области, изучению которой посвятило себя общество, то эти горы являются весьма пригодными для названной цели не только по тому исключительному интересу, который он представляет с минералогической и петрографической точки зрения, но также и по топографическим условиям, географическим данным и тем возможностям, которые они открывают в случае устройства там национального парка для биологов, ботаников и зоологов...»

Уже через день, 18 июня, состоялось совещание ведущих членов УОЛЕ, в котором приняли участие и представители Горного Совета ВСНХ.

Когда сегодня знакомишься с его протоколами, то кажется, будто решались дела уже завтрашнего дня. Предполагалось расширить площадь будущего парка включением Малого Ильменя, района Корундовых копей у деревни Селянкиной, района озера Ишкуля, западного склона Большого Ильменя. Указывалось на необходимость на территории парка, зоостанции и метеостанции. Поддержку нашло и предложение Кулика о создании на вершине Ильменских гор астрономического наблюдательного пункта, за создание которого брался Г.А. Тихов¹⁷.

В случае выделения средств уже в 1918 году предполагалось начать постройку зданий-кордонов, ремонт помещений для ученых, специалистов, а также для туристов. Намечалось устройство

---

¹⁷ Тихов Гавриил Адрианович (1875-1960), советский астроном.

минералогического склада и музея, расчистка наиболее интересных копей и устройство удобных дорог.

На следующий день Кулику было вручено удостоверение, где указывалось: «Комитет Уральского Общества Любителей Естествознания поручает своему действительному члену минерологу Леониду Алексеевичу Кулику обследование массива Ильменских гор и прилегающих к ним местностей (район к северу от Миасса) в целях собрания материалов, необходимых для общества при рассмотрении вопроса о создании Русского национального парка-заповедника. Настоящим Комитет УОЛЕ просит учреждения и лиц не отказать в возможности содействия Л.А. Кулику в исполнении данного ему поручения. Вице-президент общества М. Клер».

А ведь Миасс в то время был в центре контрреволюционного чехословацкого мятежа. Через две недели падет Оренбург, еще через неделю красные оставят Уфу. 17-го июля в Екатеринбурге будут казнены Романовы, а 25-го, отступая на Кунгур и Сылвенский завод, войска оставят и сам Екатеринбург. Только через год Красная Армия освободит Урал.

* * *

По приискам и рудникам

Сейчас даже трудно представить, что это была за командировка. По справкам, сохранившимся в архиве, по пропускам и разрешениям можно только догадываться, с каким трудом давался каждый переезд. Вот только некоторые адреса, которые удалось установить: прииск Березовского завода, Верхний Уфалей, Коркодинский, Шелинский рудник, Мезелановский прииск.

Через два года Л.А. Кулик напишет в рапорте: «Работал я на Урале, в районе Екатеринбурга, где и был захвачен событиями того периода: к началу августа белочехи заняли эту местность, и я оказался отрезанным от Петрограда с грузом минералов на руках и без всяких средств. Продажей в городе Троицке части своих вещей и займами я создал себе возможность продолжения работ в Златоустовском округе и севере Оренбургской губернии. Исследований в этой местности я не закончил, хотя работал до снега (ноябрь), избегая городов и заводов, где объявлялась мобилизация офицеров».

На короткое время Троицк стал пристанищем для Леонида Алексеевича. Сюда же перебралась из Миньяра Лидия Ивановна с дочкой. Переправлялись в Троицк и собранные материалы для музея и лабораторных исследований, которых собралось около 20 пудов.

Чтобы как-то свести концы с концами, Лидии Ивановне Кулик пришлось оставить дочь у своей матери в Троицке и устроиться учительницей начальных классов в одной из школ Челябинска. Она рассказывала, что занятия проходили в одной холодной комнате. В ней одновременно занимались ученики разных классов. Старшим приходилось давать задания, а с младшими заниматься или наоборот...

А в это время Леонид Алексеевич, пользуясь разными командировочными мандатами, передвигался от прииска к прииску. И только снега в 1,5-2 метра заставили его свернуть работы. Теперь для обработки собранного материала и составления отчета нужны хорошо оборудованные лаборатории. Единственным в Сибири городом, где имелись такие лаборатории, – Томск, но въезд в него был затруднен.

И тогда Кулик идет на риск... Предварительно списавшись с профессором Томского университета Сергеем Михайловичем Курбатовым, в конце декабря он объявляется в Екатеринбурге и с документами Академии Наук обращается к военному Екатеринбурга о предоставлении ему разрешения на проезд и провоз груза в Томск и... получает его!

* * *

В Томске

Вот как о дальнейших событиях пишет сам Леонид Алексеевич: «По прибытии 16 января 1919 года в г. Томск, с частью, 9 пудов груза (другая часть застряла в Троицке) для получения места в

химической лаборатории я записался вольнослушателем университета. Для получения же средств для ведения работ и на жизнь занял место ассистента при кафедре минералогии. Беспрепятственно провести работы удалось лишь до конца марта 1919 года, т.е. до известного грозного приказа о мобилизации всех офицеров... В это время я был опознан бывшими сослуживцами как офицер периода германской войны и, несмотря на переименование бывшим правительством Керенского в техники, мобилизован, причем дело о предании меня военно-полевому суду за уклонение едва удалось замять...»

Леонид Алексеевич Кулик. Томск. 1919 год

По воспоминанию Сергея Михайловича Курбатова, дело о военно-полевом суде над Куликом удалось затянуть, а потом и прекратить благодаря вмешательству некоторых знакомых и тайной поддержке адъютанта воинского начальника.

Вот что пишет Леонид Алексеевич Кулик о дальнейшем: «При мобилизации я попал в запасный 1-й Томский кадровый кавалерийский полк, который до последнего момента простоял в Томске. Служба в полку (выездка лошадей) занимала в течение 4-х месяцев лишь несколько часов. Все остальное время дня я работал в Университете, как студент (имею три зачета выполненных практических работ и 3 экзамена), как ассистент (преподавал студентам, обслуживал профессора, обрабатывал коллекции университета), а главное вел работу по изучению собранных на Урале материалов...»

Весной, с окончанием занятий в школе, чтобы быть всем вместе, Лидия Ивановна Кулик забирает дочь в Троицке и приезжает в Томск. Позднее, в декабре 1919 года, она будет принята на работу в Томский университет в качестве каталогизатора минералогического кабинета (где и проработает до середины января 1921 года, т.е. до самого отъезда в Петроград).

Летом стали поступать с фронта добрые вести: части Красной Армии освободили Златоуст, потом Екатеринбург и Челябинск, 4-го августа – Троицк.

Вот как описывает последующие события сам Леонид Алексеевич: «Всю вторую половину года я с полком ничего общего не имел, так как с августа месяца был назначен представителем в жилищную комиссию Министерства Внутренних Дел, которая почти совершенно освобождала меня от работы и давала возможность все время проводить в университете. С конца ноября по болезни (болели зубы, лечила врач Павлова) я был освобожден от занятий и до 15 декабря 1919 года включительно сиднем просидел в университете, подгоняя работу, ввиду близкого закрытия университета на праздник Рождества. 15 декабря (в понедельник) я был вытребован в полк и из него уже не выпускался до выхода на следующий день (16 декабря) из Томска. На первой же ночевке было собрание офицеров полка; ввиду создавшейся обстановки и невозможности идти назад из-за карательных отрядов, решено было отказаться от сопротивления Красной Армии и идти до первой возможности на восток. Я предлагал задержаться в Красноярске, где, судя по событиям, легче было отделиться от полка. Судьба устроила все это раньше, и я попал в ряды Красной Армии при сдаче белых 2-й бригаде в д. Малеевке.

Теперь насильно надетая на меня форма снята, и по существу я обязан продолжать свою работу, порученную мне Центральной Лабораторией и Академией Наук, которым я должен представить отчет и к извещению которых о создавшемся положении вещей мною уже сделаны шаги».

Но все, конечно, проходило не так быстро, как хотелось. Сначала была работа в штабе 2-й бригады, у Виктора Сергеевича Русяева. Сейчас трудно сказать, какую работу выполнял Леонид Алексеевич. Но доподлинно известно, что 14-го февраля 1920 года он был откомандирован в распоряжение штаба 5-й армии. А через три дня, 17-го февраля, в политотдел 5-й армии обратился Енисейский губ. совет по народному образованию с просьбой направить в его распоряжение ассистента по кафедре минералогии Л.А. Кулика как лектора по вопросам полезных ископаемых.

И, наконец, 19 февраля Рев. Совет Штаба 5-й армии удовлетворяет ходатайство Штаба 30 дивизии, и Леонид Алексеевич Кулик получает предписание отправиться в распоряжение Томского университета. Через несколько дней, оформив все документы и получив в Политотделе

армии разрешение на выезд, он прощается с новыми товарищами. Теперь путь его лежит на запад до станции Тайга, а там и рукой подать до Томска.

* * *

По старому адресу

Имя Виктора Сергеевича Русяева можно прочесть не только под справками о службе Леонида Алексеевича в штабе 2-й бригады 30-й стрелковой дивизии. Оно фигурирует в рапортах и объяснительных Кулика. Когда я стал знакомиться с материалами по 30-й стрелковой дивизии, то встретил упоминание, что при освобождении Томска, 20-го декабря 1919 года, «командир 89-й бригады А.И. Захаров вместе с военкомом и начальником штаба В.С. Русяевым на тройке въехали в город». В этой же книжке была и фотография, на которой среди командиров партизанского отряда и 30-й стрелковой дивизии был и В.С. Русяев, молодой круглолицый парень... Когда я попытался узнать у военных историков о судьбе военкома и начальника штаба Русяева, то слышал в ответ уже знакомое мне – «не знаем». Пробовал узнать я и в Иркутске, ведь дивизия носила имя «Иркутской»... И опять результатов никаких...

В архиве Л.А. Кулика сохранилось письмо одной знакомой, где есть упоминание о Русяеве. В нем говорится: «Напишите мне обязательно – как он выглядит и что из него получилось. В мою память он врезался глубоко. Во-первых, это был первый «большевик», которого я близко узнала, – папаха с красными лентами и все пр. очень мне понравились, во-вторых, он меня агитнул – я до сих пор чуть ли не наизусть помню книжку «Красная звезда» – Богданова, и сказал мне, к ужасу тетушки, что во мне много задатков хорошей большевички... Он хворал тифом и градусник доверял только мне, и вообще с его легкой руки я много узнала, о чем раньше не задумывалась, т.к. жила до этих пор исключительно под теплым крылышком нашего дома...»

После первых встреч с Русяевым в 1920 году у Леонида Алексеевича были, очевидно, и другие. В довоенной записной книжке Кулика есть адрес Виктора Сергеевича Русяева. Жил он тогда в Москве на улице Обуха. И вот последняя надежда – этот адрес...

Воскресенье. С раннего утра идет дождь. Он то еле моросит, то переходит в настоящий ливень. Вот и улица Обуха, известная когда-то москвичам по Музею Восточных культур... А вот и дом с разыскиваемым номером... Небольшой, деревянный... с забитыми окнами... В нерешительности я обхожу его и в глубине двора вижу другой многоэтажный дом, довоенной постройки, но с этим же номером. Укрываюсь от дождя в искомый подъезд и быстро поднимаюсь к нужной квартире... Перевожу дух на площадке перед дверью и звоню. Через несколько секунд в дверях появляется заспанная молодая женщина. На мои «странные» вопросы следуют неутешительные: «нет», «не знаю», «не слышала», «здесь в подъездах старых жильцов совсем нет»... Я выхожу на улицу. Дождь стал стихать, но поднялся ветер. И полетели желтые листья на еще зеленую траву бульвара, на стоящие у тротуара машины, на зонтики прохожих...

Я шел и думал, что, может быть, причина исчезновения этого человека связана с тем тревожным предвоенным временем... И отгадка кроется в той коллективной фотографии командиров, где рядом с Русяевым сидел будущий маршал Василий Константинович Блюхер?

* * *

Возвращение в Томск

В последних числах февраля 1920 года Леонид Алексеевич Кулик возвращается в Томский университет. Но работать спокойно ему не пришлось. Только к концу марта, уже из Иркутска, была прислана в Томск переписка об откомандировании Кулика в университет. Правда, Томский военком выдал Леониду Алексеевичу удостоверение, где говорилось, что младшему ассистенту университета Л.А. Кулику «разрешается жить на частной квартире и продолжать работу в Томском университете».

А дела не ждали. Кроме повседневной ассистентской работы надо заканчивать отчеты для Научно-Технической лаборатории и продолжать учебу. Также срочно поставить в известность Академию Наук и Научно-Техническую лабораторию о создавшейся ситуации...

Все это время материалы на Леонида Алексеевича рассматривались Томским Губ. ЧК. И только 28 мая 1920 года он получает сообщение, что дело бывшего офицера Л.А. Кулика прекращено, к поступлению на службу препятствий нет. А еще за три дня до этого (25-го мая 1920 года) Томским Ревкомом Леониду Алексеевичу Кулику выписываются документы о командировке его в Енисейскую губ. как участника минералогической экспедиции, руководимой проф. Курбатовым. Еще в 1919 году Геологический Комитет начал минералогическое обследование месторождений Минусинского края, но работы эти носили рекогносцировочный характер. Теперь Геологический Комитет предложил продолжить работы и выделил на это скромные по тому времени деньги – 210.000 рублей. Кроме Сергея Михайловича Курбатова и Леонида Алексеевича Кулика в экспедиции участвовали еще две аспирантки университета и Лидия Ивановна с дочкой. Район работ располагался по левой стороне Енисея от озера Шира на севере до реки Абакан на юге.

После пыльного и голодного Томска трехмесячное путешествие по обнажениям и рудникам Хакасии показалось моей матери сказкой наяву. Детская память на всю жизнь сохранила бескрайние просторы Саянских предгорий с загадочными древними изваяниями, поляны густо-фиолетовых ирисов, волшебные воды соленого Шира – озера, в котором нельзя утонуть...

Быстро пролетело экспедиционное время. По возвращении из Саян Кулик дополняет новыми данными свой отчет о работах на Урале. Кроме этого он готовит к печати три статьи по Хакасии и несколько работ для Научно-Технической лаборатории. Но в списке работ для печати есть не только статьи по минералогии и красителям. Значится здесь и статья для журнала «Наука и ее работники» под названием «Программная работа и ближайшие задачи Комитета Северного Морского пути». Правда, найти ее мне не удалось.

* * *

Петроград

В Томский университет вызов Кулика к месту постоянной работы в Академии Наук пришел только в декабре. Он был подписан А.П. Карпинским не как президентом АН, а как директором музея.

Что ждало Кулика там, в Петрограде? Владимир Ильич Крыжановский, уехавший туда недавно, писем не шлет... Неизвестно, вернулся ли в Питер, где Ферсман? Кто остался из в Минералогическом музее? Обрадовало сообщение, что еще в мае декретом СНК в Миассе организован первый в стране минералогический Ильменский заповедник. Предстояло теперь отчитаться в Томском университете и собираться в путь... Приказ об откомандировании Л.А. Кулика в Петроград был подписан 15-го января 1921 года, ровно через два года после поступления его на работу. Правда, потом последовала небольшая задержка: отдел народного образования просил оказать консультацию мастерской изготовления красок и захватить в Петроград образцы для анализа и определения правильности метода их приготовления.

Потом были хлопоты по получению разрешения на выезд, выдаче удостоверения на право приобретения железнодорожного билета и т.п. Только 9-го февраля 1921 года Леонид Алексеевич с семьей выехал в Петроград.

Петроград середины марта 1921 года. Запустение, холод, голод. Как и два года назад, молчаливые очереди у хлебных лавок. Из-за нехватки топлива не работают многие заводы и фабрики. И у Леонида Алексеевича начались хождения по мукам. Снова справки, удостоверения, анкеты, биографии, учетные карточки. Академик А.П. Карпинский просит правление Российской Академии Наук о ходатайстве предоставления отсрочки от призыва Л.А. Кулика в Красную Армию. После этого Военный отдел Окружного бюро учета и распределения технических сил командировывает его с 20-го марта в распоряжение Геологического и Минералогического музея Академии Наук.

Жизнь мало-помалу стала входить в свое русло. В ближайшее время обещали даже включить телефон. Но об улучшении питания даже не мечтать. «Ученый паек» ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых) получали академики и профессора, и только самые-самые известные. А у Леонида Алексеевича в то время не было ни научного звания, ни законченного университетского образования.

Л.А. Кулик, Л.И. Кулик и дочь Елена. Петроград. 1921 год

Пройдет несколько лет, и Непременный секретарь Российской Академии Наук Сергей Федорович Ольденбург напишет: «В современных условиях жизни может показаться странным, что этому пайку придавалось такое громадное значение, но те, кто еще сохранил отчетливое воспоминание о годах, понимают, в чем была главная. Голодали все, а удовлетворить в сколь-значительной мере можно было лишь немногих. Трудно было в такой обстановке производить выбор...» И дальше: «Ведь на глазах у голодных масс, поставивших себе задачей уничтожить все преимущества и привилегии, создан был этот исключительный паек...»

Когда Леонид Алексеевич приехал в Петроград, то с радостью узнал, что из Крыма вернулся Владимир Иванович Вернадский, но пока остановился в Москве. И, наконец, в первых числах апреля 1921 года состоялась долгожданная встреча с учителем, ведь не виделись более трех лет. Вскоре при поддержке Александра Евгеньевича Ферсмана было решено в Ломоносовском Минералогическом музее создать Метеоритный отдел. Возглавил новый отдел сам Вернадский, а Леонид Алексеевич становится его научным сотрудником. К этому времени в Академии Наук скопилось немало сообщений о наблюдавшихся падениях и находках метеоритов в различных уголках страны: из Саратовской губ. и Красноярского края, с Алтая и из Минусинского уезда, из Крыма и Петропавловска. Перед сотрудниками вновь образованного отдела встал вопрос: каким образом объехать все эти районы, обследовать места падений и привезти находки в Петроград? При обсуждении решили использовать осень для экспедиции в Сибирь, а зимой вернуться в Саратовскую губ. Вопрос о такой экспедиции и был рассмотрен 20-го апреля 1921 года на Отделении физико-математических наук Академии, где В.И. Вернадский зачитывает обстоятельную записку Кулика «Новые данные о падении метеоритов в России».

Пока дело о метеоритной экспедиции не было окончательно решено, Леонид Алексеевич продолжает сбор материалов по падениям метеоритов и для привлечения внимания к ним публикует небольшие заметки в журналах. Сначала в «Природе», а потом и в «Мироведении».

В это время мало кто верил в реальность проведения сложной и длительной экспедиции. Но ее все же утвердили постановлением Государственного Ученого Совета от 19 мая 1921 года. Вот что писал об этом сам Л.А. Кулик: «Вопрос об организации стоял на очереди; но обстановка была мало благоприятной для этого: научный персонал отощал и был оборван; Академия Наук не имела достаточных средств; да и саму экспедицию настойчиво отстаивали лишь академики В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург да я. Но дело не погибло: в Москве его взял под свое покровительство нарком А.В. Луначарский. Он провел через Наркомпрос десяток с лишним тогдашних миллионов, от НКПС он получил для экспедиции вагон, от Президиума ВЦИК мандат, а от ряда тогдашних снабженческих учреждений – необходимое снаряжение, на получение которого, между прочим, ушло 2 с половиной месяца».

* * *

О новых башмаках

Леонид Алексеевич никогда и нигде не рассказывал, что он лично встречался с А.В. Луначарским. История содействия Наркома просвещения Первой метеоритной экспедиции 1921 года была описана Куликом сначала в экспедиционном отчете, а затем в 1927 году в очерке «За Тунгусским дивом». В 1931 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла небольшая книжечка Ал. Смирнова-Сибирского «За небесным камнем», где автор, со слов Кулика, рассказывает историю, которая произошла с ученым в 1921 году, когда он пришел в Совет Народных Комиссаров в рваных туфлях. Вот как это было: «Скажите, – с некоторым смущением говорит человек во френче, внимательно разглядывая ноги ученого, – разве у вас нет других?» «Других ботинок у

меня действительно нет, но в Академии обещали скоро выдать...» Человек во френче улыбается и берется за карандаш. Набросав несколько строк, протягивает ученому листок блокнота: «Идите по этому адресу и получите ботинки. А то вы без ног останетесь...» И крепко жмет руку ученого.

Но вот как позднее «улучшается» этот рассказ другими авторами. В 1958 году, уже после войны, в Государственном издательстве Географической литературы вышла книжка И. Евгеньева и Л. Кузнецовой «За огненным камнем». В ней пересказывается эта же история о башмаках, но вместо «человека во френче» записку на ботинки дает Леониду Алексеевичу сам Луначарский и говорит при этом: «Идите по этому адресу и получите ботинки, а то без ног останетесь. В путешествии, батенька, ноги крепкие нужны! Да не забудьте: сегодня в шесть заседание Совнаркома. Благоволите к этому времени прибыть для личного доклада в Кремль в новых ботинках».

В свое время, широкую известность получил рассказ С. Антонова «Встреча в Кремле». В нем повествуется о встрече Владимира Ильича Ленина с ученым Леонидом Алексеевичем... Коршуновым, который хотел ехать в Сибирь за метеоритом, упавшим 30 июня 1908 года. Владимир Ильич, узнав от Коршунова, что надо для такой экспедиции, сказал Леониду Алексеевичу:

«...То, что вы просите, мы дадим. Но этого же мало! Разве с таким оснащением едут в Сибирь?! Его может хватить для экспедиции в Подмоскovie! Это же крохи! Обидно, обидно! – повторил Ленин и заговорил непременно и настойчиво:

- Пожалуйста, не чувствуйте себя просителями. Вы же ученые, редкие, удивительные люди, наше будущее!...»

Потом...

«Ленин посмотрел на ноги ученого и сказал:

- Ну вот. В чем же вы, батенька мой, поедете в тайгу? В таких рваных башмаках, которые расплзутся на пятой версте от Москвы?

- Можно и в этих, – сказал Коршунов, – я их веревочкой... Внутри портянки, а сверху – бечева.

- «Можно», – повторил Ленин, раздумывая. – Ведь у вас вторых-то нет?

- Были, изнасились. А эти я берегу...»

В отличие от Леонида Алексеевича Кулика, Леониду Алексеевичу Коршунову не повезло, он так и ушел из Кремля «возбужденный и какой-то легкий» и без записки на новые башмаки. «Он пробежал по Кремлю, вышел на Красную площадь, думая о завтрашнем дне, о мечте, которая непременно осуществится».

* * *

Ограбление

За время подготовительных работ экспедиции удалось осуществить две поездки. Первая была предпринята Леонидом Алексеевичем в Киев, откуда он привез хранившийся в Украинской Академии Наук каменный метеорит «Кагарлык». Метеорит этот весом в 1912 гр. был передан В.В. Моисеевым через академика В.И. Вернадского в коллекцию метеоритов АН. Как писал Кулик, метеорит упал в середине июня (по ст.ст.) 1908 года у полевой экономии «Кагарлык», между местечком Кагарлык и селом Гороховаткой Киевского уезда и губернии. Его шумное падение было замечено крестьянами, которые подняли его еще горячим, причем из любопытства отбили от него небольшой кусок. По своему составу это «каменный» метеорит со значительным содержанием металлических соединений, напоминающий промежуточные хондриты; очертания его сходны с контурами четырехгранной бипирамиды; он покрыт черной, местами блестящей корой, имеет хорошо выраженные пьезоглипы и ориентирован по направлению своего падения».

В кратком отчете о командировке, конечно, ничего не написано о том, что произошло с ним при возвращении из Киева. Об этом мне рассказали копии протоколов допроса и заявления самого Кулика в Уголовный розыск ст. Брянск К.В.Ж.Д., в Петроградское отделение уголовного розыска, а

также «Удостоверение», выданное Московским управлением уголовного розыска. В заявлении Кулика говорится, что «при посадке на ст. Киев-пассажирский у меня вытащили темно-коричневый портмоне (бумажник) с казенными деньгами и документами».

Таким образом, метеорит «Кагарлык» обошелся Кулику в 150 тыс. рублей. Но самым неприятным была потеря документов. О них пришлось снова хлопотать в различных инстанциях, а время шло...

Вторая поездка была совершена в Дмитровский уезд Московской губернии для проверки поступивших оттуда сведений о находке возле села Семеновского крупного метеорита. Произведенные обследования показали, что за метеорит принимали обычный моренный валун.

Этим же летом экспедиция получила великолепный монолит «Пултуск» от М.В. Новорусского, а от Всероссийского Педагогического музея еще три образца метеоритов.

Тяжелое финансовое положение республики, надвигающийся голод в Поволжье и другие причины не дали возможности быстро снарядить экспедицию: средства на нее поступили только в июле. В личном деле Л.А. Кулика, хранящемся в архиве Академии Наук, есть два неприметных листочка, исписанных тушью, – это «Ассигновки». Их номера 209 и 210. В первой «Ассигновке» говорится: «Правление Академии Наук просит Финотдел Петроградского губисполкома выдать Л.А. Кулик в первый аванс на расходы по оборудованию экспедиции в Европейскую Россию и Сибирь для исследования обстоятельств падения метеоритов и сбора их частей для Геологического и Минералогического музея Академии – 7.168.000 р.». Вторая «Ассигновка» выписана на 6.400.000 р. Деньги эти были в то время небольшие, к примеру, проезд на пролетке от Николаевского вокзала до Брянского (от Ленинградского до Киевского) стоил 60.000 р.

Только 24-го августа 1921 года экспедиция отбыла из Москвы в Петроград, где предстояло доснарядиться. Задержка с отъездом была связана и с открытием 1-го сентября в Петрограде 1-го Всероссийского съезда любителей мироведения. Леонид Алексеевич являлся не только членом съезда, но и активным его организатором. На съезд собрались представители большинства мироведческих организаций России, и Леониду Алексеевичу пришлось наладить контакты с ними, договориться о незамедлительном информировании в случае находок или новых падений метеоритов. Перед отъездом метеоритной экспедиции он опубликовал заметку в журнале «Мироведение», которую назвал «Затерянный Филимоновский метеорит 1908 года».

* * *

Нет дыма без огня

Впервые о падении крупного метеорита в Сибири Леонид Алексеевич узнал от мироведа Святского. Кулик так описывает эту историю: «Как ярко помню я этот момент. Ленинград. Март 1921 года. Ко мне подходит редактор журнала «Мироведение» Д.О. Святский и, протягивая листок отрывного календаря за 15 июля ст. ст. 1910 года, говорит: «Посмотрите. Ведь нет дыма без огня».

На обратной стороне листка маленького стенного отрывного календаря была напечатана небольшая заметка: «В половине июня 1908 года в Томске около 8 часов утра в нескольких саженях от полотна ж.д. близ разъезда «Филимоново», не доезжая 11 верст до Канска, по рассказам, упал огромный метеорит. Падение его сопровождалось страшным гулом и оглушительным ударом, который будто бы был слышен на расстоянии более 40 верст по прямой линии. Подходивший во время падения метеорита к разъезду поезд настолько был поражен необычным гулом, что был остановлен машинистом, и публика хлынула к месту падения далекого странника. Но осмотреть ей метеорит ближе не удалось, т.к. он был раскален. Впоследствии, когда он уже остыл, его осмотрели разные лица с разъезда и проезжавшие по дороге инженеры и, вероятно, откапывали его. По рассказам этих лиц, метеорит почти весь врезался в землю, – торчит лишь его верхушка, он представляет каменную массу беловатого цвета, достигающую величины будто бы 6 кубических сажен».

* * *

Первая метеоритная

Только 5 сентября 1921 года состоялся отъезд 1-й метеоритной экспедиции АН из Петрограда в Сибирь. Рассказывая об этой поездке, некоторые авторы называют ее самой многочисленной. Количество участников экспедиции – 26 человек взято из отчета Кулика, где перечислены все, принимавшие участие на разных этапах работ в городах Сибири и Поволжья. А «специальный американский вагон» был обычной теплушкой времен гражданской войны, возможно, и построенный американцами для перевозки скота.

Работа экспедиции началась уже в дороге. Так, при следовании мимо Тюмени от жителей города поступили сведения, что в местной газете незадолго до этого была помещена заметка о падении якобы в Тюмени 14 августа 1921 года небольшого метеорита. Так как задерживаться экспедиция не могла, то решили остановиться в Тюмени на обратном пути. В Омске от своего местного сотрудника Е.С. Сергеева был получен великолепный монолитный железный метеорит, купленный в апреле 1910 года за 10-15 рублей у кузнеца с. Щучье, Кокчетавского уезда, Омской губернии. Метеорит выпал крестьянин в двух верстах от села Дорофеевки и передал «для исследования» в село Щучье кузнецу, который отбил от метеорита кусочек «для анализа».

Продвижение экспедиционного вагона на восток закончилось в Канске. Здесь снаряжение выгрузили и обосновали базу. А ввиду запоздания из Москвы разрешения на дальнейшее пользование вагоном, железная дорога запломбировала его. Здесь, в Канске, в первых числах октября и начался сбор сведений о падении гигантского метеорита 17 (30) июня 1908 года. Так как предпринять поиски метеорита поздней осенью в глухой тайге, не зная даже приблизительно места падения, не имело смысла, экспедиция ограничилась распространением двух с половиной тысяч анкет. Анкеты распространяли по Енисейской губернии, а также в бассейнах Енисея и Лены. Большую помощь в этом оказали Центросоюз, Отдел Сибнаробраза и Сибнаца при Сиб-ревкоме, Отделения русского географического общества, а также отдельные лица.

Разрешение на дальнейшее пользование вагоном не приходило, а впереди уже маячила сибирская зима. Предстояло срочно дополнить зимнее снаряжение и продовольствие в Красноярске. Кроме того, поступили новые сведения о падениях метеоритов в Минусинском крае. Экспедиция, сохраняя свою базу в Канске, выделила партию для поездки в Красноярск, а оттуда в Минусинск. Возглавил партию сам Кулик. Справившись с хозяйственными хлопотами в Красноярске, отряд в середине октября с последними пароходами отбывает в Минусинск. Но экспедиции не везло. Уже на полпути закончилась навигация. Пришлось упрашивать капитана буксира, чтобы он хоть еще немного довез отряд до поселка, где можно достать лошадей. На них отряд и проделал последнюю часть пути до Минусинска и к деревне Метиховой. Здесь, у деревни Метиховой, в марте 1914 года «днем в болото упал небольшой метеорит, образовавший отверстие в 2-3 вершка диаметром. Падение его сопровождалось сиянием, шумом и звуком, похожим на выстрел. Прибывшие к месту падения крестьяне видели выброшенную со дна болота грязь и идущий из отверстия пар». Прощупывание через отверстие палкой твердых тел не обнаружило, и место падения отметили колом. Весной того же года работники Минусинского музея предприняли попытку достать метеорит, но болото оттаяло, наполнилось водой, и поиски не увенчались успехом. Теперь же, через восемь с лишним лет, не повезло и Леониду Алексеевичу. Дело в том, что члены экспедиции не смогли встретиться с очевидцем падения метеорита, а только он один точно знал это место.

Пришлось ограничиться сбором сведений о падении 4 декабря 1920 года другого метеорита. Оно сопровождалось обильным выпадением рыжевато-бурой пыли на снег, которая наблюдалась до самого весеннего снеготаяния.

Тяжелым оказалось возвращение из Минусинска. Енисей еще не замерз, и решили воспользоваться его услугами: сбить плот и плыть по течению, пока река окончательно не встанет. Так и сделали. Отряд сбил плот, погрузил на него экспедиционные пожитки и пустился в трудный путь. Почти половину пути удалось проделать отряду на обмерзающем и заливаемом плоту. Наконец сильный мороз крепко сковал Енисей, а плот вмерз в берег. Вот тогда и

пришлось в ближайшей деревне нанять телегу и через Ачинскую тайгу пробираться к Минусинской железной дороге, чтобы по ней через Ачинск и Красноярск вернуться в Канск.

К этому времени, благодаря хлопотам Главнауки, получили из Москвы разрешение на пользование вагоном по 1-е декабря 1921 года. Теперь экспедиция из Красноярска направляется в Ново-Николаевск (Новосибирск), «испытыв все превратности передвижения по Сибирской железной дороге, осложненного еще объявлением как раз к этому моменту "угольной недели"». После длительных хлопот экспедиции еще раз дали месячную отсрочку на пользование вагоном и при поддержке Сибнаробраза, который помог приобрести теплые вещи, 8-го декабря 1921 года выехали в Семипалатинск. Здесь создали партию, которая 14 декабря отправилась на лошадях через Западный Алтай в верховья Иртыша в село Батинское для поисков двухпудового железного монолита. Сведения о нем уже давно имелись в Минералогическом музее Академии Наук. Это железо нашли вблизи озера Зайсан-Нору. К 27 декабря партия, покрыв расстояние в 850 верст, вернулась в Семипалатинск, где экспедиции удалось обнаружить еще два таких же монолита в 7 и 18 пудов весом. Их нашли киргизы в степи, в нескольких ста верстах к западу от Семипалатинска. Как позднее выяснилось, все эти три монолита оказались железом земного происхождения. Здесь же, в Семипалатинске, экспедицией был получен от местного музея подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества метеорит Оханского падения 18/30 августа 1887 года весом более килограмма. Его Музею передал горный инженер А. А. Сборовский в 1890 году. А учительница А.Г. Бегичева передала экспедиции небольшой осколок метеорита, упавшего у деревни Деминой в середине августа 1911 года. Осколок этот получил ее муж от крестьян, разбивших монолит. Второй осколок отослали в Томск проф. М.А. Усову, который описал его в 1916 году под названием «Томского». Небольшой кусочек от этого метеорита к этому времени уже находился в Минералогическом музее Академии Наук.

Л.А. Кулик. 1922 год

К новому году экспедиция возвратилась в Ново-Николаевск и до середины марта безуспешно вела переговоры о предоставлении ей вагона для возвращения в Петроград. Пользуясь поддержкой Сибирского отдела народного образования и гостеприимством Ново-Николаевского музея и местного кружка любителей мироведения, экспедиция за это время совершила две поездки отдельными партиями в Томск и в село Гутово, в 120 верстах к востоку от Ново-Николаевска. В Томске чл. экспедиции Е.Н. Аксенова собрала обширный материал по газетам, относящийся к падению 30 июня 1908 года, а также получила от проф. М.А. Усова образец метеорита «Демина».

Поездку в село Гутово предприняли с целью выяснения версии о метеорите 1885 года. Но установили, что никакого падения здесь не было.

Наконец в конце марта 1922 года с помощью Сибревкома после долгой возни с железнодорожной администрацией Ново-Николаевского узла экспедиция получила вагон и 8-го апреля выехала в Петроград. По дороге в ряде городов были сделаны остановки. В Омске собрали сведения о нескольких находках и падениях, в том числе и о падении

Петропавловского метеорита 27-го ноября 1921 года. А в Тюмени, где один из сотрудников заболел сыпным тифом и экспедиция задержалась на несколько дней, обследовали сенсационное падение метеорита 14 августа 1921 года, о котором оповестила местная пресса. Но, к сожалению, это сообщение оказалось мифом. А вот в Екатеринбурге поступили достоверные сведения о падении 12-фунтового каменного метеорита в Верхнетурском уезде осенью 1921 года. Здесь же передали образец из местного музея, который принимали за метеорит, упавший в 1912 году. Анализы в Петрограде установили земное происхождение и этого железа, поступившего из-под Челябинска.

Наконец, в последних числах апреля экспедиция возвратилась в Петроград. А уже в июне Л.А. Кулик выступил с докладом на 1-м Всероссийском геологическом съезде о работе 1-й метеоритной экспедиции Российской Академии Наук в Сибири в 1921/22 гг. Подводя итоги ее, Леонид Алексеевич подчеркивал, что «теперь больше, чем когда бы то ни было, видно, как мало сделано нами в этой области и как мало мы подготовлены к этой работе: больше, чем когда бы то

ни было, ощущается настоятельная необходимость в продолжении начатого дела, в придании ему характера не случайной экспедиции, а постоянной прочной организации, могущей сосредотачивать в своих руках все дело наблюдения за падениями метеоритов, систематического и немедленного сбора падающих и обследования как новых, так равно и прежних, иногда исторических падений, регистрации хранящихся в различных учреждениях образцов метеоритов, сбора литературы (в первую очередь – русской и по русским метеоритам), популяризации сведений о них и проч.

В программу работ такой организации должно быть также включено изучение законов их падения, их генезиса, состава, а также – разработка методов их анализа. Подобного рода организация уже предусматривает и обуславливает собой образование постоянного органа при наиболее авторитетном ученом учреждении, органа, который в грядущем будущем должен развиваться в своего рода исследовательский институт «метеоритики».

Но даже до преобразования Метеоритного отдела Минералогического музея Академии Наук в Комиссию по метеоритам при Академии Наук СССР оставалось еще 13 лет.

* * *

Саратовский метеорит

Возвращением из Сибири 1-я метеоритная экспедиция не завершила своей работы. Предстояла поездка на Волгу, в район Саратова, где в сентябре 1918 года выпал метеоритный дождь. В эту поездку Л.А. Кулик отправляется с молодым помощником Мининым. В архиве сохранился отчет Михаила Ивановича об этой командировке, он и помогает узнать многие детали ее.

Сборы в этот раз были недолгими: взяли самые необходимые инструменты для работы да продовольствия на два месяца. Самым трудным оказалось выбить премиальный фонд населению для вознаграждения за собранные образцы: мануфактуру, нитки с иглами, сахар и мыло, бумагу, табак и спички. Груза набралось около 20 пудов, поэтому решили часть его отправить багажом.

1 -го сентября 1922 года в 7 часов вечера, заняв двухместное купе в вагоне 2-го класса, экспедиция выехала в Москву. Изрядно уставшие за последние дни, Леонид Алексеевич и Михаил сразу крепко уснули, а поздно ночью, на станции Бологое, где поезд стоял 10 минут, они набрали кипятку и, напившись чаю, проспали до самой Москвы.

Столица встретила их тихой и теплой погодой. Наняв извозчика, командированные поехали прямо на Павелецкий вокзал. А уже в 6 часов вечера снова в дороге. Устроились хорошо. После грязного петроградского поезда пассажиров удивил порядок и чистота саратовского вагона. Ехали целые сутки и почти весь день читали книги и журналы, захваченные из Петрограда.

Вечером 3-го сентября путешественники прибыли в Саратов. Высадившись из вагона, они узнали, где находится Музей археологии. Музей находился далеко от вокзала. Взяли носильщика донести вещи до трамвая, но оказалось, что трамваи ходят в Саратове только до 7 часов вечера. Пришлось нанять извозчика, чтобы доехать до музея. Здесь их встретил Ученый секретарь музея А.А. Героклитов и предоставил членам экспедиции одну из комнат, в которой была кое-какая мебель: там они и расположились. Из-за задержки Московским узлом багажа, экспедиция почти две недели пробыла в Саратове. За это время собрали около полдюжины осколков Саратовского метеоритного дождя, а также уточнили сведения о районах его падения. При этом выяснилось, что Саратовский университет уже имеет с мест падения значительный материал, в том числе – один экземпляр в несколько пудов весом.

В Саратове получили дополнительные сведения о падении метеорита у ст. «Летяжевка» (Балашевский уезд Саратовской губ.), которое произошло около 10 часов вечера 13/26 декабря 1917 г. (1919?).

По этим сведениям метеорит упал в озеро (старицу р. Хопра). В то утро жителями была обнаружена во льду дыра, около полуаршина диаметром, обсыпанная кругом красноватым

порошком. В 1922 году проф. П.П. Пилипенко произвел здесь тщательные поиски, не увенчавшиеся успехом.

Свой багаж экспедиция получила только 13 сентября. А на следующий день пароход «Красная Ахтуба» с членами экспедиции на борту уходил в Вольск. И вот уже все дальше и дальше от парохода уходит волжский берег, усеянный продавцами арбузов и дынь. Прощай, Саратов! В Вольск пароход прибыл утром 15 сентября. Высадившись с парохода, Кулик и Минин взяли извозчика и поехали в Центральный музей, который оказался неподалеку. Заведующий музеем, очень милый человек, выделил им свободную комнату, чистую, в которой находилось две кровати с матрацами и подушками, и предложил помыться в бане, которая находилась в ведении музея. После бани их пригласили на обед. Но на этом сюрпризы Вольска не кончились. В Вольском научно-педагогическом музее экспедиция получила осколок метеорита, весом в 56 граммов. Покрытый корой плавления, он представлял собой приблизительно половину монолита, упавшего в сентябре 1918 года у деревни Михайлевки Хвалынского уезда. Это новое место падения значительно расширяло площадь, на которой выпал метеоритный дождь, что и заставило экспедицию выехать в г. Хвалынский и уже оттуда начать обследование всего района падения.

19 сентября экспедиция прибыла в Хвалынский. Разместились в Естественно-историческом музее, где с трудом переночевали. В деревне Михайлевке экспедицией был установлен факт падения небольшого метеорита, величиной с куриное яйцо, который упал среди группы играющих крестьянских детей у крайней избы деревни, всего в одном метре от фасада. Метеорит углубился в почву на несколько сантиметров. И когда его подняли и стали разбивать, был еще теплым. После Михайлевки экспедиция побывала в селе Шаховском. Здесь в селе и вокруг него наблюдалось падение нескольких осколков: от отдельных небольших с первичной корой оплавления до массы в несколько пудов, упавших довольно кучно в поле. В течение года еще были видны три неглубоких, близко расположенных ямы, но потом их запахали. В этом же селе от свидетельницы падения, учительницы А.К. Шапошниковой, экспедиция получила осколок метеорита (150 граммов), взятого ею от камня, упавшего около нее у околицы.

Проехав по Хвалынскому уезду на лошадях около 200 верст, экспедиция возвратилась в Вольск. А утром 28-го сентября отправилась на пожарной лошади в село Донгуз, находящееся в 65 верстах от Вольска. Только к вечеру добрались они до места и переночевали у знакомых кучера. На другой день утром Леонид Алексеевич поспешил в поле на место, где упал метеорит. Здесь в 6-7 верстах от села он собрал до 50 мелких осколков (частью с корой), общим весом в 220 граммов. Сохранившаяся от падения метеорита яма имела полметра глубины и около 1 квадратного метра по площади. По рассказу очевидцев, метеорит весом около 15 пудов ушел на глубину до одного метра. В самом селе Донгуз удалось достать лишь небольшой кусочек его весом в 10 граммов, с остатками на нем первичной коры. 6-го октября через Вольск и Петровск экспедиция прибыла ко второму и, вместе с тем, вероятно, последнему месту крупного падения у села Белая Гора Петровского уезда. По пути, в окрестных селах, собрали несколько осколков этого же падения. Осмотренная верстах в 4-х от села яма имела такие же, что и у села Донгуз, размеры. Первоначальная глубина ее, по показанию очевидцев, была тоже около метра, а вес упавшего монолита – около 15-20 пудов. В селе Белая Гора нашли почти 200 осколков. Большую помощь при сборе этого материала оказала местная учительница П.Г. Идобаева и ее семья.

Собранные экспедицией данные позволили довольно полно нарисовать картину падения Саратовского метеоритного дождя.

«6-го сентября 1918 года около 3 часов пополудни с востока на запад пронесся метеорит, разделившийся над северными уездами Саратовской губернии сперва на две части, а затем одна из них, в свою очередь, отделила от себя меньшую часть. Явление сопровождалось ярким сиянием, образованием светлого следа и искр, а на месте разделения появлением облачка. Был слышен также сильный гул и отдельные громовые удары. В Михайлевке упал один монолит в несколько граммов весом, у Шаховского – несколько отдельных камней, общий вес которых достигает нескольких пудов, у Донгуза монолит около 15 пудов и у Белой Горы – тоже монолит с

весом того же порядка. Места падений лежат на прямой линии протяжением в 130 с лишком километров. Не отрицается возможность падения осколков и отдельных монолитов и в других пунктах около той же прямой, особенно – в восточной ее части».

За время работы экспедиции в Саратовской губернии помимо бесчисленных бесед Леонидом Алексеевичем было прочитано семь лекций, а для местной печати написано четыре статьи.

8-го октября экспедиция выбыла из Петровска в Москву и, после кратковременной поездки в город Козельск для выяснения неоправдавшихся, впрочем, слухов об имевшемся там метеорите, 19 октября возвратилась в Петроград.

К этому времени жизнь в Петрограде стала чуть-чуть улучшаться. Л.А. Кулика зарегистрировали в Комиссии по улучшению быта ученых по 2-му разряду. Из опросного листа для научного деятеля, зарегистрированного в Комиссии, мы узнаем, что по службе в Академии Наук Л.А. Кулик имел 14 категорию и получал 98 рублей 80 копеек. Кроме того, еще 25 рублей 40 копеек он получал по спец. ставке. И теперь Комиссия выделяла ему денежное обеспечение – 90 рублей.

* * *

Конец студенчества

Пошел 1923 год. Исполнялось 20 лет с тех пор, как Леонид Алексеевич переступил порог Лесного института; 18 лет, как записался вольнослушателем Казанского университета; 10 лет, как был зачислен студентом Санкт-Петербургского университета, и три года, как продолжил учебу и стал преподавать в Томском университете. И шел ему в ту пору 40-й год... Его одногодки стали уже профессорами и академиками, а Леонид Алексеевич все еще числился студентом. Трудно было, не имея званий, положения, солидной Поддержки в Академии Наук, опубликовать статью в научном журнале, организовать выставку, а тем более экспедицию. Вернадский, являвшийся руководителем отдела, в это время жил и работал в Париже. Его увлекли работы по радиоактивности и проблемы «живого вещества». Ферсман, сменивший Вернадского на посту директора Минералогического музея Академии Наук, был и директором Радиевого института, ректором Географического института. Все эти годы он всецело посвящает исследованиям Хибинской тундры, а позднее и Средней Азии. Так что оба не могли уделять достаточного внимания новому отделу музея. Время заставляло Л.А. Кулика, не прекращая работ по метеоритике, снова садиться за учебники, сдавать зачеты и экзамены в университете. За эти годы многие товарищи по университету и географическому кружку разъехались по белу свету. Со многими из них так и не пришлось встретиться. Александр Флоренский после фронта первой мировой, не доучившись, уехал в Тифлис. Потерялась связь и с неутомимым антропологом Леонидом Капицей.

А.Е. Ферсман. Хибины, 1922 г

Наконец все волнения остались позади, и Леонид Алексеевич получает Свидетельство об окончании Естественного отделения университета.

С лета 1924 года Кулик работает в Минералогическом музее Академии Наук и по совместительству – в Гидрологическом институте. Этот институт, организованный в 1919 году, в то время был ведущим научным учреждением страны в области гидрологии суши. Здесь в течение 2-х лет Леонид Алексеевич исполняет обязанности адъюнкт-гидролога (лаборанта и ученого специалиста).

В декабре 1924 года в Москве состоялась 2-я Всероссийская конференция по краеведению. В ее работе самое активное участие принял и Кулик. 13 декабря он прочитал доклад: «О наблюдениях, сборе сведений и розыске выпавших метеоритов».

* * *

«Мироведение»

Увлеченная работа Леонида Алексеевича в метеоритике еще больше сблизила его с Русским обществом любителей мироведения (РОЛМ), почетным и пожизненным членом которого он стал

еще с лета 1918 года. Общество, организованное в 1909 году, с самого начала своей деятельности объединило многочисленных любителей естественных наук, в том числе и астрономии, которая вскоре стала доминирующей в работе «Мироведения». Интересно, что первые собрания Общества проводились в помещении Петербургской консерватории, директором которой был в то время Александр Константинович Глазунов, композитор и большой любитель астрономии. Позднее, в 1918 году, Общество получило хорошее помещение в одном из зданий Естественного научного института им. П.Ф. Лесгафта. Возглавлял Российское общество любителей мироведения легендарный революционер и ученый Николай Александрович Морозов.

Огромное значение по пропаганде астрономических знаний имели лекции членов Общества. Читались они на заводах Петрограда, в клубах и общежитиях. Проводилось большое количество экскурсий в обсерваторию РОЛМ. Сюда, на улицу Союза печатников, 25а, приходили школьники и рабочие, красноармейцы и моряки. «Мироведение» было связано более чем с 30 различными астрономическими кружками и научными обществами. В первые годы Советской власти Наркомпрос РСФСР оказывал ему материальную поддержку, а журналу «Мироведение» помогал бумагой.

Содействие Обществу оказывали многие крупные астрономы, но наибольший вклад, пожалуй, внес Гавриил Адрианович Тихов. Отделами Общества, как правило, руководили ветераны «Мироведения», такие, как СМ. Селиванов, Д.О. Святский, Н.М. Штауде. Вновь организованным отделом

метеоритов стал руководить в 1921 году Л.А. Кулик. Особую притягательность его выступлениям придавали юмор и поэзия. Свои «послания» для «мироведов» он умудрялся писать даже в экспедициях. Мироведческие общества и кружки по примеру РОЛМ организовывались в то время во многих городах России и за ее пределами. Многие иногородние кружковцы, члены народных обсерваторий и метеорологических станций изъявляли желание способствовать поиску и сбору метеоритов. А некоторые из них стали впоследствии постоянными научными корреспондентами Кулика. Большие надежды «мироведы» возлагали на молодежь, учащихся старших классов. Занятия с ними проводили самые опытные «мироведы» – Г.А. Тихов, В.В. Шаронов, СМ. Селиванов, СВ. Муратов, Д.О. Святский. Сначала молодежь осваивала азы астрономии, а позднее помогала в работе своим старшим товарищам, дежурила по обсерватории. Конечно, не все кружковцы стали потом астрономами, но были и те, которые поднялись на вершины ее. Среди них Владимир Платонович Цесевич, Николай Александрович Козырев, Виктор Амазаспович Амбарцумян.

Молодые мироведы: Люба Шейнис, Коля Волков, Лена Кулик, Андрей Павский

* * *

Часть 3

Вести из Сибири

Шло время. В Минералогическом музее все больше собиралось материалов о падении в Центральной Сибири в июне 1908 года большого метеорита. К сведениям, собранным 1-й метеоритной экспедицией, прибавились многочисленные письма и опросные листки. Все сообщения подтверждали грандиозность этого явления. Оно наблюдалось на огромной территории Центральной Сибири. Очевидцы наблюдали полет ослепительно яркого болида, затмившего собой солнечный свет. Над местом падения наблюдалось пламя и облако «дыма», потом последовали оглушительные взрывы, грохот, треск и гул. На большой территории отмечалось сотрясение почвы. По рассказам эвенков, на месте падения образовался гигантский вывал леса.

Леонид Алексеевич все эти годы поднимал вопрос о специальной экспедиции к месту падения метеорита, но его выступления и составленные сметы по-прежнему оставались «криком в пустоте». В 1924 году позиция его была подкреплена бывшим заведующим Иркутской физической обсерваторией А.В. Вознесенским. Он передал Л.А. Кулику свои богатые материалы по падению метеорита 1908 года, а также обработанные им данные сейсмических и барографических записей. Леонид Алексеевич попросил его написать статью для журнала «Мироведение». В этом же журнале была опубликована заметка С.В. Обручева, проезжавшего вблизи района падения и собравшего там показания некоторых очевидцев.

В это время Леонид Алексеевич и посвятил своему товарищу поэтические строки, написанные еще 21 февраля 1922 года.

Певцу Сибири

Петру Людовиговичу Драверту посвящаю

15.01.1926. Ленинград

30 июня 1908 года в тунгусской тайге

Тихое, теплое, раннее утро,

Дали безбрежные, дали – сини...

Небо – безоблачно. Солнце июня

Льет на тайгу сладострастно лучи...

Щедро весна расточает здесь чары:

Волнами льют аромат свой цветы,

Свадьбу справляют растения и твари,

«Гимн торжествующей слышен любви»...

Гром!.. Встрепенулась тайга и затихла.

Пламя! Свет солнца ослаб и померк.

С грохотом мчится по небу светило,

Сыпятся искры и тянется след!..

Жуть! Тишина. Лишь удары несутся!

Облачко виснет у края небес!

Там у тунгусов олени пасутся,

Валит там воздухом девственный лес.

Мечутся люди, и гибнут олени,

Рев и проклятья. А небо гремит!

Где же виновник всех этих явлений,

Где же Тунгусский наш метеорит?!

В марте 1926 года вернулся из-за границы академик Вернадский, который поддержал идею организации специальной экспедиции в район Подкаменной Тунгуски. Он считал, что «посылка экспедиции, предполагаемая музеем, возможно, окажется делом очень большого научного значения, и полученные результаты могут сторицей окупить затраченные на них время и средства. Они никаким образом не могут быть вообще напрасными». В это время Куликом была получена статья, написанная членом Красноярского исполкома И.М. Сусловым, со сводкой рассказов об этом явлении кочующих в этом районе тунгусов. Она дала новый толчок вопросу о снаряжении экспедиции для обследования места падения. Л.А. Кулик отлично понимал, что мизерные средства, которые сможет выделить Академия Наук, не смогут обеспечить экспедицию в это тяжелое время. Поэтому он обратился за помощью в Госторг Москвы и Красноярска. В своей объяснительной записке он отмечал, что экспедиция не должна строиться на расчете неременной находки и доставки метеорита, а должна носить предварительный, разведывательный характер. И вот, наконец, Президиум Академии Наук разрешает такую экспедицию.

* * *

Дорога в неизведанное

«В дымном тумане зимнего вечера далеко позади остался Ленинград. Угрюмой стеной быстро пронеслись на запад вологодские и вятские леса, волнами прокатились в окошке вагона сглаженные холмы старика Урала, и дно недавнего моря развернулось во всю свою беспредельную ширь от Челябинска до Новосибирска».

Так поэтично начинал Леонид Алексеевич свой рассказ об этой экспедиции. Написан он был в Красноярске, сразу же после ее завершения. Надо отметить, что позднее Л.А. Кулик нигде так подробно не рассказывал о трудностях первой своей экспедиции на Подкаменную Тунгуску, о своих самых ярких впечатлениях о месте падения. Поэтому я постарался как можно полнее использовать здесь рассказ самого Кулика.

Покинув Ленинград в начале февраля 1927 года, экспедиция уже 12 февраля прибыла на станцию Тайшет. Экспедиция – это звучит внушительно! На самом деле ее составляли всего два человека: начальник – Леонид Алексеевич Кулик и его помощник Гюлих. На станции Тайшет, пополнив свои продовольственные запасы и упаковав снаряжение, на санях 14 марта отряд выехал на село Дворец. Предстоял путь в 380 километров до села Кежмы.

Дорога на Кежму. Март 1927 года

«Сибирская зима встретила меня приветливо, но в Тайге, на всякий случай, пугнула 40 градусами Цельсия. Впрочем, при посадке в Тайшете в сани она смякла, а при въезде на Ангару даже смокла, разразившись штормом с какой-то хлопьевидной кашей с неба».

В Кежму отряд прибыл 19 марта. Здесь снова пришлось запастись продуктами и узнавать о дороге на фабрику Вановара, до которой предстояло пройти еще 200 километров по таежной тропе.

«Вот и она, так часто в последнее время упоминавшаяся в метеоритной литературе, – фабрика Вановара. Круто завылсился здесь северный берег Подкаменной Тунгуски... На высоком яру десятком темных построек вгрызлась фабрика в обступившую ее с трех сторон тайгу...

Немедленно же по приезде была сделана попытка проникнуть в район бурелома верхом на лошадях. Проводником должен быть тунгус; лошадей я взял у ангарских ямщиков, доставивших фактории казенный груз из Кежмы.

Леонид Алексеевич Кулик. Кежма? 1927 г.

Весь расчет был основан на заверении проводника о существовании оленьей тропы, по которой могли пройти наши лошади. Но первый же десяток километров показал, что тропа существовала

лишь в начале зимы, а потом была погребена в 60-сантиметровой толще снегового покрова; кони по грудь тонули в сыпучем снегу, вьюки сбивались набок и рвались о сучья и кору деревьев, надвинувшихся со всех сторон тайги, караван вяз в частоколе таежных зарослей, ибо не всюду может пройти лошадь там, где скользит легкий олень. После бесконечных перевьючиваний громоздких мешков с фуражом, измученные, с выбившимися из сил по глубокому снегу лошадьми, вернулись мы на факторию, чтобы искать новых путей и иных средств передвижения... Был на исходе месяц март. Стояла бодрая, морозная погода, но капли в полдень на карнизах крыш грозили близкой смертью не только умирающей красавице-зиме, но и моим надеждам на легкий зимний путь. Приходилось торопиться. Факторцам удалось уговорить нашего прежнего проводника идти опять с нами, а перевезти багаж и довести меня до центра бурелома был договорен ими местный оседлый тунгус, владелец десяти оленей. В путь тронулись в первых числах апреля. Шли на лыжах, делая 5-7 километров в сутки. Тревожить себя больше тунгус-оленовод не пожелал. Он выступил в поход со своей младшей женой, грудным младенцем, старшей дочерью и племянником. Вставали в 10 часов утра, долго пили чай и еще дольше искали оленей; после полудня выступали, а в 3-3,5 часа дня, и редко позже, становились на ночлег, устраивали юрту и долго-долго пили чай. И так тянулось все это бесконечную неделю. На третий или четвертый день пути тропа исчезла, и тунгусам пришлось прорубать ее в таежной поросли. Начались стоны и сетования, притворные болезни и требования лечить... «самогоном». Отказ ухудшил взаимоотношения, ибо тунгусы не верили, чтоб русаки ходили в тайгу без этого универсального медикамента. А между тем мы незаметно вступили в зону бурелома и шли уже по мелкой поросли. Весь крупный лес в горах был повален на землю плотными рядами, в долинах же торчали кверху не только корни выворотков, но и стволы переломанных, в вершине или на середине, как тростинки, вековых богатей тайги. Вершины сваленных деревьев были обращены к нам: мы шли на север, навстречу пронесшемуся здесь два десятка лет тому назад сверхурагану. Прошло еще дня два-три, и тунгусы забастовали: оленевод заявил мне, что путь мой кончен, и что он дальше меня, вернее мой багаж, не повезет. Дипломатические переговоры привели лишь к тому, что лагерь наш был передвинут еще на один переход вперед и разбит у известной мне по своему географическому положению речушки; этим я устанавливал свою связь с внешним миром на случай бегства тунгусов. Смысл создавшегося положения вскоре стал мне ясен: тунгус взялся меня обслуживать своими оленями лишь потому, что в 2-х километрах от моего последнего лагеря у него лежал убитый зимой лось (сохатый), за которым ему все равно пришлось бы ехать. Вновь открытые переговоры не привели ни к чему: двигаться вперед он отказался, равно не проявлял желания приехать за мной, согласно договору, после снеготаяния; не удалось добиться от него также и согласия доставить мне с фактории еще запас продуктов, сильно убавленных его семьей.

Итак, значит, я плотно уселся на десятиметровой в ширину речушке, с сознанием, что я достиг области поваленного леса и могу рассчитывать в дальнейшем лишь на продвижение вперед пешком при ограниченном запасе провианта. А между тем центр бурелома был по всем видимостям еще не близко, так как никаких уловимых следов падения метеорита еще нигде нельзя было подметить. Расспросы тунгусов не приводили ни к чему, и всякая попытка в этом направлении влекла лишь за собой неопределенные уклончивые ответы, неизменно оканчивающиеся оживленной болтовней тунгусов между собой...

Согласно уговору, наш олений извозчик должен был 4 дня водить меня из лагеря по окрестным горам. Этот пункт был введен из предосторожности, и он спас для меня положение дел. Два дня я лазил с ним на лыжах по хребтам и сопкам и в полдень второго дня поднялся на дальний, от лагеря, хребет. Ошеломляющая картина открылась передо мной на горизонте к северу. Тайга, не знающая полян тайга, расступилась там в стороны, чуть не на 120 градусов по горизонту, и мощные цепи белоснежных гор, без признаков какой бы то ни было растительности, засверкали под яркими лучами апрельского солнца, отделенные от меня десятками километров покрытого мелкой порослью плоскогорья. А вправо и влево по горизонту синела бесконечная, сплошная, могучая тайга... Я убедился в том, что центр падения лежит на севере, а именно там, где виднелись этой несравненной белизны сахарные головы гор, прорезанных мрачным ущельем,

там, где текла невидимая отсюда сакраментальная река Хушмо... И вдруг (я вздрогнул) хозяин моих рогатых лошадей, махнув рукой в сторону далеких белых гор, в порыве откровенности сказал: «Там, говорят, лес валил во все стороны и все палил, досюда палил, а дальше огонь не ходил...» И я поверил ему, так как обстановка подтверждала это; ведь мы стояли на голом обожженном хребте с обгоревшим лесом под ногами; к югу же огонь по склону спустился языками и дальше, в долину, не пошел; наш же лагерь в семи километрах к югу был в полосе сплошного бурелома без всяких признаков ожога.

Два дня тайком от тунгусов в одиночку я делал съемку инструментом, уходя на посещенные нами накануне горы. План дальнейших действий был готов: идти вперед на лыжах с рабочим и проводником-тунгусом; оленей отпустить; багаж везти «шумихой» – березовой корой; проникнуть в горы; вернуться на факторию плотом по речкам. Но тут случилось нечто неожиданное: мой проводник-тунгус весь посерел, затрясся и с непонятной для меня тогда горячностью наотрез мне заявил, что он на Хушмо не пойдет. Не подействовало и заверение, что багаж тащить шумихой он не будет, что буду я с рабочим его везти... А между тем отпустить всех тунгусов и самому идти вперед – мне не представлялось возможным: я не был знатоком тайги — ее рельефа, режимов и законов. Да и особенной нужды в такой крайней мере я не усматривал, я не был еще прижат к стене: лежал еще повсюду, хотя уже и мокрый, но все же снег, до ледохода, хотя речушки уже покрылись водой, оставалось все же еще недели три.

И новый план роился в голове: вернуться на Вановару, сменить свой «экипаж» на новый, русский, закинуть на санях продукты чунским «трактом» к северу и речками с востока проникнуть в заповедный кряж. Тяжело нам дался обратный путь на факторию. Шли мы непривычно быстро; меня подстегивала необходимость захватить снег для будущего заезда, тунгусов же гнало мокро. С мешками за спиной, лыжами и ружьями в руках шли мы по намокшей оленьей тропе, проваливаясь в рыхлом уже снегу по колено; переходили вброд речушки и ключи, на четверть поверх льда покрытые водой; при 10 градусах тепла в одних рубашках, под чирикание проснувшегося бурундука, в два дня прошли мы голубую дымку далей, протканную страстными лучами апрельского солнца, в два дня покрыли мы то расстояние, которым в передний путь плелись почти неделю. Еще один день и одна ночь, и, пополненный парой саней с ближайших зимовьев, мой смешанный олене-конный караван осилил оставшиеся 30 километров и прибыл на Вановару. Сенсация возвращения быстро сменилась хлопотливой подготовкой нового отряда. Был куплен конь, наняты два «зверобоя» с Ангары и мобилизованы все наличные сани: нужно было забросить за полсотни километров к северу, по дороге на факторию Стрелку, весь багаж и фураж отряда и стать лагерем на реке Чамбэ. В самый разгар распутицы, по колено в каше из снега, грязи и воды, с санями, всплывающими в залитых водой долинах, план этот был выполнен в два приема. В первый однодневный заезд удалось одолеть лишь полпути; на тех же лошадях обернули пустые сани еще раз и через день доставили остатки багажа, а в двое следующих суток, повторными заездами, перевезли всю партию к намеченному пункту и в сутки возвратили подводы в Вановару. Зевать не приходилось. Две сотни километров в распутицу в шесть дней! Какая разница с туземцами! В шесть суток с ними мы сделали лишь 40 километров по великолепному пути. Невольно бродит мысль: кто победит в неравном споре, – выносливый ангарец или лентяй-тунгус?!

На Чамбэ – наледь; вода идет не бурно; ее всего еще полметра; но лед примерз ко дну. Под юром за рекой виднеется плотик из двух пар бревен. Вброд перейдя реку, плотом перетащили вещи и стали лагерем на противоположном берегу. Последний крик обратных ямщиков – и мы одни. Итак, перейден Рубикон.

Сперва я думал, срубивши плот, плыть вниз на нем по наледи; но за 2-3 дня, пока рубили лес, вода так начала бурлить, ломая кое-где уже и льдины, что осторожность не позволила пуститься в эту авантюру. Пришлось ждать ледохода. Тем временем срубили плот двойной, скрепленный чалками; на большей половине поставили коня, фураж, часть снаряжения, на меньшей – весь багаж.

Весна шла бурно, и через день-другой по окончании работ звено реки у лагеря освободилось ото льда. Решили ехать. Не обошлось и без волхва-кудесника здесь дело: зелено-красно-синезелтый, он вышел на тропу и вдохновенно произнес: «Езжай, бае! Ты минешь Дилюшмо и попадешь на Хушмо; по нему пройдешь Укогиткон и Уахитту, а там увидишь сам ты ручеек Великого Болота: там землю «Он» ворочал, там лес кругом ломал – увидишь все с горы высокой...» Путевка точная была дана, и с нею в дорогу я пустился; но через два часа наш плот уперся в ледяной затор; а сзади наносило лед и затирало плот. Затор снесло через сутки; прошли еще вперед. Опять затор! И так – не раз, пока нас не затерло так, что ночью (а спали мы на берегу) унесло с продвинувшимся льдом и плот, и снаряжение, и фураж с харчем. Ангарцы трусили (но тем не менее и впредь не мог добиться я ночных дежурств, хотя мы шли в сплошных следах медведей, кормящихся весной у реки). Но вскоре плот нашли, по счастью – недалеко от суши; перенесли на берег вещи и, разъединив плоты на два, стали, расталкивая льдины, протискивать наш большой плот в курью. Река вздувалась на глазах, по 10-15 сантиметров за час. Пока возились с одним плотом, затор прорвало вновь и утащило меньший плот; так он и уплыл у нас с забытыми на нем чирками. Вторую половину нашего плота мы с полным напряжением всех сил спасли и снова шли на нем за льдом, пока его не пронесло так, что в 5-6 часов мы проскочили свыше полусотни километров на запад, минуя устье крупной речки, должно быть Дилюшмо; она текла с северо-востока – мне не по пути. Потом нас принесло к другому устью, открывшему широкую долину уже на северо-запад. Чутье мое мне подсказало, что нужно плыть этой рекой, а потому на стрелке Чамбэ устроили бивак и стали делать по счету третий, легкий плот; наш старый друг уж очень был тяжел: он сделан был с расчетом под коня и весь багаж для сплава вниз по Чамбэ; теперь же конь должен был тянуть плот против воды. Шестнадцать дней шли мы по речке Хушмо вверх, по двадцати раз на дню переходя ее, одолевая шиверы конем и собственным хребтом, врубаясь в завалы нанесенных половодьем бревен и перенося багаж руками на порогах. Шестнадцать дней боролись мы со стихией; и что ни день – все больше крепло мое сознание, что с каждым шагом ближе я к заветной цели. А признаков начала бурелома все больше попадалось на пути здесь, в открытой к западу долине, подозрительно отломаны верхушки столетних великанов; там уж очень что-то редок лес на горке; а дальше – и весь доступный северо-западному ветру склон исчерчен параллельными рядами лежащих на земле 30-метровых богатырей тайги. Но, странно это, – все эти трупы обращены верхушкой к нам – почти что на восток. Итак, мы шли, значит, навстречу урагану 1908 года. Еще вперед – и сгруды гор сменяются широкими долинами; а сами горы – голы: нет поросли на них, и лишь бока исчерчены рядами голых же стволов. Знакомая картина! Здесь действовал не только вихрь, но и огонь: следы ожога – несомненны.

«Страна мертвого леса». 1927 г. Фото Л.А. Кулика

Давно остались позади предполагаемые Укогиткон и Уахитту, а ручейка Чургима, текущего из Великого Болота, все нет как нет. На каждой остановке я делаю разведку в стороны, но очертаний тех знакомых, белоснежных гор и мрачного ущелья между ними все еще не видно.

А тут еще и Хушмо, как назло, змеєю вьется-петлит и мелеет, обнажая зубы своих шивер и перекатов. Наконец, он повернул на запад. И вот во время дневки в лагере под № 12 ушел я по хребтам на десять километров к западу. И диво дивное! По мере продвижения (на запад) верхушки бурелома с юго-востока стали уклоняться к югу. И вдруг с одной макушки глянул на меня взволнованный, как толчея порога, ландшафт остроконечных голых гор с глубокими долинами меж ними.

О, это – он! Неоспоримо – он! – тот самый вид, что так недавно белел передо мной на горизонте, сверкая чистотой своих снегов. Вперед, еще вперед! Глубокое ущелье просекло с севера на юг ряды хребтов: гремучие каскады в воротнике из наледей прорезали изверженный массив и бурной горной речкой, пройдя ущелье, влились в Хушмо, так вот и он, ручей Чургим, текущий из Великого Болота! Он с севера несется к югу. На юг обращены здесь и вершины бурелома окрест стоящих лысых гор. Дальнейший путь так ясен! Но не ясна дальнейшая картина!

На память об экспедиции на «Великое Болото»

Прошло еще два дня, пока не удалось нам, наконец, протиснуть плот по мелководью к ручью Чургим, устроить лагерь здесь, а также – «залабазить» часть багажа. Потом, пройдя ущелье и ручей, два дня мы котловиной шли на север мимо огромного болота и тундры, заключенных в амфитеатре голых гор; здесь бурелом встречал меня сперва своей вершиной, а потом – я ничего понять не мог: часть оголенных, как хлысты, деревьев стояли на корню, а на земле такой был переплет валежника, что по нему возможно было делать сотни метров, не прикасаясь к почве; местами же валежник отсутствовал, и жуток был тогда стоящий мертвый лес без веток и с безусловными следами от ожога. Еще десяток километров, и снова все голо кругом: и горы, и ущелья, и снова четкими штрихами выступающий на склонах бурелом... корнями – на меня, вершиною – на север. И ручейки текут уже не на юг здесь, а к северу, туда, где говорливый Кимчу несется на свидание с холодной пышной Чуней. На перевале я разбил второй свой сухопутный лагерь и стал кружить по цирку гор вокруг Великой Котловины; сперва – на запад, десятки километров соря по лысым гребням гор; но бурелом на них лежал уже вершинами на запад. Огромным кругом обошел всю котловину я горами к югу; и бурелом, как замороженный, вершинами склонился тоже к югу. Я возвратился в лагерь и снова по плешинам гор пошел на восток, и бурелом вершины все свои туда же отклонил. Я силы все напряг и вышел снова к югу, почти что к Хушмо: лежащая щетина бурелома вершины завернула тоже к югу... Сомнений не было: я центр паденья обошел вокруг! А потом я снова стал ходить вокруг, сужая все свои круги. И в котловине, наконец, у северо-восточного ее участка, обнаружил десятки плоских кратеров-воронки, донельзя схожих с лунными. Их легче всего было заметить в тундре, обожженной и не успевшей еще восстановить как следует свой растительный покров. Воронки имели самый разнообразный поперечник, но чаще – от 10 до 50 метров; их глубина не превышала в общем 4-х метров, а дно было уже затянуто болотным моховым покровом. Как глубоко ушли метеориты в тундру и горные породы, сказать я не могу: не в силах был я ни обойти всю местность, испаханную ими, ни приступить к рытью: речь шла уже о том, чтобы благополучно выбраться оттуда. Продуктов оставалось у нас дня на 3-4, а путь лежал не близкий и далеко не триумфальный: ведь это было бегство, в полном смысле слова. Питались мы уже остатками продуктов (расчет на дичь не оправдался), урезывая порции как можно больше, тряся мешки из-под муки... Стреляли раза три или 4 уток, да раза два попала рыба в сети; но, как назло, всего так было мало, кроме «пучек», что девять суток шли мы день и ночь вниз по течению по Хушмо и по Чамбэ к Подкаменной Тунгуске, и, лишь съедая килограммы «пучек» и ласково определяя вес последнего резерва, – понурого от напряженной гонки четвероногого приятеля – коня, отряд мой сохранил кое-какие остатки бодрости и под двухдневным летним дождем достиг к концу июня Подкаменной Тунгуски.

Ликвидировав на Вановаре свой отряд, я с двумя рабочими спустился на шитике Подкаменной Тунгуской к устью, на Енисей, пройдя 7 крупных и бурливых летом порогов, десятки шивер и несносных перекатов. Гребли попеременно и день, и ночь и сделали 1300 километров в три недели, имея в том числе три дневки. Эта поездка была сплошной поэзией».

* * *

Кто Вы, Гюлих?

В опубликованных статьях об этой первой экспедиции к месту падения Тунгусского метеорита, в заметках самого Леонида Алексеевича нигде нет упоминания имени и фамилии помощника Кулика. Почему? Кто же он, кто делил с Куликом все тяжести экспедиции и, «напрягая все усилия, в обстановке романов Майн Рида и Купера, достиг центральной области падения»?

Фамилия – Гюлих упоминается один-единственный раз в книге Е.Л. Кринова «Тунгусский метеорит», которая вышла уже в 1949 году. А позднее в некоторых публикациях берется оттуда же.

По воспоминаниям матери, отец был знаком с Гюлихом по первой мировой войне. А после революции он работал в Петрограде, кажется, в яхт-клубе... Пришлось мне опять обращаться за помощью в Лефортовский архив. После долгих поисков в полковых документах военных лет был

найден только один документ от 3-го января 1915 года. Это список об убытии из полка Офицерской кавалерийской школы прапорщика Кулика и корнета Гюлиха. Это и все! Полевых книжек Гюлиха нет. В списках награжденных его фамилии нет. В списке по личному составу упоминаний нет. Личное дело отсутствует... Наконец, в довоенных документах мне находят личное дело вольноопределяющегося Гюлиха. И вот что я из него узнал. «Барон Фон-Гюлих Освальд Адольф Эмильевич, 1886 г. рождения. Из потомственных почетных граждан города Петербурга, унтер-офицер, из вольноопределяющихся. Послужной список 1913 года».

А. Гюлих. 1915/1916 г. Фото Кулика

Из личного дела я узнаю, что родился он 25-го ноября, что он лютеранин и холост. Закончил полный курс 1-й гимназии С-Петербурга 30 мая 1907 года. В послужном списке значится, что 30-го сентября 1912 года он зачислен вольноопределяющимся во 2-й эскадрон 20-го драгунского Финляндского полка.

Здесь же в послужном списке я узнал, что Гюлих состоял студентом в Императорском С-Петербургском университете, но полного курса не окончил.

Там же к личному делу Гюлиха была подшита его подписка и список инородцев полка. Их было трое: латыш Курт Штединг из Риги, немец Александр Гюлих и поляк Антон Шушкевич из Петербурга.

Вот, пожалуй, и все, что удалось узнать мне о Гюлихе... Сейчас трудно однозначно ответить, почему именно Гюлиха выбрал Леонид Алексеевич Кулик в такую трудную экспедицию. Я думаю, что было несколько поводов. Он был надежным и проверенным на войне товарищем, он прекрасно знал лошадей, отлично плавал, а главное не боялся-трудностей. Не исключаю я и того, что Леонид Алексеевич увозил своего товарища подальше от уже начавшихся в стране преследований.

* * *

Мечта ученого

Еще там, в «Стране мертвого леса», родилась у Кулика мечта подняться над тайгой и с высоты птичьего полета охватить взглядом и запечатлеть для потомков чашу гигантского кратера. Шагая по бесконечному бурелому, он завидовал в душе своим товарищам-«мироведам»: Николаю Александровичу Морозову, который мог поднять в небо самолет, Гавриилу Андриановичу Тихову, которому посчастливилось подняться на воздушном шаре с французскими астронавтами и наблюдать звездопад Леонид. Когда Кулик возвратится с Подкаменной Тунгуски в Красноярск, то в первой же своей публикации он напишет: «Аэрофотосъемка здесь, между прочим, представляет собой интерес. Остается надеяться и верить в то, что это исключительное в истории метеоритов падение будет изучено до конца».

Теперь почти во всех статьях, заметках, интервью красной нитью будет проходить необходимость аэрофотосъемки. Вот только некоторые из них:

Журнал «Вестник знания».

«Тунгусский метеорит... или фантазия»

1927 г.

«Как переход к очередной работе, как следующий шаг к исследованию места падения я наиболее выгодным и действительно необходимым считаю съемку с гидроплана, для которого возможна, ввиду обилия водных бассейнов, посадка в этих местах».

«Красная газета».

Ленинград. 3 сентября 1927 г.

«Очередной задачей для осуществления этого является в настоящий момент организация подготовительных работ, среди которых я, между прочим, одно из первых мест отвожу: 1) определению астрономических пунктов для увязки уже произведенных маршрутных съемок и 2)

аэрофотосъемке с гидроаэроплана места падения, охватывающего сплошным буреломом тысячи квадратных километров. Эта съемка даст нам возможность не только избежать мешкотную, трудную в этой обстановке и дорогую топографическую съемку».

«Советская Сибирь»

Новосибирск. 13 декабря 1927 г.

«Частично это изучение предполагается осуществить в наступающем году, путем фотосъемки с гидроплана. Эта фотосъемка должна дать еще только ключ к постановке работы по извлечению частей метеорита... Не следует также упускать из вида, что аэрофотосъемка за Подкаменной Тунгуской является первым опытом подобного рода работ в тайге...»

«Красное Знамя».

Томск. 14 декабря 1927 г.

«Экспедиция после разведки вернулась обратно в Ленинград, а собранные ею материалы послужили основанием для организации поисков, которые предполагено провести в 1928 году комбинированной (на гидроаэроплане) и сухопутной съемкой. В этой работе примет участие и Сибирь в лице своего крайисполкома, а также общества изучения Сибири».

«Вечерняя Москва».

24 января 1928 г.

«Являясь первым опытом этого рода, аэросъемка позволит хотя бы в год 20-летнего юбилея_ этого метеорита заглавить перед ним историческую несправедливость – наше пренебрежение к нему в течение стольких лет».

Через полгода Владимир Ильич Крыжановский — сотрудник Минералогического музея АН напишет об этом времени: «На обратном пути Л.А. Кулик сделал ряд докладов о своей работе в Красноярске и Новосибирске и своим воодушевлением и верой в дело поднял настроение сибирских общественных и правительственных организаций. Сибкрайисполком отпустил ему шесть тысяч рублей для новой экспедиции. Правда, только на бумаге. А между тем, к железной дороге экспедиция вышла без гроша в кармане. Не хватало денег на расплату с разными организациями, любезно предоставившими свой кредит в помощь этой работе. Гонорар за платные лекции, накопившиеся в Ленинграде, зарплата и т.д. и т.п. — все ушло на это. С большим трудом вернулся Л.А. в Ленинград. Но он был полон энтузиазма и морально подкреплен надеждой на помощь Сибири в будущей, ближайшей же экспедиции».

В своей докладной записке Президиуму Академии Наук СССР Кулик написал: «Положительные результаты моей экспедиции неоспоримы; их исключительное научное значение, как и самого Тунгусского падения, будет полностью оценено лишь историей, для которой необходимо запечатлеть все сохранившиеся еще следы этого явления».

10-го февраля 1928 года академик В.И. Вернадский созвал в Минералогическом музее специальное совещание по вопросу об организации очередной экспедиции на место падения Тунгусского метеорита. На этом совещании Леонид Алексеевич сообщил о накопившихся материалах по Тунгусскому метеориту и доложил о результатах проведенного им в 1927 году обследования места падения. В результате обсуждения ряд ученых (М.И. Сумгин, Б.П. Мультановский, А.А. Григорьев, Д.В. Никитин) усомнились в том, что действительно в районе фактории Вановара место падения метеорита, и высказывались против проведения аэросъемки. На сторону Кулика встали полярный геолог, исследователь норильских руд Н.Н. Урванцев, П.А. Замятченский, Д.Д. Руднев. В своем заключительном слове Владимир Иванович Вернадский отметил, что совещание в общем признает необычность явления бурелома в районе фактории Вановары и считает необходимым организовать экспедицию с основной задачей — обнаружения метеорита.

22-го февраля 1928 года Леонид Алексеевич Кулик сделал доклад о результатах экспедиции в Геологическом комитете. По докладу было вынесено следующее решение: «Признавая изучение метеоритов и районов их падения делом первостепенной важности не только чисто научной, но и

практической, Геологический комитет считает необходимым углубленное изучение места предполагаемого падения Тунгусского метеорита, исходя из данных, полученных при исследованиях Л.А. Куликом». После этого Леонид Алексеевич выступил с докладом в Ленинградском обществе естествоиспытателей, в других научных учреждениях и обществах. И все они всецело поддержали необходимость организации очередной экспедиции.

Чаепитие в «Мироведении» после доклада Л.А. Кулика.

Но самым, пожалуй, доброжелательным был прием в «Мироведении». После доклада состоялось традиционное чаепитие. На сохранившихся с той поры фотографиях запечатлена эта встреча. За длинным столом сидят гости и старейшие члены РОЛМ во главе с Николаем Александровичем Морозовым. Зима 1928 г.

На почетном месте автор доклада, Кулик. В руках его экспедиционные фотографии. На столе скромная закуска и, наверняка, давно остывший чай. Вокруг стола и в дверях толпится мироведческая молодежь. Среди них узнаются Надежда Николаевна Сытинская, Евгений Леонидович Кринов, Александра Адамовна Демша, Андрей Георгиевич Павский (мой отец).

А 13 марта 1928 года состоялось заседание Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР) при Академии Наук СССР, на котором по докладу академика А.Е. Ферсмана было вынесено постановление организовать в 1928/29 г. экспедицию с целью продолжить изучение падения Тунгусского метеорита и просить Кулика представить докладную записку по этому вопросу. Однако, вследствие невозможности выделить для этого средств Академией Наук на 1928 год решено обратиться с ходатайством в Совнарком и в другие учреждения об оказании материальной помощи для организации экспедиции. И Совнарком не заставил себя ждать. В Архиве Академии Наук СССР хранится копия письма на имя неперменного секретаря Академии Наук СССР Сергея Федоровича Ольденбурга.

СОЮЗ

Совет. Соц. Республик Упр. Делами Сов. Нар. Комиссаров

Спешной почтой Москва, Кремль, 23 марта 1928 г.

НО-911

Академия Наук СССР

неперменному секретарю

Отдел научных учреждений при СНК СССР просит командировать научного сотрудника Л.А. Кулика на заседание, имеющее состояться в понедельник, 26 марта, в 11 часов утра, по вопросу об экспедиции в Подкаменную Тунгуску.

Зав. отделом (Е. Воронов).

Уже 29 марта 1928 года Л.А. Кулик представил Совнаркому доклад о снаряжении экспедиции на Подкаменную Тунгуску. Для правильной постановки дела требовалось произвести большую и очень сложную в условиях местности воздушную фотосъемку. А это требовало покупки бензина, создания базы для самолета и авиаспециалистов – иными словами, больших денег. Смета предусматривала сумму в 30.000 рублей. Магнитометрическая съемка и подготовительные работы к ней требовали достаточного персонала, снабженного всем необходимым для работы в глухой, отдаленной местности. Смета на эту часть работ была исчислена дополнительно в 25.000 рублей.

Первоначально предполагалось включить экспедицию в план работ 1929 года с тем, чтобы в осуществлении ее приняли участие разные организации. Но Леонид Алексеевич считал необходимым отправиться в тайгу текущим летом, и после долгой и упорной борьбы он добился особого ассигнования от СНК в сумме 8.000 рублей. На эти средства он предполагал выехать на место, произвести магнитометрические измерения и подготовить все материалы для будущей авиасъемки.

Уже через несколько дней он получает командировочное удостоверение Академии Наук. В удостоверении (№ 2067) от 4 апреля 1928 года говорилось: «Предъявитель сего нач. Метеоритной экспедиции, научный сотрудник Минералогического музея АН СССР Леонид Алексеевич Кулик командирован на Подкаменную Тунгуску Красноярского округа Сибирского края для предварительных работ по изучению обстановки падения метеорита 1908 г.». В удостоверении, подписанном С.Ф. Ольденбургом, говорилось: «Академия Наук СССР просит все правительственные, общественные и ученые учреждения, а также должностных и частных лиц не отказать Л.А. Кулику в содействии как в пути следования, так и при исполнении возложенного на него Академией научного поручения». Срок командировки устанавливался с 3 апреля по 3 декабря 1928 года.

Кулик спешит со сборами. Время уходит! И здесь выясняется, что помощь Сибири так и осталась на бумаге. Леониду Алексеевичу приходится срочно изменять всю структуру экспедиции.

Снарядившись в меру возможности, и вновь только с одним помощником, которым стал, тогда еще студент, Виктор Александрович Сытин, Кулик выезжает к далекому Тайшету.

* * *

Вторая экспедиция на Тунгуску

Вторая экспедиция на Тунгуску

Экспедиция Кулика 1928 года стала, пожалуй, самой известной из всех его экспедиций к месту падения Тунгусского метеорита. О ней много писали газеты и журналы. Рассказ об этой эпопее поведут ее участники Виктор Сытин и кинооператор Николай Струков.

Из записей Виктора Сытина

Кулик «воевал» в Ленинграде. Мне же он поручил «представительствовать» в Москве, зачислив, как только состоялось решение Академии, в состав экспедиции своим помощником. Я должен был покупать снаряжение, некоторые продукты, организовать их упаковку и т.д. Удалось мне «провернуть» и еще одно дело – договориться с директором киностудии Трайниным о посылке вместе с нами за счет студии кинооператора Николая Струкова.

В Москве снега уже нет, яркое солнце, чирикают и дерутся воробьи, галки устраивают гнезда, а наиболее ярые спортсмены появились на улицах в майках. Одним словом, весна уже в полном разгаре. Надо ехать как можно скорее!

И вот наконец 7-го апреля с Северного вокзала транссибирский экспресс увозит нас из Москвы. Транссибирский экспресс на Маньчжурию идет хорошо. Каждые сутки на тысячу километров мы ближе к цели, к станции Тайшет, от которой предстоит сделать почти восемьсот километров на лошадях и пешком до Вановары на Подкаменной Тунгуске.

Но мало радует панорама, открывающаяся из окна купе. Снега нет уже до самого Урала. Лишь на хребтах за Кунгуром он еще кое-где сохранился, а дальше, в бескрайних степях Западно-Сибирской низменности, снова снега нет. Только за Красноярском, где рельсы повели громыхающий поезд по лесным ущельям, белые пятна замелькали чаще. Тайга и суровый континентальный климат Центральной Сибири еще не разрешили весне войти сюда.

12 апреля, 12 часов дня. Станция Тайшет. Маньчжурский экспресс стоит здесь всего 8 минут. Пospешно вылезаем, вытаскиваем свои вещи и снаряжение экспедиции из багажного вагона. На станции нет носильщиков. Поэтому Леонид Алексеевич и я на собственных плечах вытаскиваем из вагона пяти-шестипудовые тюки. Наконец все улажено. Вдаль уходит вереница вагонов, а мы с тревогой констатируем факт, что весенняя распутица здесь в полном разгаре.

Местный райисполком помогает нам, через несколько часов лошади наняты, на сани погружен багаж, завернутый в брезенты. Трогаемся в путь дальше. В вечерней мгле остаются позади станция Тайшет и несколько десятков домиков поселка. Мигают сквозь сучья деревьев электрические фонари. Лошадям тяжело тащить сани по размяченному снегу. Мы идем почти все время пешком. Нередко в тех местах, где широкие поляны прорвали лес, снега нет вовсе, и

сани приходится тащить по вязкой глине дороги конно-человеческой тягой. А в лощинах и оврагах скопилась вода. Нам приходится распрягать лошадей, которые не могут в упряже самостоятельно пробраться через кашу из снега и воды, и затем перетаскивать сани и перегонять лошадей отдельно. Шесть дней и ночей обгоняем мы весну, теплым ветром наступающую с юго-запада, лишь ненадолго останавливаясь в деревнях по пути. Наконец перед нами Ангара. Эта великая сибирская река является сейчас для нас самым тяжелым препятствием. Ангара уже посинела и набухла водой, готовая внезапно, как всегда, сорвать с себя ледяные оковы. Пустив впереди разведчика, который щупает крепость льда тяжелым шестом, осторожно продвигается по ней наш обоз. Идем быстро, почти без остановок и в одни сутки покрываем 120 километров от поселка Дворец до Кежмы. В Кежме холоднее. С неба сыплется мелкий сухой снежок. Наконец весна осталась позади.

Мы обогнали весну, но спешить все же надо. Поэтому дополнительно снаряжаемся в Кежме всего в два дня. Леонид Алексеевич договорился с четырьмя охотниками-ангарцами о том, чтобы они стали сотрудниками экспедиции, купил продовольствие, двух лошадей.

21 апреля двигаемся дальше. Опять идем день и ночь, останавливаясь в сутки на несколько часов, чтобы покормить выбивающихся из сил лошадей и самим немного подремать у костра или в охотничьей избушке-зимовье... Дорога отчаянная. Снег снова размяк, и лошади вязнут по брюхо. В лощинах скопилась вода, ночами она покрывается броней звенящего льда, и он режет ноги лошадям. Помнится, в таежной «гостинице» – зимовье на Идуконе – мы покормили коней, часа три отдохнули и двинулись дальше. Солнце еще не взошло. Было холодно. Передний конь осторожно ступил на лед набухшей речки, сделал два-три шага и провалился. Он стал биться, кидаться в стороны. Пришлось самому лезть в воду и выводить испуганное животное на берег. За ним уже по проложенной во льду дорожке мы провели и другую лошадь, подтягивая ее перекинутой веревкой...

В.А. Сытин. Москва. 80-е годы. Фото автора

Более двухсот километров мы прошли за четверо суток. Но вот – прорвалась стена лесов и открылась широкая долина реки Подкаменной Тунгуски, священной реки Катанги эвенков. Еще одно усилие, еще один «бросок», и мы наконец на фактории Вановара... Нам отведен один из четырех домиков, составляющих поселок фактории. Здесь теперь хозяином Госторг, и все идет гладко. К тому же заведующий факторией на Вановаре М.И. Цветков – симпатичный и культурный человек.

Через несколько дней после того, как мы добрались до Вановары и, отдохнув, начали заготавливать лес для постройки лодок, на фактории появляются «чужие» люди. Идем спрашивать, кто такие. Оказывается, добрался сюда кинооператор Николай Струков. Теперь нас в экспедиции стало семь человек – Л.А. Кулик, я, Н.А. Струков и четверо ангарцев во главе со старым, опытным таежником Константином Сизых. Начали строить лодки. Почти все ангарцы – опытные плотники.

Из очерка Н. Струкова

Экспедиция Л.А. Кулика настолько спешила со своей отправкой в тайгу, что не успела захватить кинооператора. Уже из Тайшета, последней железнодорожной станции на пути к месту падения метеорита, была отправлена в Совкино срочная телеграмма: «Немедленно командуйте оператора, Тайшет. Кулик».

Ехать пришлось мне. Собравшись буквально в несколько часов, я отправился за шесть тысяч верст от Москвы в неведомую сибирскую тайгу к незнакомым, но уже милым мне чем-то людям, с которыми мне предстояло пройти по диким бездорожным местам сотни километров и чью научную работу мне предстояло «накрутить» на пленку своего киноаппарата. Короткая телеграмма, которая вызвала меня в это замечательное путешествие, не сообщала о том, что экспедиция выходит из Тайшета немедленно и что мне придется ее догонять одному, в условиях совершенно непривычных и – могу это сказать с полным сознанием ответственности – невероятно трудных.

Я надеялся все-таки на то, что застану экспедицию в Тайшете. Надежды мои, однако, не оправдались. В местном райисполкоме мне сообщили, что экспедиция тронулась в путь пять дней тому назад, предложили мне нанять лошадей и догонять ее. Перед лицом дикой тайги я очутился без нужного снаряжения, без оружия и почти без денег. Но раздумывать было нечего: наняв лошадей и ямщиков из среды местного населения, я двинулся по таежному тракту на Ангару. Я проехал четыреста километров, пять раз сменив на своем пути лошадей. Вынужденный, вследствие порчи дороги по реке, перебраться через горный хребет, еще покрытый снегом, я попал здесь в такие места, из которых уже не надеялся выбраться живым. Пятьдесят километров мы брели по горло в снегу, и наших сил едва хватило на то, чтобы выбраться на чистый путь. Достигнув с исключительными трудностями расположенной на берегу Ангары деревни «Дворец» (какая ирония в названии деревушки, состоящей из нескольких жалких срубов!), я перебрался на середину реки, где еще держался лед, и санным путем проехал 250 километров до поселка Кежма. Лед был ненадежен, и потому приходилось ставить на сани лодку и в эту лодку класть аппаратуру и пленки, на случай, если бы сани провалились под лед.

Из Кежмы, по едва заметной оленьей тропе, с одним рабочим, шестью лошадьми и с тремя ящиками, я прошел еще 250 километров до последнего населенного пункта – фактории Вановара, где нагнал экспедицию, спустя 16 дней после своего выхода из Тайшета.

По зимнику на Кежму. 1928 г.

Когда я переправился через реку, встретивший меня Л.А. Кулик был так обрадован и вместе с тем удивлен моим приездом, что вместе с другими участниками экспедиции принялся меня качать. Он признался мне в том, что не очень рассчитывал на то, что рискну догонять экспедицию по испорченным дорогам и что мне вообще удастся его нагнать.

Тут я захворал. Л.А. Кулик очень внимательно меня выхаживал. Тогда-то впервые я имел возможность наблюдать неутомимую работу этого человека. Покуда сооружались лодки, он буквально каждый час бегал на берег реки, чтобы проверить состояние льда и не упустить момента, когда река очистится, и можно будет, наконец, спустить лодки. Я тем временем оправился от своей болезни.

Л.А. Кулик на вановарской «судоверфи». Май 1928 г.

Из записей В. Сытина

В молчании тайги, раскинувшей кругом свои сине-черные, тысячеверстные дали, под звук песен любви тетеревов зазвенела стальная продольная пила. Работая посменно, мы распиливали на гибкие, ровные доски тела могучих сосен. Затем ладили лодки, и скоро перед нашим домиком в разных позах легли три шитика, ожидая смолевки... Наконец — это случилось 19 мая — взорвался лед на Катанге. Именно взорвался. Я наблюдал это с утеса. С пушечным громом стали лопаться ледяные поля метровой толщины. Было теплое утро. На солнечных склонах раскрыли свои лиловые чашечки анемоны. Со свистом проносились стаи уток. Везде был мир и покой. И лишь грозная канонада гремела на реке. Черные змеи трещин рвали лед все чаще, все быстрее, и вдруг лед загремел и двинулся, напирая на берега, дыбился и опадал хрустальными глыбами. Стремительно понеслись весенние воды. Громоздятся на берегу трехметровые торосы, ломают прибрежные кусты, пашут землю. И так — скоро в путь. Мы готовы к нему, ждем, когда спадет немного вода... Но вот пронесло основную массу льда. Мы спустили на воду лодки. Они названы небесными именами — «Болид», «Комета» и «Метеор». Кроме того, у нас есть две маленькие лодочки-берестянки, сделанные из березовой коры, натянутой на тонкие деревянные обручи. Эти лодочки весят по полпуда и поднимают человека с небольшим количеством багажа. Они будут служить нам для разведок и охоты в пути.

22 мая движемся в путь, туда, где в прошлом году Леонид Алексеевич Кулик открыл «Страну мертвого леса». Проводников с нами нет. Эвенки отказались плыть с нами... От Вановары до устья реки Чамбэ — правого притока Подкаменной Тунгуски — километров сорок. Быстрое течение прекрасно помогает нам. В несколько часов проплываем мы это расстояние и сворачиваем в Чамбэ. Отсюда начинается наше восхождение против струй вешней воды. Весла не имеют силы.

Мы налаживаем лямочную тягу с помощью длинной бечевы. Попеременно надевая лямку, по скользкому девственному берегу, огибая яры с выставившимися в реку корнями и сухими стволами сваленных ветром деревьев, мы тащим лодки с утра и дотемна. Лошадей использовать можно только на песчаных плесах.

Л.А. Кулик на реке Чамбэ. 1928 г. Фото Н. Струкова

На пятый день нашего бурлацкого похода с востока на запад к реке подошли хребты Буркан. Здесь, на Чамбэ, сжатой каменными стенами, крутой порог. Отраженный скалами грохот волн от ударов о камни и друг о друга мощно потрясает тайгу. Наш лагерь-ночевку мы устроили в километре от порога, но, несмотря на усталость, я долго не мог заснуть, слушая этот зловещий грохот. Наутро нам нужно было «поднимать» порог, то есть общими силами вытащить по одной разгруженные лодки на главный «залавок» – слив порога. Самую большую лодку «Болид» мы пытались с помощью каната втащить на залавок три раза. И каждый раз сумасшедшие струи вырывали канат из наших рук и относили обратно в «улово» – водоворот за порогом, где плясали метровые волны – «толкунцы». Наконец, напрягая мускулы до звона в ушах, нам удалось поднять первую лодку. Передохнув немного, зацепили на канат вторую.

Из очерка Н. Струкова

Добравшись до места, где река прорезает горный хребет и бурно прорывается через огромный порог, мы высадились на берег и начали тянуть лямку. В лодке остались двое: рабочий-ангарец с шестом и Л.А. Кулик за рулем. Я же расположился на берегу со своим аппаратом и начал снимать эту критически-ответственную переправу лодки через порог. В самом опасном месте лодку внезапно повернуло поперек течения, и она моментально наполнилась водой. Опытный ангарец успел перескочить на камень. Кулик же попал в воду. Захваченный водоворотом, он два раза скрывался под водой и неминуемо погиб бы, если бы не зацепился ногой за бичеву у кормы и если бы на нем не было спасательного пояса. Мне удалось заснять всю эту печальную картину. На Л.А. Кулика это происшествие мало подействовало: быстро переодевшись, он с прежней энергией продолжал руководить работой по продвижению лодок.

Из записей В. Сытина

Покинув лагерь у Буркана, мы еще в течение трех суток продвигались по Чамбэ, потом свернули в маленькую речку горного типа. Это уже известная Леониду Алексеевичу Хушмо. Она быстро течет, извиваясь по долинам между холмами. Продвигаться по ней было еще тяжелее, чем по Чамбэ. Весенняя вода начала уже спадать, и много раз мы перетягивали через мели и перекаты наши лодки руками, прыгивая в студеную воду. Надо было спешить. Как и в апреле по пути к Кежме, мы шли вперед с утра до ночи, не останавливаясь днем ни на час. На этот раз нам приходилось обгонять быстро наступающее северное лето. И мы его обогнали! Тепло наступило сразу, примерно через неделю. Но к этому времени мы пришли в полосу уже сплошного бурелома, в «Страну мертвого леса», о которой рассказывал мне осенью Леонид Алексеевич в далеком Ленинграде. Здесь экспедиция остановилась лагерем в нескольких километрах от центра падения и приступила к организации базы. Это был лагерь №13 по дневнику похода, последний у реки.

Трудный путь в «Страну мертвого леса». Весна 1928 года

В общей сложности мы прошли на лодках, а точнее, как бурлаки, волоча их за собой, за шестнадцать суток не менее двухсот километров. Извилистые таежные речки Чамбэ и Хушмо – верный путь в «Страну мертвого леса». К сожалению, только трудноватый. Свой лагерь № 13 мы разбили в излучине, под холмом. Здесь есть немного жизни. Сохранилось с десятков деревьев, берега поросли кустарниками, а на каменистых отмелях речки с раннего утра и до сумерек мелодично перекликаются кулички...

Около лагеря мы создаем опорную базу. В первую очередь надо спрятать продукты так, чтобы не смог достать случайно пришедший в наше отсутствие мишка. Для этого на двух пнях, срезанных на порядочной высоте от земли, сооружаем так называемый «лабаз» – будку вроде голубятни. В него складываем запас муки, масла и снаряжение. Затем строим маленькую баньку. Это сделать

совершенно необходимо, ибо при работе в жару надо почаще мыться, а в Хушмо купаться невозможно, вода в ней ледяная. Мало, к сожалению, наловили рыбы. Ее хватило всего на неделю. И с этого времени вынуждены мы перейти на однообразное питание мукой в том или ином приготовлении. Так, утром мы едим лепешки с чаем, испеченные в золе костра, или сухари. Днем заваруху.

Это довольно противное тесто – мука, заболтанная в кипятке с небольшим количеством масла. Вечером, к сожалению, у нас снова лепешки и, кроме того, обычно растопленное на огне масло в кружке, куда каждый макает свой кусок. Наконец база готова. Теперь Леонид Алексеевич наметил место постоянного лагеря в нескольких километрах к северу, в самом центре падения метеорита, на плоскогорье открытого им Великого Болота.

23 июня мы снимаемся с лагеря и начинаем двигаться к намеченному пункту. Лежащие на земле скелеты деревьев представляют собою как бы бесконечную баррикаду. Кроме того, на смену мертвому лесу здесь поднимается густая поросль лиственных пород деревьев. Приходится чистить себе дорогу, разрубая переплет из бревен и сучьев и мелкокосясь. Двигаемся медленно-медленно, по два-три километра в день, не больше!

Установилась очень теплая летняя погода. Болота породили огромное количество насекомых-кровососов. Комары день и ночь. А днем еще мошка и оводы звенящими и гудящими облаками налетают на нас и лошадей.

Мы бронировались – надевали по три рубахи из фланели и бумазеи, а на лицо натягивали сетку-накомарник, сделанную из конского волоса. Конечно, нужно было защищать и руки кожаными перчатками. Лошади бесились. Их пришлось в конце концов круглые сутки держать в дыму костров. Мы же широко пользовались дымокурами. Без них невозможно более или менее спокойно обедать или пить чай. Но нередко и дым не помогал, и я не раз пил чай прямо через сетку накомарника... Четыре дня мы потратили, чтобы пробить дорогу до ущелья Чургима. Здесь барьер плоскогорья прорвал ручей, вытекающий из Великого Болота. Сверкающим водопадом с шестиметровой высоты он прыгает в долину.

Из очерка Н. Струкова

Цель была достигнута. Перед нами расстилалось болото, в которое угодила огненная масса легендарного метеорита. Суровый «бог грома» тунгусских преданий залег глубоко под землей, и его разрушительное дыхание до сих пор еще ощущается в этих местах на громадном протяжении. Огненный вихрь слизнул на пространстве в тысячи квадратных километров всю растительность. Поваленный лес открылся перед нашими взорами еще на реке Чамбэ, у того самого порога, где потерпел крушение Л.А. Кулик. Лес лежит сплошными рядами.

Он раскинут веером во все стороны от места падения метеорита и окружает это место как бы сиянием. Здесь нет ни зверя, ни птицы. Тонкая поросль местами поднимается из пожарища, но ничуть не скрашивает общего вида уныния и гибели. Двадцать лет тому назад, в одно мгновение, целая цветущая область превратилась в ту пустыню, которую мы видели сейчас перед собой. Горы, окружающие болото, так же мертвы и голы.

«Страна мертвого леса». 1928 г. Фото Н. Струкова

Из записей В. Сытина

Леонид Алексеевич занялся детальной разведкой и внешним описанием центра падения. Затем мы с ним принимаемся за геодезическую съемку с помощью теодолита. Струков лазает с нами по хребтам и болотам и крутит ручку своего киноаппарата.

Вот тогда-то были даны названия наиболее высоким вершинам гор в этом районе. На карте появились пики Фарингтон, Хладна, Вернадского и других ученых – астрономов и географов.

По вечерам все мы помогаем ангарцам сооружать из жалких остатков леса избушку.

Примерно через месяц Леонид Алексеевич решает начать раскопки в одной из воронок. Он надеется найти где-то в торфяной глубине осколки метеорита. Увы! Ничего у нас не получается. Напитанный водой торф отдает ее в шахточку, и рыть очень скоро становится невозможно:

шахточку заливает. Тогда мы сооружаем золотоискательный насос-помпу из выдолбленного ствола кедра. С помощью примитивной машины пытаемся откачивать набегающую воду. Но, к сожалению, насос помогает плохо, к тому же он очень короток – всего два метра. На эту глубину наконец и опустились. Но ничего не нашли, и раскопки пришлось прекратить. Все время стоит жара. Комары продолжают мучить. Питаемся довольно плохо. Дичи и рыбы нет. В рационе – мука и мука да изредка рисовая каша. Ну и, конечно, крепкий чай.

Плохое питание, мучительный гнус и работа от зари до зари в конце концов сказались на состоянии участников экспедиции. Некоторые из нас ослабели, стали апатичными и с трудом поднимаются утрами с топчанов. Лишь один Леонид Алексеевич не подает вида, что устал не меньше других, шутками подбадривает нас, а когда шутки не помогают, уговаривает и суровыми словами...

К середине июля Струков закончил киносъемки и фотографирование, и его решено отправить домой с тремя наиболее ослабевшими охотниками.

Где-то в верховьях Хушмо прошли сильные грозовые дожди. Вспухла речушка, и мы, снарядив одну из наших лодок, отправили Струкова. Нас осталось четверо: Кулик, Сизых, Алеша Кулаков и я. Идут дни... По-прежнему очень жарко. Комары, мошка, оводы. Рубаха становится на спине серой от них. К концу июля заболел Алеша Кулаков. У него развивается острый фурункулез, и огромные нарывы появляются на лице и шее. Бедный парень без сна лежит на нарах, стиснув зубы от боли. Лечим его компрессами и даем отвары трав. Скоро и я начинаю замечать у себя признаки авитаминоза — цинги. Появляется сильная апатия, совершенно не хочется есть, десны вспухают и кровоточат. Затем и Сизых начинает жаловаться на недомогание, на слабость, на боль в ногах. Страшная это болезнь - цинга, страшная тем, что у человека слабеет не только тело, но и воля. Только могучий организм Леонида Алексеевича не поддается этой болезни.

Наказы Л.А. Кулика перед отъездом Н. Струкова. Слева В. Сытин

Между тем по плану работ не выполнены очень важные магнитометрические измерения. Эти измерения надо сделать в воронках, когда первые морозы укрепят их дно... У нас имеется несколько приборов, взятых в Геологическом комитете, — магнитометры Тибберг-Талена и Томсона.

Леонид Алексеевич предполагает, что заморозки начнутся примерно через месяц. Выдержим ли мы этот месяц?

В начале августа мы перешли на нашу базу у реки Хушмо... Что делать? Заканчивать экспедицию совсем, не сделав магнитометрических измерений, или оставаться еще на месяц-полтора в «Стране мертвого леса», рискуя жизнью больных, ибо лечить их нужно питанием и витаминами...

- Я остаюсь здесь один, – решает наш руководитель. – Продуктов мне хватит на три месяца... За это время вы, Виктор Александрович, должны добраться до Москвы и Ленинграда, получить дополнительные средства, вернуться на Ангару и организовать в Кежме вьючный обоз. По первым заморозкам вы должны прийти сюда за снаряжением и собранными коллекциями. И, если я сам не закончу магнитометрических измерений, поможете мне их завершить. Завтра выступаем. Я вас провожу.

Раннее утро. Солнца еще нет, и по долине Хушмо, как всегда, ходят волны седого тумана... Леонид Алексеевич подает команду «вперед», и мы выступаем... Направление по компасу на юго-восток. Первый день мы шли все время буреломом со скоростью, я думаю, не больше одного-двух километров в час. Леонид Алексеевич был впереди, подбадривая своим примером... Вечером на второй день мы вышли к речке Макирта. Здесь уже лес свален не полностью. Скоро, видно, начнется настоящая тайга. Делаем остановку на ночь, но решаем сократить ее до минимума. С ранней зарей двинемся дальше... Утром – снова вперед. Все глуше и глуше лес. С трудом пробираемся через чащу кустарников, через частокол черных, опутанных седыми космами мха елей... К полудню стена лесов прорывается. Широкая болотистая долина-ущелье открывается перед нами... Несколько часов бродим мы у берега болота. Наконец недалеко от громадной, расщепленной молнией лиственницы находим старый тунгусский брод через

трясину... Осторожно проводим проваливающихся по брюхо коней через мох и вязкий ил. На всякий случай в руках у нас длинные шесты... Теперь мы хотим выбраться к реке Чамбэ и по ее знакомому берегу спуститься без хлопот к Подкаменной Тунгуске. Уже в темноте устраиваем привал... Утром выступаем, и скоро перед нами долина Чамбэ. Дальше идем правым берегом Чамбэ, вниз по течению, по чудесной густой траве метровой высоты. Иногда взбираемся на холмы по правому берегу реки и по гребням их, по оленьим тропкам проходим, вероятно, километров тридцать в сутки. И вот наконец-то устье Чамбэ! Теперь можно больше не беспокоиться о дороге. Синяя лента Подкаменной Тунгуски приведет нас к Вановаре.

Дорога на Вановару. Впереди Л.А. Кулик

Поздней ночью добираемся до фактории. Здесь радостно встречает нас Цветков. И целые сутки мы спим... Затем Сизых, Кулаков и я, сменив лошадей, едем на Кежму, к жилым местам...

До Кежмы дошли без особых приключений. Лето было сухое, переправы через болота и речки не очень мучили. В Кежме сплавиться до устья, до поселка Стрелка на Енисее, сговорил нашего Константина Сизых. Он купил шитик, взял с собой младшего сына. Мы благополучно прошли все двадцать порогов и шивер. Пожалуй, самым неприятным оказался первый – Аплинский. Чуть было шитик не зарылся носом в волны – «толкунцы» - после спуска с главного перепада порога. На пристани «Стрелка» сел на пароход до Красноярска, там на московский скорый...

В Ленинграде я прежде всего отправился к академику Владимиру Ивановичу Вернадскому и рассказал ему обо всем, что произошло. Академик обещал переговорить с секретарем Академии Ольденбургом и академиком Ферсманом и убедить их выделить дополнительно денег. Но ни через три дня, ни через неделю академик Вернадский не мог ответить мне определенно, будут ассигнованы дополнительные средства на экспедицию Кулика или не будут. Меня охватило отчаяние. Уже середина сентября. На дорогу в «Страну мертвого леса» нужно самое малое три недели. Что же делать? Как быть? Я снова поехал в Минералогический музей, но академика Вернадского не застал. Пошел в президиум академии, решив попытаться увидеть непременно секретаря. Его тоже не застал. В приемной, услышав мой разговор с секретаршей, ко мне подошел молодой человек и сказал, что он сотрудник вечерней «Красной газеты». Я рассказал ему историю нашего путешествия в поисках Тунгусского метеорита. И на следующий день в ленинградской «Вечерке» появилась статья под хлестким заголовком «Один в тайге»... С этого момента все «закрутилось». Академик Вернадский сам вызвал меня, вежливо поругал «за обращение к прессе» и сообщил, что академия дает мне командировку и немного денег. Только на то, чтобы добраться до Кулика и вывезти его самого, собранные материалы и снаряжение... Во многих газетах написали о нашей экспедиции... Когда я приехал в Новосибирск, там в крайисполкоме была создана даже особая комиссия для организации экспедиции. Иннокентию Михайловичу Суслову поручили организовать все от имени исполкома. К нему прикомандировали сотрудника Красноярского Госторга Воложина, чтобы он помог через отделения Госторга в Кежме снарядить вьючный обоз. В Новосибирске же к Суслову присоединились корреспонденты Смирнов-Сибирский и Дима Попель. Все они должны были доехать поездом до Тайшета и затем нашим путем на лошадях добраться до Ангары и до Кежмы. А мне предложили лететь туда же гидросамолетом из Иркутска вдоль Ангары и в Кежме подготовить отправку всей группы дальше.

Если бы Суслов с товарищами застряли в пути, мне предоставлялось право идти к Вановаре, не дожидаясь их. Но в Иркутске «Доброфлот» мог дать гидросамолет только до Братска. Дальше у них не были разведаны плесы для посадок и не было баз с горючим... Отсюда пришлось сплавиться на лодках... В Кежму я добрался (6 октября) на пятый день. Через два дня пришел на лодке от поселка Дворец Иннокентий Михайлович с товарищами. С помощью заведующего базой Госторга Белова покупаю восемь лошадей, сговариваю двух проводников из охотников-промышленников, упаковываю продукты на месяц-полтора. «Мы готовы выступить хоть завтра, – говорит Иннокентий Михайлович. – Надо спешить». И протягивает мне газету. Читаю заголовок: «Кулику угрожают сбежавшие бандиты». И дальше в заметке тревожное сообщение о нескольких вооруженных лицах, якобы отправившихся грабить Кулика на Подкаменную Тунгуску. В Кежме я

же был наслышан о разных страшных «новостях», среди них были, например, такие: Кулик нашел в далекой «Стране мертвого леса» много золота. Теперь его уже нет в живых. Его съели Сытин и проводники. Были слухи и о сбежавших уголовниках, которые, возможно, и пошли туда с целью ограбить Метеоритную экспедицию... Выступили мы 10 октября. Было морозное, ясное утро. Еще до рассвета заседлали лошадей, проверили багаж. Вологжин дал свисток, поход начался. Наш караван довольно велик. У нас 10 вьючных верховых коней и 4 таежных охотничьих пса из породы лаек. На фактории узнаем кое-какие сведения о «бандитах». Оказывается, источником для слухов является то обстоятельство, что в районе фактории – километрах в ста от нее к западу – появились несколько темных личностей. Они торгуют меха; по всей вероятности, спаивая эвенков водкой. Невольно рождается мысль: а не задумали ли эти самые типы что-нибудь предпринять против экспедиции Кулика? Вполне возможно! Ведь они изучили местность, у них есть запасы продовольствия, им возможно добраться до «Страны мертвого леса». На «военном совете» решаем не задерживаться на фактории и, как только лошади отдохнут, идти дальше. На складе Вановары есть немного овса. Мы забираем его. Часть скармливаем коням сразу, часть грузим во вьюки и, через сутки, в путь по берегу Подкаменной Тунгуски до Чамбэ.

Эвенк Павел Аксенов. Фото Л.А. Кулика

Эвенк Павел Аксенов еще живет около устья Чамбэ. Он соглашается помочь нам распутаться в сложной системе оленьих тропок и довести, обходя самые страшные болота, до гор «Ожерелье Макирты».

И все же лишь на четвертые сутки впереди видим склоны хребтов, ограничивающих «плоскогорье Кулика» – как называли мы плоскогорье центра падения метеорита. Однако в тот же день нам не удастся дойти до него. Пришлось заночевать недалеко от Хушмо, и утром перешли ее вброд.

Отсюда, уже по пробитой летом дороге, почти бежим по хрустящим торфяникам к склону горы Фарингтон, к избушке Кулика.

Рассказы В. Сытина и Н. Струкова дополняет журналист Ал. Смирнов-Сибирский.

Из книги Смирнова-Сибирского

Проводив своих сотрудников, Кулик остался на фактории... В эти дни на фактории был еще один человек – кежемский охотник Китьян, косивший для фактории сено. Вот он-то и согласился сопровождать ученого в «Страну мертвого леса». Кулик очень обрадовался: теперь он свободно мог унести в свою избушку тот груз, который имел в виду. На фактории были кое-какие продукты, и ученый мог бы пополнить свои скудные запасы на Великом Болоте, но, отправляясь туда, решил захватить другое: два листа оконного стекла и маленькую буржуйку - железную печку с трубами.

Собрались. Из съестного захватили лишь то, что необходимо было на обратный путь, а остальной груз распределили так: печку с трубами взвалил на себя Китьян, а стекло, обернув в бумагу, понес сам Кулик. Пронести по тайге полторы сотни километров такую хрупкую штуку, как стекло, задача нелегкая, но ученый надеялся, что с ней справится успешно: он нес свою хрупкую ношу так бережно, как любящая мать не носит своего ребенка. Но тут случилось нечто непредвиденное. Это было на шестой день пути. По времени путешественники уже должны быть на месте, но, думая сократить путь, в некоторых местах шли напрямик. Результатом этого явилось не сокращение пути, а удлинение: переходя одну падь, они потеряли направление и заблудились. Вдобавок Китьян заболел и едва мог передвигать ноги, так что ученому пришлось взвалить на себя также и печку. Груз не столько был тяжел, сколько неудобен для носки, но Кулик тащил его безропотно. Бережно снял он с себя ношу, когда они в этот вечер остановились на ночлег. Печку поставил под дерево, сверху водворил трубу, а рядом прислонил стекло.

С едой было слабо, а потому, пополюскав животы настоем чаги, поскорей завалились спать: во сне не так чувствуется голод. Через три дня рассчитывали добраться до избушки. Ночь была ясная, лунная. Изредка набегал откуда-то ветерок и шелестел в вершинах лиственниц. Среди ночи Кулика разбудил лязг железа. Открыл глаза. Возится кто-то около печки.

Китьян безмятежно спит, похрапывая носом. Костер погас, и только красными рубинами тлеют последние угольки, покрываясь пеплом. Шорох около печки не прекращается. Там кто-то есть.

Осторожно приподнялся. Батюшки мои, медведь блины собирает печь! И тут же является мысль: недурно было бы убить зверя, его мяса хватит надолго. Где винтовка? Затаив дыхание, потянулся к ружью. Вдруг под деревом грохот и звериный рев. Печка летит в одну сторону, зверь, обезумев от страха, в другую. На него свалились сверху железные трубы...

Долго было слышно, как ломил чашу перепугавшийся зверь, а когда все стихло, Кулик поднялся и подошел к месту происшествия. Прощай, мечты о светлом зимовье! Стекла, которые он так бережно нес, разбиты вдребезги.

К вечеру третьего дня добрались до избушки. Печурка водворилась в зимовье и запылала жаром, но стена, где намечалось окно, осталась в неприкосновенности...

Близилась осень... Один за другим потекли дни на Великом Болоте. «Скорей бы приходила зима», - не раз думал Китьян, с тоской глядя на унылый пейзаж мертвого леса. Он знал, что ученый не уйдет до тех пор, пока не обследует воронок-кратеров магнитометром. Уйти одному? Нет, на это Китьян не был способен.

Как-то Кулик сказал:

- Вот что, друг: раздели то, что у нас осталось в лабазе, возьми себе одну часть и отправляйся. Я не имею права морить тебя тут голодом.

Сначала Китьян ничего не ответил. И только когда ученый повторил свое предложение, таежник коротко сказал:

- Пришли вместе и уйдем вместе. Пойдем, когда будет сделано все, что надо...

И больше вопрос об этом не поднимался.

А зима приходит не хотела, словно заблудилась в тундрах севера. Стоял уже октябрь. Ложась спать, ждали, что за ночь мороз скует тину в воронках, и они станут доступны для исследования, но ледяная корочка была так тонка, что не держала даже собаки.

Пользуясь светом топившейся печки, Китьян сел однажды накладывать сотую заплату на свои штаны, а Кулик, приткнувшись рядом, производил математические вычисления. Печурка полыхала жаром. Было слышно, как снаружи глухо и монотонно шумел ветер. Вдруг визгливый звук нарушил тишину. Это снаружи залаяли собаки. «Вот это новость, - поднял голову ученый, - такого случая у нас еще не было»...- «И как лают, - оставил иглу Китьян, - прямо захлебываются!» Схватили ружья и бросились в ночь... Собаки облаяли сохатого - огромного лося с великолепными рогами. Он забрел сюда, по-видимому, случайно, потому что до этого робинзонам ни разу не попадались следы этого зверя. Расправа была коротка. Облаянный собаками, лось оторопел и подпустил в темноте людей на каких-нибудь десять шагов. Кулик свалил его с одного выстрела: «Теперь живем! Его мяса хватит нам на целую зиму...» В эту ночь спать не пришлось. Ученый свеживал и разделявал тушу лося, а Китьян выбирал лакомые кусочки и поджаривал их на печурке. Бодрствовали и собаки, вполне разделяя радость хозяев.

Через несколько дней Китьян отправился на реку, чтобы убрать на время ледостава верши. По реке уже шла шуга. Каждый день можно было ждать снега. До реки было около семи километров, но Китьян вернулся скоро. Не заходя в зимовье, направился к болоту, где ученый возился со своим магнитометром.

Вы ничего не слышали? - задал он вопрос Кулику.

Нет, - ответил тот.

А что? Почему ты так скоро вернулся?

Мы тут не одни. За Хушмо я слышал два выстрела...

Ученый крикнул и переставил магнитометр на другое место.

Что же ты думаешь об этом?

Я думаю, что от зимовья далеко отходить не следует. Да и патроны иметь не мешает...

Пулевых патронов у них действительно было немного, а в их положении они могли оказаться не лишними. В самом деле, кто и зачем мог прийти в «Страну мертвого леса»? Охотникам тут нечего было делать – ни тунгусы, ни русские сюда никогда не ходили.

Китьян с лайками. Фото Л.А. Кулика

Подумав об этом, Кулик вспомнил легенду, которая была сплетена тайгой вокруг его имени. В тайге были убеждены, что, работая над метеоритом, Кулик ищет не камень, упавший с неба, а золото...

Да и не только ищет, а уже и нашел – целые горы... Эту басню ученый слышал и на Ангаре, в Кежме, и на фактории. Слышал также и то, что есть люди, которые не прочь собственными глазами посмотреть на это фантастическое золото. По крайней мере, в одно из зимовий на Подкаменной Тунгуске заходили как-то несколько подозрительных вооруженных людей, которые очень интересовались, как пройти в тайгу, к избушке Кулика...

Пока возились с патронами, настала ночь. Плотная тьма придавила избушку. Спать решили по очереди. Трещали в печурке дрова, уныло стонал ветер за стенами. Время тянулось, словно скованное цепями. Наконец забрезжил хмурый осенний рассвет. Сменившись с дежурства, ученый только что прикорнул на нарах, как вдруг послышался голос Китьяна:

- С горы спускается вооруженный отряд...

Зарядили ружья и вышли из зимовья. Действительно – целый отряд: десять вьючных лошадей. Китьян остался у зимовья, а Кулик пошел навстречу. С горы их заметили, стали понукать лошадей. Вот один из всадников опередил остальных и поскакал под гору. В его фигуре Кулику чудилось что-то знакомое. И вдруг раздался крик: «Кулику привет!» А через минуту два человека тискают друг друга в объятиях. Как это он не узнал его сразу? Это был И.М. Суслов, один из деятельных помощников ученого в его поисках метеорита.

Из записей В. Сытина

Теперь день за днем мы обследуем с помощью магнитометров дно воронок-кратеров. Особенно азартно работает Иннокентий Михайлович. Леонид Алексеевич даже назвал его именем самую большую воронку, по его мнению, наиболее перспективную.

Шесть суток ушло на это. К сожалению, магнитометры не дают показаний о наличии металла в ее глубине... Леонид Алексеевич принимает решение свертывать экспедицию и отправляться в обратный путь. Инструменты, геологические коллекции, снаряжение упаковываются и увязываются во вьюки. 27 октября выступаем. Мороз градусов двадцать. Небо ясно. С холмов открываются далекие перспективы вершин, сверкающих снегом. Тихо, мертво. Нигде никакого движения. Иннокентий Михайлович и я идем вперед. Нам хочется, обогнав караван, задержаться у водопада Чургим и сфотографировать его. Вот и ущелье, ведущее в долину Хушмо с плоскогорья. Водопад должен быть уже близко. Но странно: мы не слышим грохота разбивающейся об уступы скалы в многоцветные брызги воды. Подходим ближе, и перед нами удивительная картина. Морозы сковали живые струи. Красивый водопад замерз, и неподвижные глыбы льда свисают между камней, и здесь все мертво.

У водопада Чургим. 1928 год

Идем дальше, спотыкаясь о кости деревьев. Снег по колено. Холодно. Зябнут руки. Точно раскаленным жезлом водит мороз по лицу. Теперь надо идти быстро, чтобы не замерзнуть, чтобы обогнать зиму!

Наш обоз, несмотря на недельный отдых, имеет далеко не блестящий вид. Лошади похудели, изранены, одна чувствует себя настолько плохо, что на нее пришлось погрузить лишь треть нормального вьюка. По «Стране мертвого леса» идти, пожалуй, еще более трудно, чем в осень. Снег закрыл лежащие скелеты деревьев, и очень трудно выбрать в переплете бревен и сучьев место для каждого шага. Снова идем почти без остановок, захватывая несколько часов ночи, не очень темной благодаря луне. Бурелом наконец кончился. Кругом надвинулась девственная тайга. Как изменила ее зима! Снег налип толстым слоем на стволы и ветви деревьев. Знакомая

оленья тропка иногда вдруг упиралась в сплошную снежную стену. Приходилось лезть через снег... Трое суток идем еще до Подкаменной Тунгуски...

Туманный день. Страшно холодно. Дима Попель идет на метеорологический пункт, который создал недалеко от фактории энтузиаст-краевед Кокоркин. «Вы знаете, сколько градусов мороза было в последние дни?» – говорит он, возвратившись. – От тридцати пяти до сорока».

На фактории надо дать отдых лошадям, иначе они не дойдут до жилых мест. Все мы тоже нуждаемся в отдыхе и тепле.

Выступаем дальше через три дня, тропа на Кежму еще не «промята», еще ни один обоз не прошел по ней. Нам снова приходится идти по пушистому ковру снега толщиной в полметра.

Спасатели. 1928 год

На полпути Леонид Алексеевич начинает чувствовать себя плохо. Жалуется на недомогание также Китя Васильев, а потом Иннокентий Михайлович честно признается, что идти не может. Больным тяжело ехать даже верхом. Тогда Вологжину выделяем наиболее крепких лошадей, и он едет вперед для того, чтобы выслать из Кежмы свежих лошадей с санями. Вологжин меньше чем за сутки проделал 80 километров, нанял в Мозговом подводы и выслал их навстречу нашему медленно двигающемуся обозу. Это подкрепление и дало нам возможность благополучно добраться до Кежмы. Здесь нужно дать всем существенный отдых. Иннокентий Михайлович лежал весь в повязках. У него отморожены нос и ноги. Кроме того, на почве переутомления развивается что-то вроде фурункулеза. Леонид Алексеевич более крепок. Несколько дней полного отдыха, баня и хорошая пища поднимают его на ноги. И снова он полон энергии, снова мечтает о новой экспедиции за Тунгусским метеоритом на будущий год. Через несколько дней после Октябрьских праздников наш обоз первым идет по только что замерзшей могучей реке. Приходится двигаться осторожно. На стрежнях еще много незамерзших мест — полыней. Все же за двое суток наш обоз прошел по Ангаре более ста километров до поселка Дворец. Отсюда начинается хорошо знакомый нам тракт на Тайшет. По нему мы едем уже день и ночь, меняя лошадей в придорожных селениях... Тайшет. Ряды занесенных домиков. Маленький вокзал железнодорожной станции. Пыхтит мотор лесопилки. Изредка посвистывает маневрирующий на путях паровоз. Через час телеграф струит по проводам весть о нашем прибытии. А ночью опять тот же маньчжурский экспресс мчит нас домой. Леонид Алексеевич, Иннокентий Михайлович и Попель сойдут в Красноярске. Леонид Алексеевич должен немного там подлечиться, а Суслов и Попель в Красноярске уже дома».

По возвращении из экспедиции Леонида Алексеевича ожидали сюрпризы. Перед новым годом вышел фильм, который снимал Николай Струков. Одна из фабрик выпустила настольную игру для детей, она называлась: «В тайгу за метеоритом. По следам экспедиции Л.А. Кулика».

В одном из последних номеров журнала «Огонек» за 1928 год был напечатан очерк кинооператора Николая Струкова об экспедиции Леонида Алексеевича Кулика. В нем он писал: «Эта экспедиция советских ученых, будучи не столь шумной, как славные экспедиции «Красина» и «Малыгина», продемонстрировала, однако, перед всем миром не меньшее упорство в достижении научной цели и не меньшую выдержку, чем то упорство и та выдержка, какие были проявлены героями исторического Северного похода».

Эдуард Багрицкий. Фото 1928 года

В это же время поэт Эдуард Багрицкий под впечатлением публикаций написал поэму «Исследователь». Вот два фрагмента из нее:

В неведомых недрах стекла

Исходит жужжаньем пчела.

Все ниже, и ниже, и ниже

-Уже различаешь слова...

Летит, и пылает, и брызжет

Чудовищных звезд напряженье,
И судорога, и дрожь;
Уже нестерпим от гуденья,
От блеска уже нестерпим.
И в сырость таежного лета,
В озера, в лесные бугры
В горящих отлепках комета
Летит – и рыдает навзрыд,
***

Но что пешеходу усталость
(О, черные русла дорог!) -
Россия за лесом осталась,
Развеваясь в ночь и умчалась,
Как дальнего чума дымок.
Бредет он по тропам случайным -
Сквозь ржавых лесов торжество;
Ружье, астролябия, чайник -
Нехитрый инструмент его.
Бредет он по вымершим рекам,
По мертвой и впалой земле.
Каким огненным дровосеком
Здесь начисто вырублен лес,
Какая нога наступила
На ржавчину рваных кустов?
Какая корявая сила
Прошла и разворотила
Слоистое брюхо пластов?

* * *

Таежный сувенир

Более семи десятилетий прошло с того времени, когда дед привез из Эвенкии тяжелые рога сохатого, как память о том вечере на Метеоритной заимке в 1928 году. Совсем мало вещей осталось от тех исторических экспедиций Леонида Алексеевича Кулика.

Война, эвакуация, переезды сказались на сохранности эвенкийских реликвий. Время равнодушно к истории. Но рога сохатого остались. И каждое утро, просыпаясь, я вижу эти рога сохатого. Они лежат на шкафу в спальне. Многие они повидали на своем веку...

* * *

И снова в тайгу

Даже не отдохнув толком, после трудной таежной эпопеи, Л.А. Кулик планирует новую, третью экспедицию на Подкаменную Тунгуску. Уже 2-го января 1929 года Леонид Алексеевич на большом собрании, проходившем в Минералогическом музее под председательством академика В.И. Вернадского, сделал доклад о результатах своих исследований на месте падения Тунгусского

метеорита. При обсуждении выступили многие, присутствовавшие на собрании, поддержали предложение Леонида Алексеевича продолжить работы.

А 5-го января 1929 года на заседании Комиссии экспедиционных исследований Академии Наук СССР академик Ферсман доложил о намечаемой в текущем году Тунгусской экспедиции. В принятом постановлении признавалось желательным продолжение работ на месте падения метеорита 1908 года «с проведением раскопки или бурения одной из воронок, болотоведных и гидрологических наблюдений и исследований физическими методами». Крайне необходимой признавалась намечаемая ОСОАВИАХИМом аэрофотосъемка и определение Обществом по изучению Сибири астрономических пунктов. Часть средств на эту экспедицию отпускалась Академией Наук СССР, а часть, как и прежде, Отделом науки Совнаркома СССР.

Третья экспедиция на Подкаменную Тунгуску оказалась самой продолжительной и самой многочисленной. О ней, к сожалению, не так много сохранилось достоверного материала. В коротких отчетах Л.А. Кулика в «Трудах Ломоносовского института АН СССР» и в журнале «Мироведение» в 1933 году, а также в небольших газетных публикациях излагались в основном поставленные задачи и предварительные итоги экспедиции. Исключение составляет только рассказ Леонида Алексеевича о неудачном полете с известным летчиком Чухновским и очерк участника экспедиции Янковского, написанный им через три десятка лет. Самой ответственной работой в подготовке предстоящей экспедиции Кулик считал формирование надежного отряда. Он прекрасно понимал, что нужны болотоведы, опытные буровики, зоологи, ботаники, химики. Но опытные специалисты не изъявляли желания ехать на край света, в тайгу, где работать пришлось бы в тяжелых условиях, жить впроголодь... Легче в Москве или Ленинграде сидеть в уютных кабинетах, а позднее на совещаниях подвергать сомнениям и критиковать доводы оппонента. Да и денег на такую комплексную экспедицию вряд ли хватило бы в то время у Академии Наук.

Поэтому Кулику приходилось собирать в основном энтузиастов-любителей.

Отряд энтузиастов на привале. Фото 1929 года

И вот отряд, даже не сформированный полностью, выезжает 24 февраля 1929 года из Ленинграда. На этот раз в качестве своего помощника Леонид Алексеевич взял Евгения Леонидовича Крино́ва, которого знал по «Мироведению». В отряд также зачислили бурового мастера Анатолия Вячеславовича Афонского из Богородска, Сергея Федоровича Темникова – инженера-путейца из Ростова-на-Дону, Константина Дмитриевича Янковского – студента-охотоведа из Москвы и Бориса Алексеевича Оптовцева – выпускника одной из ленинградских школ. Уже в дороге к ним присоединились еще два энтузиаста: Борис Николаевич Старовский – штурман дальнего плавания из Архангельска и Лаврентий Васильевич Гридюха – слесарь из Барнаула. Много времени пришлось потерять в Тайшете – ждали прибытия экспедиционного груза и приезда Людмилы Васильевны Шумиловой – болотоведа из Томска. Позднее на Ангаре отряд пополнил Семен Михайлович Карамышев – колхозник из села Кава. Наконец обоз из пятидесяти подвод двинулся в путь по дороге, уже хорошо известной Кулику. И 6-го апреля экспедиция прибыла на Метеоритную заимку. Здесь к этому времени, согласно договоренности с кежминскими организациями уже были построены две избы и лабаз, а на реке Хушмо рядом с банькой – еще одна изба с лабазом.

База экспедиции у горы Стайковича. Фото 1929 года

После непродолжительных подготовительных и хозяйственных работ приступили к первоочередной работе – вскрытию Суловской воронки. Она находилась в 200-х метрах от базы экспедиции и представляла собой круглое болото. Решили спустить из воронки воду, для чего прорыли траншею длиной 38 метров, глубиной до 4-х метров и шириной 1,5 метра. Прорубаться приходилось кирками, заступами, лопатами и даже топорами. Одновременно велись предварительные исследования грунта, брались пробы для дальнейшего изучения, все это постоянно фотографировалось. К 25 мая траншею к воронке прорыли, спустили воду и после осушения воронки стали удалять мох. Но грунт быстро оттаивал и воронка вновь заполнялась

водой, и ее все время приходилось откачивать ручной помпой. С началом же половодья работу эту приостановили.

Чтобы пополнить запасы продовольствия, фуража для лошадей и приобретения кое-каких строительных материалов, воспользовавшись большой водой, часть отряда под руководством Л.А. Кулика отправилась на лодке на факторию Вановару.

Оставшиеся члены экспедиции продолжали расчистку и изучение Сусловской воронки под руководством Л.В. Шумиловой.

Пробыв на фактории несколько дней, отряд отправился в обратный путь: вниз по Подкаменной Тунгуске, а потом вверх по Чамбэ и Хушмо к «Стране мертвого леса» и 27 июня прибыл на базу.

Многие отправились в экспедицию за романтикой в ожидании быстрого успеха и славы. А оказалось, что их ждала тяжелая утомительная работа, требовавшая дисциплины в таежной глуши.

Траншея к Сусловской воронке.

Как позднее напишет Константин Янковский: «Мы с Женей (Кринов) часто мечтали о том, как, прибыв на Метеоритную заимку, Кулик распределит нас по группам с заданием: пройти от заимки радиальными маршрутами всю область поваленного, ломанного и обожженного леса, со взятием всевозможных проб, с самыми детальными записями в полевых дневниках и проведением маршрутно-глазомерной съемки... Но вышло совсем не так, как мы предполагали. Нам было объявлено, что всякие самостоятельные экскурсии по окрестностям заимки не разрешаются, а нарушителям будет немедленно предоставлена возможность выезда из этих мест».

Вскоре, сославшись на значительное утомление от работы, Темников, Гридюха и Карамышев покинули заимку.

14-го июля на место падения прибыл отряд геодезистов во главе с С.Я. Белых. Он был послан Главным геодезическим комитетом для определения астрономических пунктов перед предстоящей аэросъемкой. В помощь им прикомандировывались почти все участники экспедиции. Для определения астрономического пункта наметили вершину горы Фаррингтона, километрах в трех к северу от Южного Болота. К ней расчистили по сухостой и валежнику тропу от базы, на что затратили целую неделю. После этого отряд направился на гору Шакрама, где к концу месяца определили второй астрономический пункт. На фактории Вановаре наметили – третий.

Буровые работы. Лето 1929 года

В конце июля заболел рабочий К.Д. Янковский; несколько дней он находился без сознания, в бреду, при высокой температуре. Необходимо было его срочно эвакуировать в больницу. 31-го июля отряд в составе Кулика, Шумиловой, Старовского и Янковского отправился на лодке по реке Хушмо на факторию Вановару. Больного эвакуировали в Кежму. Остальные отправились изучать естественные торфяники, расположенные недалеко от Вановары и у реки Макирты, чтобы провести сравнительное исследование и более определенно выявить те или иные нарушения, наблюдаемые на месте падения метеорита, в котловине. После завершения этих работ 19 августа отряд из района Вановары вернулся на базу.

Е.Л. Кринов. 1930 г.

Закончив свои работы, Л.В. Шумилова уезжала в Томск. До фактории ее сопровождали Е. Кринов и А. Афонский. После их возвращения отряд приступил к строительству буровой избы и начал бурение скважины №1 в Сусловской воронке. В середине ноября Кринов и Оповцев поехали на факторию с заданием отвезти на санях посылки с научными материалами в Академию Наук, почту, а также обменять шкурки белок, набитых осенью, на продукты. Но поход этот оказался неудачным. Кринов и Оповцев обморозили ноги и еле добрались до Вановары, а потом и до Кежмы. К этому времени все средства экспедиция полностью израсходовала и оказалась в значительном долгу перед местными торговыми организациями. Обо всем этом и сообщил Л.А.

Кулик в Академию Наук, прося дополнительных ассигнований. В январе Академия Наук перевела телеграфом в Кежму деньги на ликвидацию долгов, окончание работ и возвращение экспедиции из тайги. После этого Е. Кринов нанял и послал на заимку из Кежмы 3-х рабочих. С их прибытием буровые работы на Сусловской воронке продолжались. В середине февраля Е. Кринов, выйдя из больницы, нанял пять подвод с двумя возчиками и, закупив продовольствие в Кежме, отправился на базу экспедиции. На фактории Вановара к обозу присоединился эвенок Лючеткан. По прибытии их на заимку Леонид Алексеевич вместе с эвенком осматривали окрестности Южного болота. Кулик, по рассказам эвенка, старался выявить изменения, произошедшие в этом районе после катастрофы 1908 года. К первому марта закончили буровые работы на скважине №1 на северном борту Сусловской воронки. И хотя прошли 25 метров вечной мерзлоты и 6 метров водоносного горизонта, из-за недостатка обсадных труб работы здесь пришлось прекратить и перейти к бурению центральной части воронки.

Афонский и Старовский у буровой избы. Весна 1930 года

На следующий день Е. Кринов, Лючеткан и трое рабочих покинули базу экспедиции. Лючеткан отправился в Вановару, рабочие в Кежму, а Кринов в Ленинград. Оставшиеся Кулик, Афонский, Старовский и вернувшийся после болезни К. Янковский продолжили буровые работы сначала на скважине №2, но после 20 метров проходки внешние воды затопили воронку. И работы переместились на южный берег. Но и здесь проходчиков постигла неудача: в мае во время обогрева скважины для выемки обсадных труб вспыхнул пожар. Буровая изба сгорела дотла, при этом оказался испорченным и буровой инструмент.

24 мая Афонский и Старовский отбыли с базы экспедиции. Теперь в районе падения метеорита остались только двое: Кулик и Янковский, которые продолжали исследование Южного болота.

5-го июня на заимку прибыл эвенок И. И. Донкоуль, командированный сугланом (съемом) эвенков. Позже Кулик составит акт, в котором говорилось: «5-го июня 1930 года Донкоуль прибыл на метеоритную заимку, где пробыл два дня, делая экскурсии с Л.А. Куликом по окрестностям, но от указания «сухой речки» отказался, говоря, что таковой нет, что всякая речка при малой воде в сухое лето может быть сухой».

* * *

Самолет к метеориту

Самолет к метеориту

Еще перед отъездом на Подкаменную Тунгуску Л.А. Кулик договорился с Центральным советом ОСОАВИАХИМа о помощи в аэрофотосъемке летом 1930 года. Встал вопрос и о самолете для этой цели. Все сошлись на том, что нет лучше машины для этого, чем двухмоторная лодка «Дорнье-Валь». На такой прочной и надежной лодке в 1925 году Рауль Амундсен летал к Северному полюсу до 88 параллели, было совершено и несколько перелетов через Атлантику. Эти гидропланы были приобретены нами для морской авиации и работы в Арктике. Один из таких самолетов передали комбинату «Комсеверпуть» для обслуживания Карской экспедиции. С комбинатом была достигнута договоренность об использовании самолета «Комсеверпуть-1» экспедицией Кулика для аэрофотосъемки.

* * *

Первая попытка

Из очерка Л.А. Кулика

«7-го июня ко мне в тайгу, на место работ, прибыл верховой с заводной лошастью и телеграммой ОСОАВИАХИМа с вызовом на Ангару для участия в полете, намеченном на 15 июня – 3 июля.

Леонид Алексеевич Кулик. 1930 год

Гонец одолел дорогу, легко проскочив верхом залитые водой болота и топи лишь потому, что не успела еще оттаять зимняя полуметровая мерзлота. 7-го июня налегке я выехал на Ангару.

Предстояло одолеть 320 километров. День был теплый, но на завтра, то есть 8-го числа, погода резко изменилась. Температура упала до нуля, шел дождик, потом снег, дул резкий ветер. Один конь был хорош; второй - замороженная кляча. В пяти километрах от фактории Вановары мой конь перестал идти, он отказался идти даже тогда, когда я составил ему пешком компанию. Шел снег и таял на армяке (мы были без теплых вещей), коченели руки, и от струек талой воды на спине пулеметом стучали зубы. На Вановаре руки не в состоянии были справиться с раскисшей мягкой обувью. Но все-таки почти сотня километров осталась позади. Конечно, на Вановаре клячу мы бросили и взяли у оседлого приятеля-тунгуса диковатого жеребца. Его изящно поймал арканом кочующий вблизи тунгус, но удержали мы его лишь впятером, да и то обвив аркан вокруг дерева. Покоренный удушливой петлей дикарь оказался под седлом достаточно безобидным, но слишком горячим в глубоких топях. А топи показали себя: к югу от Подкаменной Тунгуски большинство их оказалось уже без мерзлоты: кони вязли, местами уходили совершенно в разлившуюся озерами по бывшим болотам внешнюю воду. Если кони и выбивались на сушу, то лишь потому, что мы были налегке и сами брели впереди, где по колено, а где по грудь в воде. В 180 километрах от Кежмы мой жеребец попал в воде на колоду и вывихнул плечо. Пришлось ехать попеременно на одном коне, ведя второго большей частью на поводу. (К концу пути жеребчик завяз еще раз в корчажнике и раздробил себе плечо). И тем не менее 320 километров мы одолели в 6 дней.

На Ангаре куча новостей. Но в центре внимания – аэрофотосъемка. Организуем самолету встречу. Готовим костры. На мелях ставим лодки. Стелем у пристани полосы белой материи. Учреждаем дежурства: на колокольне, на островах, у костров. Но нет вестей ни о самолете, ни о бензине. Идут собрания, делаются доклады. В вопросы быта и стройки врываются, как девичьи мечты, не связанные непосредственно с ними «мысли вслух»: «А что аэроплан? А как аэроплан?». Зашумела Кежма, как потревоженный улей. По улице хоть не ходи: из каждого переулочка, из каждой избы несется: «Товарищ Кулик, когда аэроплан? Повидать бы хоть перед смертью...»

Летчик Б. Г. Чухновский. Красноярск. 1930 г.

Только 28 июня пришла от Б.Г. Чухновского телеграмма: «Прилетаю 8 тире 10 июля прошу принять хранить направленные вам 14 бочек бензина». Прошло 1 и 3, и 6 июля. Бензина нет. 7 июля новая телеграмма от Чухновского: «Прилетаю Кежемское двенадцатого». Прошло и 12-е июля: нет ни Чухновского, ни бензина.

«Аэроплан, когда аэроплан?» – стонет Кежма. Вьются ласточки на колокольне, потревоженные беготней дозорных. Но вот прибыл наконец и бензин. Уверенность растет, и вместе с ней и нетерпение. 15 июля... 18 июля. Жужжит стальная птица над Кежмой. Набат. Стрельба на островах! Запоздавший костер. Гуд и роение народа на улицах. Беготня потревоженной муравьиной кучи. Черная снующая масса на берегу реки! «Летит! Летит! Летит!»... Вся Кежма выплеснулась на Ангарау, вся без остатка: столетние старухи, калеки, тяжело больные, грудные дети. Бегут соседние поселки.

Наконец и я у самолета. Передо мной Б.Г.-Чухновский, Б.В. Лавров, начальник Комсеверпути. Расспрос. Проверка оснований для полета, а через час-другой и сам взлет. Я сижу в открытом носовом гнезде. При желании мой нос может ненадолго высовываться над прозрачным защитным козырьком, но тотчас прячется назад от ревущего сверху урагана. По темно-зеленой шубе тайги скользят впереди и с боков полосы дождя. Мы их пока обходим. Идем на север. Проплыло назад бурое пятно обгоревшего несколько лет тому назад леса. Вышли в полосу дождя. Захлестало по козырьку. Мотнуло книзу. Рядом со мной на стенке кабинки приборы. Слежу за дрожащими стрелками. До сих пор идем в среднем на высоте 300-350 метров со скоростью около 135 километров в час. Вот так бы всегда летать на Вановару, а не ползать червем по брюху в болоте.

Обошли еще полосу дождя и опять врезались в мутную завесу и опять мотнуло книзу и тяжело закланислся нос. Потом легли на крыло и повернули к югу. Пишу Б.Г. Чухновскому – «в чем дело?» и получаю от него в окошко воздушную открытку: «Дождь идет зарядами. Не можем обходить каждый: после дождя понизу образуется туман».

Через полчаса мы снова над Кежмой. Идем на спуск. Мягко и плавно скользим по воздуху вниз, как на салазках с гор, только нет толчков. И жаль, донельзя жаль покинутого воздушного простора и чарующей картины «лика земли». Мягкий спуск на воду; пристань, тревожные вопросы и очередные слухи, успевшие облететь деревню скорее, чем мы снизились на воду: «Кулик умер от испуга в воздухе и потому вернулись». Нагнал все-таки аэроплан страху кежмарям. Мой собеседник так прямо и сознался мне: «Подох бы я, коли повезли бы меня так!»

Устраиваем собрание: как быть дальше? Я, Рик, Райком просим отложить полет на 2-6 часов следующего дня – утром стоит ясная погода, но персонал самолета не соглашается: дорог каждый час. При обсуждении вопроса относительно аэрофотосъемки присутствующие согласились перенести ее на осень текущего года после окончания Карской экспедиции аэропланом, идущим на зимовку в Иркутск. Телеграфная связь с Игаркой. Пишем акт...

Как горько было обратное возвращение знакомыми топиями на место работ».

Еще во время ожидания самолета Леонид Алексеевич послал 2-х рабочих на заимку в помощь оставшемуся там К. Янковскому и просил ждать его на фактории. И вот, спустя некоторое время, два последних члена экспедиции снова направляются к месту падения метеорита. А дел много. Надо продолжать прерванные метеонаблюдения, завершить сбор гербария, а главное закончить предварительной отбор проб в торфяниках Южного болота.

Наверное, тогда и родились у Л.А. Кулика эти строчки:

На горе побурел и полег иван-чай,

Слышен птиц улетающих клекот.

Солнце в небе появится невзначай

И опять уплывает далеко.

Стала хмурой и серой таежная даль,

Первый снег задержался в овраге.

Не зима и не осень – одна лишь печаль

Безнадежно сквозит в каждом шаге.

Через три десятка лет К. Янковский напишет, что больше двух недель с утра до вечера они вдвоем работали на болоте. «Кулика особенно интересовала Клюквенная воронка на Северных островах. С большой осторожностью ходили мы по болоту, волоча за собой длинные тонкие шесты. В некоторых участках сплавина была настолько тонка, что не выдерживала тяжести человека. День ото дня увеличивалось количество проб, которые брали болотным буром. В пробах, взятых с глубины 5-6 метров, обнаруживались противоестественные, необычные включения. В толще торфа попадались ил, песок и кусочки древесины. Очевидно, только в результате катастрофы могли они попасть сюда».

К.Д. Янковский. 1930 г.

Уже после завершения этой экспедиции Леонид Алексеевич отметит: «Работы на бугристых торфяниках в 1929-1930 гг. показали, что как здесь, так и на Южном болоте имеются следы более высокого уровня воды, а также – несомненные следы перенесения и смыва торфяных масс, сдвиг их, собиранье торфа и глин в складки и перемешивание его местами с верхними слоями подстилающих его глин... Работы (особенно – буровые) не дали исчерпывающего ответа на вопрос о происхождении в северной половине центральной площади бурелома интересующих нас округлых депрессий, упоминающихся иногда в литературе о Тунгусском метеорите, как кратеры. Ни карстовая, ни соляная теория, ни теория пузырей между не смыкающимися нацело зимней и вечной мерзлотами не могут дать нам объяснения происхождению этих образований».

Но Л.А. Кулик не только исследовал радиальный вывал леса и следы ожога, собирал гербарий и брал пробы торфа. Кроме того он старался запечатлеть все самое интересное в районе падения.

* * *

Пегаш

Героями целой серии снимков стали три лайки, увязавшиеся за отрядом с фактории Вановара. Первую звали Загря, вторую – Рыжок, а третью – Пегаш. Две первые собаки ничем не отличались от своих собратьев, а вот Пегаш не только умело облаивал белок и бурндуков, но и лазил за ними по деревьям. На фотографиях сняты эти моменты. Под одним из снимков комментарий Леонида Алексеевича: «Пегаш лезет на дерево за бурндуком. Направо надрывается Загря. В середине Рыжок: захватило дух от пегашкиной удали». При этом надо заметить, что Пегаш лазил по совершенно гладким стволам в районе эпицентра, которые получили названия «телеграфных столбов».

Пегаш на «телеграфном столбе»

И если предположить, что кто-то из родителей Пегаша в то памятное утро 1908 года находился в непосредственной близости от места падения Тунгусского метеорита, то сильный стрессовый фактор мог включить в работу гены, изначально имевшиеся в генотипе, но до поры молчавшие, скрывавшие свой потенциал. А потом, через 20 лет, они, возможно, в полной мере проявились у Пегаша. Может быть, предполагаемый учеными общий предок собак, волков и шакалов не только передвигался по земле, но и легко лазил по деревьям. Ну, хотя бы как бесхвостый лемур индри, хорошо описанный английским писателем-натуралистом Дэвидом Эттенборо. Он рассказывает, что «голова индри, несомненно, похожа на собачью, а сами они напоминают человека, особенно, когда карабкаются по стволу»...

* * *

Возвращение

Но вернемся к главному, что волновало и чем жил в те дни Л.А. Кулик на далекой заимке.

«В середине сентября – опять все тот же путь под перепадающим снежком с места работ на Ангару по раскисшим от осенней распутицы болотам. Аэроплан - недостижимая мечта, прекрасный сон, где ты?»

Первого октября Кулик был в Кежме. Полетели телеграммы в Игарку. Ответа нет. Седьмое октября. Сплошной снежной завесой закрыты горизонты, дует пронизывающая «низовка». Ждать больше невозможно. Пора в обратный путь, пока не сняли паромов на речках и не пошла «шуга». Только в самом конце октября Леонид Алексеевич вернулся в Ленинград... Подводя итоги всей этой эпопее, Кулик писал: «Значение правильно осуществленной аэрофотосъемки, с доведением ее до фотоплана, для разведки изучаемого района и понимания самого явления – исключительно велико. Ничем другим в этом отношении пока аэрофотоплан заменен быть не может.

Позднее прибытие мое из экспедиции (к ноябрю 1930 года), двухмесячная после этого болезнь, недостаток времени, оставшегося для организации санного заезда к месту работ, и исключительность переживаемого исторического момента, когда все средства и силы должны быть брошены на осуществление пятилетки в 3-4 года, исключает возможность организации в 1931 году аэрофотосъемки, а также более или менее крупной экспедиции. Этим, конечно, не снимается с очереди вопрос о том, чтобы довести до конца изучение явления, единственного на протяжении всей человеческой истории».

* * *

Невинно по доносу

В эти годы и в стране да и в судьбах людей героическое и трагическое сплеталось в один клубок. Каждый раз при возвращении из очередной экспедиции или командировки Леонид Алексеевич узнавал массу невеселых новостей. В стране «дела» и «процессы» следовали один за другим. После «Шахтинского дела» и процесса «Промпартии» в прессе все чаще звучит тема «вредительства в науке», а вскоре начинается и дело «Академии Наук». Особенно ощутимо коснулись репрессии историков и философов. Летом 1929 года начинается «чистка госаппарата». В октябре этого же года от обязанностей непрямого секретаря был отстранен Сергей

Федорович Ольденбург. Подал в отставку Александр Евгеньевич Ферсман. Были арестованы товарищи Леонида Алексеевича Кулика по музею Михаил Викентьевич Баярунас и Владимир Ильич Крыжановский. В это же время проходили дела священнослужителей, ленинградских немцев, гвардейских офицеров, «консервных» вредителей, музейных и экскурсионных работников. В ходу были и «золотые дела».

Когда поздней осенью 1930 года Леонид Алексеевич вернулся из экспедиции, то узнал, что «чистка» дошла и до «Мироведения». Еще 27 марта был арестован Даниил Осипович Святский, а позднее и другие члены общества: Сергей Владимирович Муратов, Владимир Алексеевич Казицын, Всеволод Васильевич Шаронов, Нина Михайловна Штауде и Гавриил Адрианович Тихов. Само же «Мироведение» решением административного отдела Ленгубисполкома закрыто. Как выяснилось позднее, поводом для арестов послужил дневник Владимира Алексеевича Казицына, в котором он «подробно описывал события в обществе и отношение к ним, в том числе и содержание бесед за чаепитиями». Дневник этот неизвестным образом попал в руки ОГПУ. Не избежали ареста и некоторые молодые «мироведы». И хотя большинство членов общества вскоре было освобождено, многим из них запретили проживание в Ленинграде и Москве, и судьба разбросала их по городам Урала, Сибири и Средней Азии. Журнал же «Мироведение» перевели в Москву, где он издавался до 1938 года, а потом был слит с журналом «Наука и жизнь».

Слухи об этих событиях доходили и до Тунгусской экспедиции, что и отразилось в переписке. Только изредка письма можно было послать или получить с оказией. Да и в архиве их сохранилось мало. Вот небольшое письмо Кулика в Омск Петру Людовиковичу Драверту:

« 5/11-1930 г.

Метеоритная заимка.

Туруханский край.

Дорогой Петр Людовикович! Я всегда и глубоко был уверен в том, что ваша чуткость как к красоте, так равно и к фальши, лжи и клевете не обманет Вас и Вы поймете сразу, что «труд» двух негодяев, Темникова и Гридюхи (коммунист!), распространяемый ими по лицу всего Союза, являет собой злостно-клеветнический выпад против и меня, и экспедиции, и вообще научного исследования. Не вдаваясь в критику этих произведений, считаю своим долгом сердечно поблагодарить Вас за Ваш не только лояльный, но и весьма доброжелательный шаг. Ввиду того, что фактически представителем Метеоритного отдела являюсь я, а вместо меня, за моим, годовым уже, отсутствием из Ленинграда, в отделе остались лица, малоспособные быстро ответить Вам, – так вот, ввиду всего этого я осмеливаюсь послать отсюда, с Великого Болота, в ответ на запрос Ваш от 25/XI-1929 г. №77 копию ответа (на донос) Канскому окрисполкому Минералогического музея АН СССР за подписью ак. Ферсмана.

Вместе с тем, сообщаю Вам о том, что мною предприняты шаги к тому, чтобы в Ваше распоряжение были высланы документы (акты и прочее), являющиеся ответом на научную статью Темникова, переплетенную ложью, личными выпадами и хулиганскими выходками по вопросам методики работы, а также ответом на гнусно-клеветнический тенденциозный донос коммуниста Гридюхи. Я искренне убежден в том, что Вы ни на минуту не сомневались в лживости этих доносов и в моей неспособности совершить те поступки, которые мне приписываются этими проходимцами.

Искренне уважающий Вас Л.А. Кулик».

А вот выдержки из писем жене: «Я маленько сдал: сижу у окна, глазею на лес и куксюсь, потому что треплет лихорадка, хорошо – не сильная. Работы идут туго. Нет средств и народа, а тех, что налицо, – не хватает для затычки всех дыр»... «Выбили из колеи твои «копии» – наглая ложь от начала до конца у одного и хулиганское вторжение Чумазого в научную область – у другого... Что же касается Темникова, то это – проходимец и негодяй. Я его уволил еще в июне месяце... Контроль за отделом желательно усилить. На каком основании вскрываются письма, адресованные на мое имя?..»

Леониду Алексеевичу вредил его крутой характер. Всех, кто не верил в его дело, мешал работе, - тех не держал! Поэтому были обиженные, завистники. Всех хватало! Не избежал и Кулик доносов. И по сей день хранят архивы эти документы эпохи.

Одни старательно составленные, со знанием дела, другие просто малограмотные каракули. Вот тогда-то и была написана известная нам теперь «Справка» Г.Е. Юдакова, которая неоднократно упоминалась в повествовании. И если не она, мы многого не узнали бы из жизни Леонида Алексеевича.

Осенью 1931 года Кулика приглашают в Ленинградский Коммунистический политико-просветительный институт имени Н.К. Крупской. Здесь на антирелигиозном отделении он читает курс «Мироведения». Лекции читались до весны 1932 года. Дальнейшая преподавательская деятельность Кулика не состоялась, как мне кажется, не только из-за загруженности, сколько из-за его беспартийности.

Заполняя очередной «Личный листок по учету кадров», Л.А. Кулик, отвечая на вопрос: «Проходил ли чистку аппарата (где, когда и результат чистки)?», напишет: «Был в экспедициях на Подкаменной Тунгуске».

Пройдет несколько лет, и Владимир Иванович Вернадский напишет о своем ученике: «Л.А. Кулик возбуждением внимания ко все еще загадочному явлению Тунгусского метеорита сделал, по моему убеждению, большое дело. Необходимо его закончить – уже то, что оно не прошло незамеченным и не затерялось, прежде всего его заслуга.

Сейчас это явление держит внимание ученой среды всего мира. Нельзя не оценивать достаточно проявленную при этом энергию, часто в очень тяжелых материальных и нравственных обстоятельствах. Академия должна поддержать инициативу Л.А. Кулика и выяснить правильно оцененное им как важное, большое природное явление».

* * *

Знания в народ

Леонид Алексеевич, как никто другой, понимал, что метеоритика нуждается в широкой разъяснительной работе. Много делало раньше «Мироведение» с его кружками, обсерваториями, лекциями и экскурсиями. Помогла созданная еще в 1925 году массовая добровольная организация «Союз воинствующих безбожников» (СВБ), которая в те годы активно вела научно-атеистическую пропаганду среди населения. Вскоре Леонид Алексеевич избирается ее Ответственным уполномоченным по Геологической ассоциации. Теперь он выступал не только по собственной инициативе, ему присылали заявки на лекции, предоставляли помещения, даже печатали афиши. На это в Академии Наук денег не было. Школьникам и широкой аудитории обычно читались лекции о Вселенной и ее возникновении, а студентам и в научных учреждениях – о метеоритах. К примеру, в 1931 году в начале марта, находясь на отдыхе в Мацесте, в санатории он прочитал две лекции. Присутствовало каждый раз по 400 человек. В марте – три лекции: в школе, в общесборочном цехе Балтийского завода, в Институте прикладной зоологии фитопатологии и т.д. Иногда Л.А. Кулику удавалось организовывать выезды с лекциями в другие города страны. Так, зимой 1933 года состоялась поездка в Гомельский гарнизон при содействии Центрального Дома Красной Армии. Лекторская группа состояла из трех человек. За несколько дней в частях гарнизона они провели 19 лекций и бесед по литературе, по авиадвигателям и по мирозданию.

1933 год был очень щедрым на падения метеоритов в нашей стране. Сначала в апреле пришло сообщение из Оренбурга о падении метеорита близ поселка Бриент, в первых числах августа – под Сталинградом, в октябре – у села Старое Песьяное Уральской области. Под конец года – в Тарском округе Омской области, а на следующий день выпал метеоритный дождь в Ивановской области.

Конечно, Леонид Алексеевич не мог каждый раз после сообщения о ярком болиде отправляться в командировку. Средствами на это Метеоритный отдел не располагал. Но две поездки к: местам падения он все же совершил.

* * *

Часть 4

У Репеева хутора

Осенью 1933 года в Ленинград, в Минералогический музей Академии Наук пришло сообщение, что вечером 8-го августа недалеко от Сталинграда упал метеорит. Узнав об этом, Кулик сразу же отправляется в командировку. Приехав в Сталинград, он выясняет, что метеорит упал недалеко от поселка Капустин Яр. Ученый связывается со Сталинградским аэроклубом и при его помощи летит к месту падения. Как выяснилось, метеорит упал в степи у хутора Репеев около 10 часов вечера. Падение его сопровождалось ярким болидом. К тому времени это был третий железный метеорит СССР, падения которых наблюдали. Метеорит получил название «Репеев Хутор». Он имел гладкие боковые поверхности и две вершины конуса, что могло произойти в результате резкого изменения его положения при движении с космической скоростью при расколе. Плоская тыловая поверхность отличалась угловатостью и представляла собой поверхность раскола. Очевидно, метеорит «Репеев Хутор» выпал в двух или более частях, из которых была найдена только его передняя половина.

Л.А. Кулик у метеорита «Репеев Хутор» Москва. Выставка метеоритов

В газетах того времени я нашел только небольшую заметку от 12 октября 1933 года. «Поволжская правда» писала:

«Профессор Кулик изучает метеорит.

9 сентября мы писали о падении метеорита в Капустином Яре, Владимирского р-на. С целью изучения на месте этого метеорита и обстоятельства его падения Академия Наук командировала сюда профессора Кулика, известного исследователя-метеоролога. Профессор Кулик находится в Капустином Яре и по возвращении оттуда прочтет в Сталинграде ряд популярно-научных лекций о метеоритах, источниках их возникновения и значении их для целого ряда наук. О времени и месте лекций будет объявлено».

Вернувшись в Сталинград, Кулик дважды продлевал срок пребывания в городе, что связано, очевидно, с новыми и новыми лекциями. Об этом говорят сохранившиеся в архиве квитанции за проживание в «Культобщежитии», которое находилось в то время на углу площади Павших борцов и Октябрьской улицы.

* * *

Капустин Яр

Тогда никто не мог предположить, что пройдет всего 13 лет и в бескрайней заволжской степи у мало кому известного поселка Капустин Яр будет заложен первый советский космодром. А через два года, 10 октября 1948 года, отсюда, с Государственного центрального полигона Капустин Яр стартует первая советская баллистическая ракета «Р-1», созданная под руководством Сергея Павловича Королева. Создателем же двигателя «РД-100» будет Валентин Петрович Глушко – бывший председатель одесского кружка молодых «мироведов».

И очень возможно, что где-то там, на полигоне, рядом с остатками отработанных ступеней ракетноносителей, выводивших ракеты за пределы земного притяжения, лежат еще не найденные куски «космического металла» – части метеорита «Репеев Хутор».

Леонид Алексеевич Кулик на лекции

* * *

История с газетной заметкой

В начале ноября 1933 года Леонида Алексеевича командировуют на Урал и в Восточную Сибирь. Здесь предстояло ему ознакомиться с метеоритами, имевшимися в местных музейных коллекциях, и прочитать лекции. Правда, иногда после лекций Кулика случались небольшие

недоразумения. Так, находясь в декабре в Иркутске, он прочел лекции в Университете и в Горном институте. «Восточно-Сибирская правда» 18 декабря опубликовала заметку об этих лекциях. Автор назвал ее «Лекции академика Л.А. Кулика», а в самой заметке назвал его «заведующим метеоритным отделом Всесоюзной Академии Наук». После этого незамедлительно в ЛИГЕМ на имя В.П. Волгина поступила вырезка из этой газеты и служебная записка от «Комиссии содействия ученым при СНК СССР за подписью «Презент». В записке сказано: «Новый академик и новый отдел АН! Привет! Нельзя ли принять меры против злоупотребления именем академии?» В своем ответе ученому секретарю ЛИГЕМа Леонид Алексеевич писал: «Нигде и никогда я академиком не назывался. В заметке «Вост.-Сиб. правды» это - очередная вольность корреспондента; из последующего видно, что этим эпитетом определяется, по-видимому, место моей работы. В Хибиногорске академиками зовут всех, живущих в академическом доме; до сих пор это обстоятельство никого не шокировало. Метеоритный отдел (не «отделение») существует уже 12 лет, заведу им я. То обстоятельство, что этот отдел находится в недрах Ломоносовского института, как составная часть Минералогического музея, мной в Иркутске указывалось. Но, очевидно, эта деталь показалась корреспонденту газеты излишней тонкостью. Фраза о признании важным продолжение работ по Тунгусскому метеориту на лекции была мною отнесена не к Президиуму, а к специальной Метеоритной комиссии, созданной при Академии Наук под председательством ак. Вернадского в марте 1933 года... Мы не имеем возможности корректировать сообщения корреспондентов газет, а потому ни моральной, ни юридической за подобного рода газетные заметки ответственности нести не можем... Лично я послал протест в «Вост.-Сиб. правду».

* * *

Приезжайте к нам снова!

Вернувшись из поездки в Сибирь, Л.А. Кулик узнает, что вечером 26 декабря над Ивановской областью наблюдался яркий болид. Ранний вечерний час (6 часов) и хорошая видимость позволили многим жителям наблюдать это красочное явление. В январе для опроса населения об этом явлении выехал Леонид Алексеевич. Он проехал по маршруту Ростов – Александров – Юрьев-Польский — Иваново. Большое количество показаний позволило Кулику, применив минутный теодолит, определить видимую часть траектории, а также область задержки, которая пришлась на западную часть Юрьева-Польского района. Отмеченный наблюдателями большой размер болида (до двух видимых поперечников луны) позволил ученому предположить, что в атмосферу вошел не один, а целый рой метеоритов. Дальнейшие уточнения полета болида помогли установить место предполагаемого падения метеоритного дождя – поселок Первомайский. Здесь Леонид Алексеевич узнал, что крупный камень, более 10 килограммов, обнаружен вскоре после падения в полукилометре от поселка П.Ф. Егоровой, отбившей от него несколько кусков. А вот со второй находкой случилась целая история... Упал этот метеорит рядом с дорогой, по которой в то время проезжал колхозник. Ослепительный свет, громовые удары и падение с воем и жужжанием камня, осыпавшего снегом сани, возчика так напугали, что он карьером промчался домой, через два дня оставил колхоз и уехал с семьей в город Иваново. Но на этом история не закончилась... Через два дня после падения метеорит обнаружил в поле охотник П.Н. Тюленев и его товарищи. Они приняли его выдающийся из-под снега матово-черный угол за мордочку хорька и выстрелили по нему дробью с дистанции 15 шагов. Убедившись в своей ошибке, они бросили его на месте находки во избежание насмешек. После безуспешных поисков в феврале 1934 года ученый лично все же нашел этот метеорит в поле в конце снеготаяния; действительно, он нес на себе следы дробинки...

В марте 1934 года, когда снег начал уже таять, Леонид Алексеевич вторично приезжает к месту падения метеоритного дождя. На этот раз с помощью школьников и колхозников производит «прочесывание» окрестных полей. Всего они собрали 95 индивидуальных экземпляров, а общий вес найденных у Первомайского поселка метеоритов составил почти 50 килограммов.

Первые 66 экземпляров метеоритного дождя

Метеоритный дождь, как определил Кулик, обладал небольшой начальной скоростью влета в земную атмосферу, движение его было близко к отвесному, что привело к малой рассеянности дождя. Все выпавшие камни распределялись по площади в строго закономерном порядке: сначала мелкие экземпляры, обсыпавшие село Иналово, затем все более крупные, перелетевшие в направлении за Первомайский поселок.

Сообщение о сборе французами метеоритной пыли на обсерватории в Донвиле после дождя падающих звезд 9 октября 1933 года натолкнуло Леонида Алексеевича на мысль проделать то же и в Первомайском поселке. Магнитную часть пыли собирали уже в марте. Вдали от поселка сгребали снег, его растапливали и магнитом из осадка выделяли железные частички включений метеорита. В этой работе деятельное участие принимали школьники поселка.

В архиве Л.А. Кулика хранятся трогательные коллективные письма школьников из Первомайского, которые помогали ему в сборе метеоритов. Все они начинаются словами: «Здравствуй, друг детей Леонид Алексеевич!». В этих незатейливых посланиях поздравления, приглашения приехать к ним еще, рисунки на память, рассказы о делах поселковых. Вот фрагмент одного из них: «Дела у нас в колхозе очень слабы. Зернопоставки выполнили полностью. Но а картофель под угрозой снега. Причины от ненастной погоды, а второе – мало рабочей силы. Хотя выкопали на семена и сдали государству. Озимых культур не хватило (ржи и пшеницы) – выполнили план гречей...» В конце писем стоят подписи ребят.

Школьницы, помогавшие Л.А. Кулику в сборе метеоритного дождя

Вот фамилии тех, которые сохранили нам письма из далекого 1935 года: Виктор Егорович Круглов, Анна Васильевна Канаева, Надежда Алексеевна Автономова, Виктор Михайлович Кузин, Антонида Петровна Егорова. Известна фотография, где Леонид Алексеевич запечатлен с четырьмя школьницами из Первомайского. Что стало с этими ребятами? Как прожили жизнь? Ведь за это время столько воды утекло в речке Симе, что за околицей поселка, сколько бурь пронеслось над страной да и над всей планетой!

* * *

Вокруг майского болида

Каждый год в нашей стране наблюдается несколько ярких болидов, а иногда и десятки. Майский болид 1934 года был давно забыт, если бы не одно обстоятельство – его наблюдал Константин Эдуардович Циолковский. Ученого так поразило увиденное, что он через газету «Известия» обратился ко всем, кто наблюдал это явление, с просьбой сообщить подробности своих наблюдений. «Открытки и конверты, рисунки, схематически изображающие падение болида, письма учителей и школьников, врачей, рабочих, служащих потоком хлынули в Калугу. В архиве Академии Наук сохранилось 238 такого рода писем. Почти все они испещрены пометками Циолковского». – Так пишет об этом один из биографов Циолковского Михаил Арлазоров. И далее: «Я лишен возможности сообщить читателю мнение Циолковского о тунгусской катастрофе – пока не удалось обнаружить каких-либо свидетельств отношения ученого к великой тайне XX столетия. Но, сопоставляя факты, приходишь к неожиданным выводам. С одной стороны, в бумагах Циолковского ни строчки о тунгусском взрыве; с другой – весь ход высказанных им мыслей должен был бы сделать Константина Эдуардовича поборником гипотезы о межпланетном корабле неведомой цивилизации». И еще: «Как же мы можем проходить равнодушно мимо тайн... А молчание Циолковского по поводу взрыва в тунгусской тайге как раз и принадлежит к такого рода загадкам. Разгадать его – наш долг, наша обязанность».

И по сей день многим писателям не дает покоя мысль, как бы связать идеи Циолковского об освоении Космоса с тунгусским феноменом, но из этого ничего не выходит. А общим у Циолковского и Кулика была увлеченность своей работой, членство в Русском Обществе любителей Миропведения и то, что в наше время их именами названы кратеры на обратной стороне Луны.

* * *

Переезд в Москву

В 1934 году по решению Советского правительства начался переезд основных научных учреждений Академии Наук из Ленинграда в Москву. Президент Академии Наук А.П. Карпинский писал в газете «Правда» по этому поводу: «Академия Наук переводится туда, где находится само правительство. Это логически правильно, последовательно и вытекает из самого существа Советской власти, относящейся к науке, как к своему непосредственному помощнику и сотруднику в строительстве новой жизни... Я не сомневаюсь, что новая, московская страница в истории Академии, которую мы сегодня открываем, будет блестящей страницей».

В числе многочисленных академических учреждений переезжал в Москву и Минералогический музей. Младшая дочь Леонида Алексеевича вспоминает: «Сроки отъезда в Москву были неизвестны. Упаковывали все. Под метеориты были сделаны большие крепкие ящики из толстых досок с ручками. Помощников у отца практически нет, он все делает сам. Он берет меня с собой на работу, и я помогаю ему паковать. В основном он доверяет мне деятельность в рамках «принеси то... – отнеси это...» Но, наконец, мне выпало «настоящее» дело. По заготовленным трафаретам черной краской я подписываю ящики».

Но вот музейные коллекции отправлены. В конце сентября перебрался и Леонид Алексеевич с женой и младшей дочерью.

Предоставление жилья затягивалось, и всем троим пришлось ютиться в институте. Вспоминая это время, Ирина Леонидовна рассказывает: «Первое время жили в институте в кабинете отца. Справа и слева от двери за шкафами стояли две раскладушки, на которых спали я и мама, а отец укладывался на стол, когда все уgomонялись. Так мы прожили месяца два. В конце ноября или в начале декабря мы переехали в нашу квартиру у Ржевского (ныне Рижского) вокзала».

Л.А. Кулик среди участников метеоритной «конференции». Москва. 1934 г.

Ко времени переезда в Москву было приурочено и преобразование Метеоритного отдела Минералогического музея в Комиссию по метеоритам при Отделении математических и естественных наук Академии Наук СССР. Председателем Комиссии становится А.Е. Ферсман, заместителем В.И. Вернадский, а ученым секретарем избирается Л. А. Кулик. Но, как и прежде, вся практическая работа лежала на плечах ученого секретаря. Пришлось срочно приводить в порядок перевезенную коллекцию метеоритов, составить каталог метеоритов как своих, так и находящихся в других городах Советского Союза. Требовалось в ближайшее время наладить на новом месте изучение состава метеоритов. Кроме чисто научных проблем на Леониде Алексеевиче лежали и все хозяйственные вопросы. В это же время в стенах Ломоносовского института Академии Наук Л.А. Кулик организовал выставку метеоритов. На нее пригласили ученых из разных городов страны, занимающихся проблемами метеоритики.

Почетная грамота Л.А. Кулика

В конце 1934 года дирекция и общественные организации Ломоносовского Института АН СССР наградили Леонида Алексеевича Кулика за организацию выставки метеоритов, активное участие в общественной жизни Института и выступления перед рабочими аудиториями с научно-популярными лекциями «Почетной грамотой» ударника 2-й пятилетки. Леонид Алексеевич бережно хранил эту грамоту. Кстати, единственную награду за долгие годы службы в Академии Наук.

* * *

«Жигайловка»

Книга Д.О. Святского «Астрономические явления в русских летописях», которая была издана «Мироведением» всего в 300 экземплярах, подсказала Кулику написать ряд монографий об исторических метеоритах, найденных на территории нашей страны до 1848 года. На протяжении нескольких лет он тщательно изучал архивы и коллекции других музеев страны. Сопоставляя собранные материалы с академической коллекцией, привел в порядок состав самой старой, драгоценной части академического собрания метеоритов.

Первоначально ученый предполагал написать 10-15 очерков и выпустить в виде отдельных монографий под общим заголовком: «Метеориты СССР». Первый выпуск он планировал посвятить «Палласову Железу» и назвать его «Палласит Медведева». Но работа над первой монографией задержалась и к печати была подготовлена вторая, которая называлась «Каменный метеорит «Жигайловка», упавший 1-го октября 1787 года у слободы Жигайловка Ахтырского уезда Харьковской губернии (ныне Сумской обл.).

Леонид Алексеевич Кулик. Москва. 1935 год

В предисловии к монографии Кулик писал: «Целью настоящей работы является расшифровка путаницы в метеоритах конца восемнадцатого и начала девятнадцатого века, упавших на территории бывшей Российской империи. Эта путаница началась в основном их собрании – Минералогическом музее Академии Наук выпуском в 1848 году списка метеоритов заведующим этим музеем Блёде. В силу того, что эти метеориты раздавались и в другие коллекции, и за границу, эта путаница распространилась повсеместно. Она обусловила практическое аннулирование некоторых «русских» метеоритов, обесценивала и дискредитировала лучшую в СССР коллекцию, одну из крупнейших в музеях, имеющих мировое значение... Другой задачей, которую преследовал автор, было дать историческим метеоритам академической коллекции, возможно, более точное описание и, наконец, вообще выявить ошибки и неточности, накопившиеся в отношении «русских» метеоритов в мировой литературе».

В своей работе «Каменный метеорит «Жигайловка» Леонид Алексеевич подробно изложил исторические данные о метеорите, дате и месте падения, местах хранения, количестве и весе выпавших экземпляров, рассказал о химическом и петрографическом составе его и сложении.

Редактором монографии был Владимир Иванович Вернадский. В своем небольшом вступлении «От редактора», которое он писал летом 1935 года, находясь в санатории «Узкое», он отмечал: «Собрание метеоритов АН никогда не было научно описано. Все старые метеориты (кроме «Палласова Железа»), примерно до 1848 года, являются по существу неизвестными, так как образцы были перепутаны... В течение нескольких лет тщательной работы Л.А. Кулик в общем смог восстановить, на основании тщательного изучения архивов и сравнения с материалом других музеев и изучения академического собрания, состав этой самой старой драгоценной части академического собрания». Но, к большому сожалению, «Жигайловка» оказалась первой и... последней монографией из задуманной им серии. Годы после переезда Академии Наук в Москву были временем многочисленных командировок, экспедиций, неотложных дел и не дали возможности Леониду Алексеевичу продолжить эту большую работу.

Л.А. Кулик в «лаборатории» Комиссии по метеоритам

* * *

Из Омска в Боровое

Летом 1936 года многие астрономические организации выезжали в экспедиции в полосу полного солнечного затмения, которая проходила через юг Оренбургской области, Красноярск и Хабаровск. Кулик присоединился к одной из них, которая обосновалась в Оренбургской области у деревни Сагарчин. Но уже через два дня после затмения, вечером 22-го июня, Леонид Алексеевич выступал с докладом в Омском областном музее на заседании метеоритной комиссии. Доклад его назывался: «Поиски метеоритов в США и в СССР». А в самые ближайшие дни он предполагал организовать необычную авиаэкспедицию в Северный Казахстан, где Леонид Алексеевич решил продолжить разработку и освоение метода воздушной разведки площадей падения метеоритов, начатую им еще в 1933 году у Капустина Яра. Для предстоящей работы намечались окрестности деревни Дорофеевки Карагандинской области Казахстана. Здесь в 1910 году был найден железный метеорит весом около 30 килограммов. Позднее он попал в Омск, а в 1921 году вывезен Куликом в Петроград, в Минералогический музей Академии Наук.

Организация экспедиции началась почти одновременно в Омске и Петропавловске. Начальник Омского областного аэроклуба А.Г. Измаденков любезно пошел навстречу, предоставив

прекрасный самолет и выделив лучшего своего летчика – начальника летной части А.Н. Саваткова. В это же время Карагандинский обком ВКП(б) и облисполком в Петропавловске со своей стороны обеспечили содействие экспедиции в Щучинском районе. Автобензин и багаж заранее доставили на автомашине в Щучье. В эту авиаэкспедицию Л.А. Кулик отправлялся не один, а с давним другом и коллегой П.Л. Дравертом.

Дождавшись хорошей погоды, они 9-го июля вылетели на самолете «АИР-6» с Омского аэродрома, держа курс на юго-запад по направлению к железнодорожной станции Курорт-Боровое.

Вскоре ровные степные пространства остались позади. Земная поверхность начала холмиться, а потом во всей красе предстал перед ними гранитный хребет Кокше-Тау, ощетинившийся своими хвойными лесами, окаймленный голубыми озерами. Сквозь зелень деревьев виднелись постройки широко раскинувшегося курорта Боровое.

Из сохранившихся публикаций известно, что в день прилета и весь следующий экспедиция совершала полеты над окрестностями Дорофеевки, в 18 километрах от Щучьего. С 11-го до 16-го числа шла наземная расшифровка, соединенная с геологической разведкой, усмотренных с самолета углублений. Экспедиция установила оптимальные для своих целей высоту разведки, скорость полета, характер трассирования и порядок увязки воздушной разведки с наземным отождествлением замеченных точек.

Но место находки метеорита за истекшие 26 лет оказалось настолько распахано, что совершенно не отличалось от остальной пашни. Отсутствие свидетелей падения метеорита близ деревни Дорофеевки теперь исключало эту площадь из числа надежных для находок мест.

Леонид Алексеевич впервые был в Боровом, а вот Драверт здесь в Государственном заповеднике несколько лет проработал научным сотрудником, писал стихи об этом удивительном крае. От этой совместной экспедиции сохранилась в нашей семье небольшая книжечка стихов Сакена Сейфулина. На первой странице надпись: «От папки Лени из Казахстана в 1936 г. (поездка с Дравертом)». Между пожелтевших от времени страниц – цветы тех далеких лет: анемоны и дикий пион. Неумолимое время изменило их форму и цвет, уничтожило запах. Но осталось все это жить в строчках стихов Сейфулина о стране степей и лесов, прозрачных озерах, о горе Синюхе.

«Любят ветры степные ее навещать,
Любят теплые зори ее обнимать,
Караваны лучистых степных облаков
Вечерами слетаются к ней ночевать...
Как прозрачный янтарь в драгоценном касэ –
Спят озера долин в первозданной красе,
Ароматами трав воздух там напоен –
Подышав, навсегда будешь им опьянен...»

Кто бы мог тогда подумать, что всего через пять лет сюда, в Боровое, в первые месяцы войны будут эвакуированы из Москвы и Ленинграда старейшие академики с семьями, в том числе и Владимир Иванович Вернадский. Привезут в Боровое и детей из академического подмосковного пионерлагеря «Поречье», среди которых окажусь и я, внук Леонида Алексеевича. Пребывание здесь до осени 1943 года оставило неизгладимое впечатление на многие годы жизни. Полюбился тогда этот край и Вернадскому. Вот как описал он его в письме своей ученице Ольге Михайловне Шубниковой: «Это маленькие Ильменские горы. Гранитная степь, покрытая озерами и лесами (сосна – береза – особый вид). Весна суровая, осень и зима были прекрасные... Во многом – места удивительные».

Но вернемся в год 1936-й. Кроме успехов приходилось испытать и неудачи. Еще в 1934 году в журнале «Природа» была напечатана заметка П.Л. Драверта из Омска. В ней говорилось, что «25 декабря 1933 года, около 4 часов утра по местному времени, близ села Васис, Тарского района,

при характерных явлениях, сопровождающих вторжение космических тел в земную атмосферу, имело место падение метеорита. Метеорит упал в небольшое озеро около хутора Киксинского (Кикси), находящегося в 3-х км к югу от села Васис, проломил лед толщиной в 40 см и затонул. Метеорит упал всего в 4-х метрах от берега озера. Из пробоины до вечера шел пар «с запахом серы», и сама вода имела серный вкус.

Теперь же на место падения приехал Леонид Алексеевич. С помощью жителей хутора он организовал поиски метеорита. Вырыли траншею для спуска воды из озера. Местные умельцы соорудили деревянный черпак, которым стали вычерпывать ил, надеясь таким образом извлечь метеорит. Последним этапом в поисках было обследование дна самой глубокой части озера двумя отважными парнями, за которыми наблюдали все жители хутора. Но неудачей завершились поиски метеорита, который мог бы носить имя «Васис» или «Кикси». Позднее Драверт об этом писал: «Омской области не везет с метеоритами – одни предпочитают падать в глухих, пустынных местах, избегая очевидцев, другие, как бы издеваясь над свидетелями, падают в воду... По-видимому, метеориты страдают гидрофилией, если им мало морей и океанов».

После Омской области по пути в Челябинск Л.А. Кулик решает остановиться в Кургане. Здесь в октябре 1933 года выпал каменный дождь. Камни падали на северную часть села Старое Песьяное и на усыхающее озеро Маньяс. Местные жители их тут же подобрали. Ломоносовский институт Академии Наук СССР не имел в то время возможности послать сюда сотрудника в командировку и поручил своему Уральскому филиалу обследовать место падения метеоритов. Это сделала в том же году инструктор Лебяжского РОНО Зоя Петровна Герасимова. Еще в ноябре 1933 года Кулик проездом через Курган собрал дополнительные сведения по обстановке полета и от ученика В.Н. Сафронова из села Старое Песьяное получил осколок этого метеорита. Переговоры с Курганским бюро краеведения о передаче Академии Наук имевшегося там образца не дали никаких результатов.

Теперь, спустя три года, Кулик снова в Кургане. В Старом Песьяное, обратившись за помощью к председателю местного сельсовета и жителям, он организует сбор метеоритов. Вскоре у населения собрали 12 экземпляров этого метеорита. Еще два экземпляра нашли ребята под руководством и при участии Кулика между избами. Теперь коллекция Академии Наук стала обладателем нескольких метеоритов общим весом более 3-х кг.

Поездка же в Челябинск оказалась не так удачна, как в Курган. Обещанные полеты не состоялись. Приходилось довольствоваться тем, что удалось привезти из Курганской области.

Владимир Иванович Вернадский дал высокую оценку своему сотруднику. Он писал: «Блестящие изыскания Л.А. Кулика последних падений метеоритов в нашей стране 1932-1934 г. доставили в Академию и сохранили для науки такой материал, который выделяется, как самое крупное событие мировой работы этих лет. Материал не только сохранен и собран, но факты научно, точно установлены».

Вскоре Леонид Алексеевич из Челябинска возвращается в Москву, где кроме массы дел в Ломоносовском институте его ждали и дела семейные. В конце года, вслед за приездом из Ленинграда няни с внуком, вернулась в Москву и старшая дочь Елена.

* * *

Плохая примета

Семь лет прошло с последней экспедиции Л.А. Кулика на Подкаменную Тунгуску, когда на гидроплане вместе с Борисом Чухновским он совершил первую попытку облета места падения Тунгусского метеорита.

Шел двадцатый год Советской власти. Газеты и радио сообщали о победах, от которых захватывало дух. В московских дворах мальчишки и девчонки играли не в казаков-разбойников, а в Чкалова. А в кинотеатре «Перекоп» перед фильмом «Тринадцать», или «Ущелье аламасов», мы с восхищением смотрели хронику наших побед.

Все эти годы Леонид Алексеевич не терял надежды на проведение аэросъемки. И вот, наконец, 14 марта 1937 года Президиум Академии Наук СССР после доклада В.И. Вернадского вынес решение просить об этом Главное управление Северного морского пути. Благодаря большому интересу к Тунгусскому метеориту академика О.Ю. Шмидта, который возглавлял Главное управление Северного морского пути, ее включили в план работ Управления на 1937 год. Владимир Иванович Вернадский по этому поводу писал Отту Юльевичу: «Я горячо благодарю Вас за помощь, которую Вы оказали, помогли пробить рутину и громоздкость организации Академии: аэросъемка местонахождения Тунгусского метеорита в пути, и, надеюсь, это важное научное дело – и обязанность нашей страны – будет доведено до конца благодаря, главным образом, прежде всего Вам. Радуюсь и горячо благодарю Вас».

В начале мая АН командировала Л.А. Кулика к месту предстоящей аэросъемки. Я хорошо помню тот ясный майский день в Москве, когда мы с бабушкой провожали деда в командировку. На вокзал мы приехали задолго до отхода поезда. На перроне малочисленные провожающие. Носильщики на тележках привезли вещи из камеры хранения (было их мест восемь) и помогли затащить в вагон. Дед стал расплачиваться с ними, и тут выяснилось, что, торопясь на вокзал, дома забыли полевую сумку. А в ней и паспорт, и командировка, и деньги. От Комсомольской площади до Ржевского вокзала не так далеко, да и до отправления поезда есть еще время. И бабушка бросается на привокзальную площадь к такси. А мы с дедом остаемся ждать у вагона. Быстро летят минуты. Бабушки все нет. Дед нервничает, и это передается мне, тем более, что я не все понимаю в происходящем. Но вот время истекает. На перроне рядом с нами стоят мужчина с женщиной: кого-то провожают. Дед просит их присмотреть за мной. Они не сразу понимают, чего от них хотят. Но объяснять некогда. Голос в репродукторе объявляет об отходе поезда. Я в рев. Дед кидается в вагон. Поезд трогается. Из вагона на перрон летят чемоданы, вычужные мешки и другие вещи. Уже в самом конце платформы прыгивает и сам дед, а поезд, набирая скорость, показывает провожающим свой последний вагон. И в это время с другой стороны платформы появляется спешащая к нам бабушка с полевой сумкой в руках. Отъезд состоялся на следующий день, но меня при этом уже не было.

Когда Леонид Алексеевич приехал в Красноярск, на Енисее бушевало наводнение. Газета «Красноярский рабочий» ежедневно печатала сообщения о трагических событиях тех дней. Особенно сильным было наводнение на Севере. Поступали сообщения о том, что в деревнях Каргиной, Абалаковой и Стрелке гибнет скот, люди спасаются на крышах домов. Сообщалось, что ночью 15 мая с лесозавода Севполярлеса унесло 10 тысяч кубометров леса и 160 кубометров пиломатериала. Колоссальные размеры наводнение приняло в Енисейске. Уровень воды здесь поднялся до 15 метров. Ряд улиц затоплен, ледоходом разрушены линии телефонной и телеграфной связи. Сильным течением сорвало мосты через речки, впадающие в Енисей.

* * *

Авария

Только в июле, когда наводнение уже стихло, в Красноярск наконец-то прилетел гидросамолет Главсевморпути, оборудованный аэрофотосъемочной аппаратурой. К 1937 году самолеты эти как военные уже устарели, их стали передавать в Аэрофлот и в Главсевморпуть, и они широко применялись на сибирских аэролиниях и в Арктике.

Сборы были недолги... Вылет назначили на 12 июля – день, знаменательный для нашей авиации. Газеты всего мира печатали репортажи о пребывании чкаловского экипажа в Америке, а с подмосковного аэродрома стартовал через Северный полюс в Америку экипаж Михаила Громова. И мало кто знал, что в этот же день, у таежной эвенкийской Вановары при посадке на Подкаменную Тунгуску потерпел аварию гидроплан Н-31. К счастью, экипаж и пассажиры: Л.А. Кулик и аэросъемщик СВ. Петров остались живы. Но аэросъемка оказалась сорванной.

Жители Вановары вызвались помочь экипажу самолета. С большими трудностями разбитую машину подтащили к берегу, пришвартовали к сбитому из бревен причалу, и здесь уже стали снимать оборудование, разбирать уцелевшие части самолета.

Разбитый гидроплан Н-31 у фактории Вановара. Июль 1937 г.

Больше всех переживал аварию Леонид Алексеевич. Ведь теперь, даже если пришлют другой самолет, придется ждать осени, когда начнет облетать листва. Значит снова и снова ждать.

Чтобы не терять времени, ученый отправляется в район падения, где в это время работал топографический отряд Главсевморпути под руководством И.Е. Бурченкова. Вскоре он возвращается в Вановару, где ожидает прилета самолета для осенней аэросъемки. Однако из-за неблагоприятной погоды работу отложили на весну 1938 года.

Спустя много лет я встречался с известным полярным летчиком, бывшим начальником Полярной авиации М.И. Шевелевым. Показал ему фотографии разбитого Н-31, спросил, не помнит ли он, кто летал на этой машине, и знал ли он тогда об этой аварии. Марк Иванович ответил, что, конечно, не помнит. «В то время все мы готовили к полету экипаж Сигизмунда Леваневского. Ведь ровно через месяц, в этот же день, 12 августа его Н-209 стартовал из Москвы через Северный полюс к Аляске». Известно, что после потери связи с ним многие месяцы велись поиски экипажа. Были срочно отозваны из отпусков экипажи Михаила Водопьянова, Василия Молокова и Анатолия Алексеева. Руководил поисками сам М.И. Шевелев. В первых числах октября на смену им на Север вылетел отряд во главе с Борисом Чухновским. В поисках самолета Леваневского принимали участие американские и канадские летчики, видные полярные исследователи. Поиски безрезультатно продолжались почти год.

Но вернемся к злополучному 1937 году. С невеселыми мыслями возвращался Кулик в Москву: состоится ли аэросъемка в следующем году? Немного отошел он в Омске, где его встретил Петр Людовигович Драверт и передал для Метеоритного отдела почти двухкилограммовый метеорит «Ерофеевка».

Из Москвы Леонид Алексеевич отправляется на юг. Здесь, в Хосте, в санатории «Научный работник», он пробудет до середины января 1938 года. Но и на отдыхе он весь в работе: выступает с лекциями, пишет заметки в местную газету. А вернувшись в Москву, снова с головой ушел в круговорот проблем Метеоритной комиссии. И снова командировки. Где-то предстояло ознакомиться с коллекцией метеоритов, в другом месте – проверить факты их падений, а то и просто прочесть лекцию. Стучали колеса на стыках рельсов. Раскачивался вагон. За окнами то золотились и краснели осенние леса, то чиркал по окнам дождик, то белели поля и чернели деревни. В это время чаще всего и писались домой открытки. Вроде этой, отправленной в феврале, по дороге в Одессу... «Проехали Котовск. Украина и Молдавия – в снегу: к урожаю! Вагона-ресторана в поезде 71 нет, так что булка с маслом и сыр пригодились до Одессы. В Бахмаче спроворил на станции тарелку борща. Потом была станция «Борщ», но еды на ней никакой. Через 3,5 часа – Одесса. Подрабатываю свою статью и рассчитываю выслать ее для переписки из Одессы. Нужно, чтобы Е.М. переписала ее немедленно. Привет Л.». И хотя Кулик не писал в своих письмах и открытках из Одессы о папанинской четверке, но все его помыслы в то время были там, за полярным кругом. Ведь успех этой полярной экспедиции – это успех и О.Ю. Шмидта. А от него в первую очередь зависела судьба аэросъемки места падения Тунгусского метеорита.

* * *

Аэросъемка

Май 1938 года. Еще не стих в печати и по радио шум вокруг папанинской эпопеи. Еще не покинули своего ледового плена два десятка судов в Арктике. А Л.А. Кулик снова командировается Академией Наук СССР для научного руководства аэросъемкой. И вот уже 43-й поезд Москва – Владивосток все дальше увозит ученого на восток. Прошли первые сутки. Позади остались Ярославль, Буй, Галич. Написана первая открытка домой. «Милая Лидочка! Выспался за все дни. Добрались уже до Шарьи. Здесь начал уже разворачиваться зеленый листок на березах и осинах. Хочется ехать быстрее». Теперь на многие недели все заботы Леонида Алексеевича будут связаны с этими зелененькими листочками, которые, как назло, все быстрее и быстрее распускаются под весенними лучами солнца...

Гидросамолет Н-204 на Подкаменной Тунгуске у фактории Вановара

Первого июня Леонид Алексеевич прибыл в село Кежму и здесь ожидал аэросъемочную партию. Но самолет, как и в прошлом году, запоздал. И только 25-го июня был сделан первый пробный полет... А через два дня группа приступила уже к аэрофотосъемке, когда молодой лист на деревьях уже развернулся. Съемка продолжалась в течение всего июля. Судя по сохранившимся фотографиям Кулика, она велась с гидроплана «СССР-Н-204». Аэросъемку выполнял С.В. Петров. К сожалению, мне пока так и не удалось установить экипаж этой летающей лодки. Сохранилось письмо Леонида Алексеевича из Кежмы домой:

«...29 (июля) самолет ушел в Красноярск – Диксон. С.В. Петров остался в Кежме заканчивать фотосхему. Дальнейший маршрут мой не ясен: неизвестно, когда Петров закончит свою работу, неизвестно также, когда я смогу выехать в Вановару, т.к. это зависит от оказии: я не могу нанять отсюда рабочих и вынужден ехать один; поэтому-то я и должен ожидать попутчиков. Неизвестно также, дадут ли мне отсрочку до октября; ехать с тем, чтобы на месте работы пробыть 5 дней, не имеет смысла. Если отсрочки не дадут, то я выеду сейчас же в Москву. Если дадут до октября, то числа 7-10 поеду на Вановару. Часть снаряжения и личных вещей пошлю почтой из Кежмы в ближайшие дни, т.к. на аэроплан много вещей не принимают, на катере же лишний груз связывает при пересадках. Аэросъемочную продукцию, которую я числа 5-7 пошлю посылкой в КМЕТ, я прошу не распечатывать до моего приезда.

Я сижу сейчас с язвой на ноге; купил туфли на кожаной подметке (всю обувь истрепал), да тесные, натер мокрую мозоль на пятке. Последние дни идут дожди; лесные пожары тухнут, но самолета уже нет.

Съемку перенесли на осень, что маловероятно. Публика здесь совершенно развинулась: мало того, что не справилась с ничтожным заданием, спалили фотолабораторию, захвоз на обратном пути (пьяный) свалился с катера с ящиком в Анггару — едва успели спасти».

В середине августа Леонид Алексеевич выехал из Кежмы к месту падения метеорита, где в это время продолжал свои работы геодезический отряд под руководством Бурченкова. Имея при себе контактные отпечатки, Кулик занимался их дешифровкой, а также уточнял участки, которые были пропущены при аэросъемке. Через месяц Кулик возвращается в Кежму, ожидая самолета. Но из-за плохой погоды он не прибыл. К тому же выпал снег, и продолжить аэросъемку не удалось.

В конце октября Леонид Алексеевич вернулся в Москву. А уже в январе 1939 года по представлению В.И. Вернадского в «Докладах АН СССР» печатается статья Кулика «Данные по Тунгусскому метеориту к 1939 году». В ней указывается: «Аэросъемка места падения выполнена в масштабе 1:4700, с геодезическим обоснованием 5 класса, в период времени между 26 июня и 18 июля 1938 года, т.е. тогда, когда тайга имела уже вполне развитую листву; это, конечно, понизило видимость бурелома на снимках. Полученный накидной монтаж, а затем и полевая мозаичная фотосхема позволили установить исходные пункты воздушных волн. Их центр совпал с центром, определенным автором в 1928 году непосредственной теодолитной съемкой поваленных деревьев. Что же касается отдельных точек взрыва, на полевой фотосхеме их обозначилось пока 2-4. Точность этого определения должна повыситься после камеральной обработки материалов фотосъемки и создания фотоплана, более совершенного, чем полевая фотосхема».

Схема вывала леса по Кулику

В дальнейшем предусматривалось изготовить чертежный план с нанесением на него рельефа местности и вывала леса с выделением участков сохранившегося на корню леса. Обработка съемки осуществлялась бригадой Кожевникова и С.А. Пылаева.

В той же статье в «Докладах АН» за 1939 год Леонид Алексеевич пишет о находках внеземного вещества на месте падения. Очевидно, речь идет о пробах, взятых еще во время экспедиции 1930 года. «Тотчас после падения метеорита эвенки находили на обугленной почве в центре бурелома куски (с кулак величиной) белого блестящего металла, могущего быть в данной обстановке и согласно их описанию только железным метеоритом; в донных илах «Южного болота» близ

восточного центра падения автор нашел под микроскопом редкие серебристо-белые шарики ковкого никелистого железа в ассоциации со сплавленными в группы и грозди округлыми зернами кварца».

* * *

Комитет по метеоритам

Еще в мае 1938 года по докладу В.И. Вернадского Президиум Академии Наук СССР реорганизовал Комиссию по метеоритам в Комитет (КМЕТ), что означало определенное расширение функций, прав и обязанностей этого важного научного учреждения Академии Наук. Председателем Комитета по метеоритам стал В.И. Вернадский, а его заместителем академик В.Г. Фесенков. В состав КМЕТ вошли академик А.Е. Ферсман, ученый секретарь Л.А. Кулик и научный сотрудник Е.Л. Кринов. А в феврале 1939 года Президиум АН утвердил и первых действительных членов КМЕТ. Ими стали академики В.И. Вернадский, С.И. Вавилов, П.П. Лазарев, А.Е. Ферсман, В.Г. Фесенков, О.Ю. Шмидт, позднее утверждены Л.А. Кулик и проф. С.В. Орлов.

Магнетитовые шарики из проб торфа, взятых на месте падения Тунгусского метеорита

Привлечение широкого круга специалистов к работе позволило намного расширить тематику научных работ. Среди ученых, привлекавшихся к работам по метеоритике, были ведущие специалисты по астрономии и математике, геологии и минералогии, геохимии и кристаллографии.

В дальнейшем намечались к утверждению действительными членами КМЕТ такие видные ученые, как академики А.Н. Заварицкий и В.А. Обручев, члены-корреспонденты Г.А. Тихов и А.В. Шубников.

Продолжая изучение вещественного состава метеоритов, обстановки их падения, происхождения и роли во Вселенной, КМЕТ объединяет и координирует работы по этим проблемам в научных учреждениях страны. Устанавливаются связи с АН Украины, Белоруссии, Казанским и Харьковским университетами, Среднеазиатским индустриальным институтом, Восточно-Казахстанским музеем в городе Семипалатинске.

В это время был образован Комитет по метеоритам при Украинской АН под руководством Е.С. Бурксера. В Омске под руководством П.Л. Драверта приступила к работе Омская метеоритная комиссия.

* * *

На отдыхе

Весной Леонид Алексеевич отдыхал в Сочи. Но и здесь он печатал в газете небольшие информации, выступал с лекциями. От этого времени в архиве осталась вырезка из «Курортной газеты» от 1-го мая 1939 года. Вся четвертая страница этого праздничного номера посвящена известным людям страны, отдохавшим в то время в санаториях Сочи.

Рисунок из «Курортной газеты». Сочи. 1-е мая 1939 г.

На рисунке летчики и полярники, ученые и передовики труда. Рядом с писателем Биль-Белоцерковским и кинорежиссером Михаилом Роммом изображен Леонид Алексеевич Кулик. Он ползает по пляжу с большой лупой, разыскивая метеориты. А ниже стихи Н. Буч.

...Любуйтесь, граждане, пейзажем:

Здесь знатных множество людей,

Они сошлись на южном пляже

Из самых разных областей.

А кто к земле склонил свой лик?

Завнебом – Леонид Кулик.

Он в Сочи совершил вояж

И говорит весьма сердито:
Ну, до чего никчемный пляж:
Ни одного метеорита!
Когда б я это знал заранее,
Не отдыхал бы на «Светлане»!

По возвращении в Москву Кулика ждала приятная новость – Московское общество испытателей природы (МОИП) 3-го июня на своем заседании избрало его своим Действительным членом, членами МОИПа были такие ученые, как Ф.А. Бредихин, Н.А. Умов, Н.Д. Зелинский и В.И. Вернадский.

Частые командировки и экспедиции имели для Леонида Алексеевича одно большое преимущество: на это время ему удавалось избегать массу съездов, слетов и совещаний. Множество членских билетов и приглашений так и осталось для архива. И куда только не приглашали Кулика... На слет ударников академических работников и на юбилей Союза воинствующих безбожников, на заседание коллегии Наркомпроса и на пленум секции Ленсовета. Приглашали Московский городской комитет Общества Красного Креста, Центральная детская экскурсионно-туристическая станция... и т.д.

* * *

Последняя экспедиция

27-го декабря 1938 года Л.А. Кулик сделал доклад о результатах работ по Тунгусскому метеориту на собрании Отделения математических и естественных наук Академии Наук СССР.

Передо мной лежит уже пожелтевшая копия протокола этого собрания. Председательствовал на нем академик-секретарь ОМОН – Александр Евгеньевич Ферсман. Присутствовали: Президент АН СССР академик Владимир Леонтьевич Комаров (ботаник), академики Сергей Иванович Вавилов (физик), Владимир Иванович Вернадский (геофизик), Петр Петрович Лазарев (физик), Леонид Исаакович Мандельштам (физик), Василий Григорьевич Фесенков (астроном). Члены-корреспонденты: Сергей Львович Соболев (математик), Николай Дмитриевич Папалекси (физик). Профессора: Виктор Амазаспович Амбарцумян (астроном), Сергей Иванович Белявский (астроном). И другие крупные ученые.

Первым был заслушан доклад Леонида Алексеевича Кулика «О результатах работы по Тунгусскому метеориту».

Второй доклад о предстоящем полном солнечном затмении в 1941 году сделал Василий Григорьевич Фесенков.

С третьим докладом выступил о службе Солнца Виктор Амазаспович Амбарцумян.

По первому докладу вынесена резолюция с благодарностью Полярному управлению Главного управления Северного морского пути за проведенную им в трудных условиях аэросъемку, отмечались значительные достижения экспедицией и особо – исключительное упорство и энтузиазм, проявленные лично Л.А. Куликом на протяжении многих лет в деле поисков места падения Тунгусского метеорита. Кроме этого в решении собрания указывалось на необходимость «принять все меры к доведению до конца поисков Тунгусского метеорита».

Новую экспедицию к месту падения Тунгусского метеорита решили провести летом 1939 года. В основном для более полного геодезического обеспечения аэросъемки. Одновременно предполагалось произвести небольшие буровые работы в районе Южного болота.

Средства, выделенные Академией Наук на предстоящую экспедицию, были мизерные, и поэтому состав ее оказался небольшим, кроме самого начальника Л.А. Кулика в геодезический отряд вошли геодезист Николай Апрелев и студент Игорь Шпанов, а в геологический – дочь Леонида Алексеевича – Елена Леонидовна. Старшим рабочим зачислили Николая Федорова, студента-художника 2-го курса Текстильного института.

И 12 июля 1939 года экспедиция выехала из Москвы. К большому сожалению, ни мать, ни Николай Иванович Федоров в свое время не оставили подробных воспоминаний об экспедиции 1939 года. Поэтому их рассказы я записал на диктофон через несколько десятков лет.

Е.Л. Кулик и Н.И. Федоров. Последняя встреча. Москва. 1985 г.

Рассказывает Е. Л. Кулик

В экспедицию я попала, можно сказать, совершенно случайно. Было это в середине лета. Однажды вечером возвращается отец с работы и говорит мне: «Поедешь со мной в экспедицию! Денег дали совсем мало, и работать будет совсем некому!» Я говорю: «А как же работа?» А он в ответ: «Ну, возьми отпуск или увольняйся. Отъезжаем через несколько дней». Даже не помню, как промчались оставшиеся до отъезда дни, – отошла уже в поезде.

Е.Л. Кулик. 1939 г

Вспоминает Н. И. Федоров

Уезжали мы с Ярославского вокзала, с первого перрона. До Красноярска доехали без приключений и остановились в доме, где жила сестра нашего геодезиста Николая Апрелева с родителями. Дом их стоял на берегу речки Качи. Несколько дней ушло у Леонида Алексеевича на переговоры с летным начальством о самолете, который доставил бы нас до Кежмы. Наконец переговоры успешно завершились, и нам был выделен огромный самолет на поплавках. Но, к нашему разочарованию, самолет был старый и ему требовался еще ремонт. Летчики сказали, что смогут лететь только через несколько дней, но если мы им поможем в рабочей силе, то полетим раньше. И мы все принялись помогать летчикам: что-то привинчивали, что-то таскали. И так с утра до вечера. Только в воскресенье устроили себе отдых и поехали на знаменитые красноярские «Столбы». Наконец, все работы были закончены, и летчики решили сделать пробный полет. Самолет довольно быстро взлетел, сделал круг над нами, при этом у него что-то оторвалось. Но летчики, узнав об этом, сказали, что это ерунда и можно лететь. Мы приступили к погрузке наших вещей. Вот тут-то и обнаружилось, что утром Леонид Алексеевич забыл под подушкой свой пояс. Дело в том, что во все экспедиции он брал с собой пояс. В нем хранил экспедиционные деньги. Чтобы летчики не узнали, из-за чего мы не можем еще лететь, Леонид Алексеевич подозвал меня, рассказал об этом, и мы с ним разыграли небольшой «скандал»: будто я что-то забыл дома. И я, сломя голову, бросился за поясом в дом Апрелевых. Когда в самолет были уложены все вещи, то оказалось, что он не так уж велик, и нам с Игорем Шпановым пришлось во время всего полета сидеть в хвосте самолета на каких-то таягах, для чего их пришлось обвязать полушубками.

Красноярск. Самолет перед вылетом в Кежму

Рассказывает Е. Л. Кулик

Когда мы прилетели в Кежму, то сразу же принялись за сборы. Уже на следующий день в мой геологический отряд был зачислен кежменский школьник Кеша Панов. Пополнился рабочим и апрелевский отряд. Долго пришлось отбирать лошадей, не все могли выдержать трудного перехода до Вановары. Экспедиционный отряд вышел солидным, так как к нам присоединился еще местный почтарь. Но вот наш караван выступил в дорогу. Тропа шла то вверх, то вниз, частые топи. А тут еще начался лесной пожар. Вскоре мы встретили двух эвенков, которые рассказали нам, что тайгу подожгли скорее всего двое бежавших с низовья из лагеря. Почтарь после Вановары сопровождал нас до заимки, чтобы потом вместе с Николаем Федоровым вернуть лошадей.

Н.И. Федоров

Вспоминает Н.И. Федоров

Поскольку я учился на факультете художественного оформления текстиля, то Леонид Алексеевич все время давал мне возможность и просто даже приучил рисовать национальные орнаменты эвенков и различные природные объекты. А когда мы шли по тропе, ведь какая там была красота! Особенно когда ехали кедрочками и ветки начинались на высоте второго этажа. В одном месте мы остановились на ночлег у Подкаменной Тунгуски. Начался туман, с гор сошли его языки.

И над рекой он стелился. За синими далями выходила красная луна. А мы стояли в сосновом лесу, подлеска не было, а только один папоротник. В общем – сказка! На утро проснулись - на этих папоротниках алмазы горят. Роса искрится, прямо, как алмазы. А Леонид Алексеевич всех предупреждал: «Туда не ходите! Там не тормозите!» Это все, чтобы я смотрел и рисовал.

Однажды мы очень устали и не дошли до нужного места. Пришлось нам заночевать прямо на тропе. Леонид Алексеевич велел наломать всем веток кедрача и разложить их вокруг веером, дабы не заползли какие-нибудь гады.

Привал на тропе к заимке

Рассказывает Е.Л. Кулик

В первый же день, как мы приехали на заимку, Апрельев приступил к расстановке вех для бурения. А мне в это время пришлось разбирать и пристраивать все наше хозяйство. Потом начались обычные экспедиционные будни. С солнцем вставали, наскоро пили чай и, облачившись в рабочее и захватив все необходимое, уходили тропой на бурение. Работать приходилось только в накомарнике и рабочих рукавицах, которые снимались только для записей. В обед там же на болоте что-нибудь перекусывали, запивая из фляжки холодным чаем, и снова принимались за работу. И только когда солнце зависало над дальними сопками, уставшие, с искусанными гнусом руками возвращались мы на базу. Здесь в сумерках готовила я на печурке наш обед-ужин. Много хлопот при этом доставляла нам вода из колодца в соседнем болотце. Ее приходилось сначала процеживать, потом отстаивать во фляге и только потом кипятить. После ужина отец при свете свечи еще несколько часов работал, делая предварительную обработку дневного бурения.

Вспоминает Н.И. Федоров

На самом месте падения я был всего несколько дней. Здесь по указаниям Леонида Алексеевича рисовал самые необходимые для экспедиции объекты. А после этого мы с почтарем должны были отогнать лошадей обратно, так как аренда их на все время не по карману экспедиции. И заодно нам предстояло по дороге в районе Тэтэре осмотреть еще один вывал леса. Но до вывала этого мы так и не добрались. По дороге началась настоящая буря. Только мы с какого-то перевала спустились в долину, проводник кричит: «Нам нужно туда... на середину... деревья повалит... нас накроет тут... пришибет и все...» Мы успели только стреножить лошадей... и нас накрыло. Ни палатку не успели поставить, ни брезент достать. Такая была буря! Жутко! Повалило деревья. Все вокруг полыхало. И поливало нас около полутора суток. После этого в тайге было так мокро, что ни о каких поисках вывала не могло быть и речи. А лошадей мы всех собрали, по тропе вышли к поселку и сдали их.

- Заимка. Почтарь и Николай Иванович Федоров перед отъездом

Рассказывает Е.Л. Кулик

Примерно через неделю после прибытия экспедиции на место падения к нашему геологическому отряду присоединился Василий Елкин, который приехал с семьей на оленях. Так и работали целый месяц. В первых числах сентября Елкин отпросился у отца сходить на охоту. Заодно ему надо было заехать за почтой на Вановару, т.к. туда должны сообщить о прилете в Кежму самолета. К этому времени Кеша Панов перешел в отряд Апрельева – там работы было еще очень много. И мы с отцом остались вдвоем на заимке.

Последние недели оказались очень тяжелыми, да и продукты у нас кончались. А тут у отца прихватило желудок, и я ему варила только манную кашу. А сама из найденных в лабазе остатков старой муки делала себе болтушку с галушками – тем и питались. К счастью, у нас чай оставался, так что мы к концу все больше на чаю сидели.

Леонид Алексеевич Кулик в экспедиции 1939 г.

Близился конец нашего пребывания, и отец начал подгонять: «Скорей. Надо кончать!» А остался самый трудный участок, самый зыбкий кусок болота. Там в обычных сапогах не походишь. Отец нашел мне старые сапоги 45-го размера, в которых кто только не ходил. И я, чтобы они не свалились с ног, намотала еще бумагу. Так и проработала несколько дней, пока не стерла себе

пятку и еле-еле добрела до заимки. На следующее утро говорю отцу, что сегодня я не пойду – очень нога болит. Ну, а он иногда довольно вспыльчивый был и тут на меня наорал: «Вот, когда уже чуть-чуть осталось, она, видите ли, не может!» и т.п. Я думаю: «Ну, ладно. Пусть мне будет хуже – пойду». В общем, я все-таки проработала день и чувствую, что сапог делается мне тесным... Нога так распухла, что пришлось и бумагу снять, и портянку. Вечером отец увидел – перепугался. Темно, от свечи света мало. Решили дожидаться утра. Утром отец посмотрел. Ни слова не говоря, налил из фляжки спирта и велел выпить. Потом протер спиртом свой эвенкийский охотничий нож и полоснул по загноению. Затем промыл спиртом рану, наложил спиртовой компресс и забинтовал ногу. И пришлось мне сидеть дома. А отец один стал ходить на бурение. Сам бурил, сам отбирал керн, писал к ним этикетки, делал записи в полевой книжке. Потом перетаскивал бур и все пожитки к новой вехе и снова приступал к бурению...

* * *

Отъезд

Однажды утром, я еще дремала, отец вышел из избы. Потом обратно вбегает: «Иди, посмотри. Какая красотища!» Я подошла к дверям и обомлела. Все вокруг было белым-бело. Ночью выпала сильная кухта, и красотища, действительно, была потрясающая. Рядом с избой луговинка была, на ней березка росла, в пальца три толщиной, так ее, бедненькую, дугой согнула кухта.

Потом вернулся Елкин и привез радиogramму, где сообщалось, что самолет в Кежме будет числа 28-го сентября. Затем пришли лошади, и мы начали запаковываться и грузиться. Апрельский отряд решил с нами дойти до Вановары, чтобы запастись продуктами и потом вернуться заканчивать работу.

Обратно мы ехали дольше, чем туда. После выпавшей кухты и низины, и лощины, и болота были залиты, и мы шли зигзагами по верхам. С кормом для лошадей было плохо. Овса у нас не было, а подножного корма – кот наплакал, шли ведь в основном сосняками. Лошади отказывались идти. Ребята, что привели лошадей, зная, что у нас плохо с едой, прихватили несколько буханок хлеба. Что делать? Я от буханки ломаю ломоть – лошадь лежит. Я ей хлеб под нос – она тянется. Я отхожу – она за мной. Одна лошадь пошла, смотришь – другая упала, я к той. Вот таким манером мы шлепали почти до самой Кежмы. Лошадей удалось накормить толком только у лесничего, не доезжая до Кежмы. Отец у него остался ночевать, а я с отрядом поехала до Кежмы. Утром мы прибыли в Кежму и сдали караван. Отец же позднее приехал. Уже на следующий день мы улетали в Красноярск, и 9-го октября были в Москве».

Конечно, в то время и в мыслях у Кулика не было, что это его последняя экспедиция на Подкаменную Тунгуску. Каждый раз, покидая эти места, ему хотелось еще и еще раз повторять строчки Петра Людовиговича Драверта, написанные им в далеком 1909 году:

Я вернусь, когда в цветной одежде

Средь озер задышит грудь земли,

И меня, приветствуя, как прежде,

Громким криком встретят журавли.

* * *

У нас во дворе

Наш дом по Первой Мещанской улице был в то время, пожалуй, самым заметным в районе Ржевского вокзала. Его серая пятиэтажная громада торцом выходила на привокзальную площадь. Вокруг него доживали свой век несколько деревянных двухэтажных строений. С крыши дома, куда мы так любили лазить с ребятами, открывался чудесный вид на железнодорожные дали за вокзалом; на небольшой зеленый островок Пятницкого кладбища с церквушкой, на корпуса «Калибра» с многочисленными складами, на Переяславку с путаницей переулков и тупичков, на бесконечные дворики с непременными сараями и голубятнями. Дом наш принадлежал

Наркомату путей сообщения и только частично был заселен научными сотрудниками Академии Наук.

Вскоре после переезда сюда Леонид Алексеевич, равнодушный ко всему в жизни, начал налаживать во дворе «культработу». Вот как вспоминает об этом младшая дочь Ирина: «Начал он с того, что однажды вышел во двор и стал вешать волейбольную сетку. Он молча прилаживал ее, а ребята заинтересовались: «А что это будет?» – спрашивают. – «Вот хочу в волейбол играть». – «А кто будет играть?» – «Если хочешь, становись и будешь играть». Так и пошло. Каждый выходной игра в волейбол. Это для старших. А для маленьких ближе к вечеру были «туманные картинки». У нас в квартире, в кабинете отца, сдвигалась мебель, на стену вешалась простыня, и с помощью аллоскопа отец показывал различные диафильмы. Ребята сидели прямо на полу. Удобств мало, но все дети очень любили эти сеансы. Встретив во дворе отца, они всегда спрашивали: «Дядя Леня, а когда будут туманные картинки?»

Ребята нашего двора. Справа внизу сидит Юра Королев,

будущий народный художник РСФСР и директор Третьяковской галереи

Свою месткомовскую «культработу» Леонид Алексеевич проводил в двух домах: в нашем № 130 и в доме № 96 на нашей же улице, где жили также сотрудники Академии Наук, в том числе и ленинградцы: Ольга Михайловна Шубникова, Валерий Петрович Петров и другие. Зимой 1938 года культработу поставили на «научную основу». Выбрали домовый комитет, председателя, заведующего библиотекой и красным уголком. Комитет решил настоять на выселении из красного уголка жильцов и привести его в порядок к 1-му Мая. Л.А. Кулик направляет в домоуправление петицию, в которой писал: «Увеличивающееся количество посетителей и бесспорное воспитательное значение этих детских вечеров заставляет меня просить домоуправление помочь мне в развитии этого дела. Для этого необходимо сделать для красного уголка следующее...», и далее следовал перечень самого необходимого. В домашнем архиве сохранилась небольшая записная книжка, в которую Леонид Алексеевич с завидным терпением после каждого сеанса в красном уголке заносил свои заметки.

Л.И. Кулик, Ирина Кулик с подругой, Л.А. Кулик и внук Вячек. Покровское-Стрешнево. 1938 г.

Как они показывают, только за неполных 4 года было проведено около сотни занятий, а число посетителей приближалось к 4-м тысячам. А еще демонстрировались кинофильмы на узкой пленке. Детям, у кого был аллоскоп, выдавались диафильмы домой. В фильмотеке Кулика имелись диафильмы 257 наименований. И, кроме всего, ребятам выдавались книжки из нашей домашней библиотеки. Когда сеансы проходили дома, то просмотры всегда кончались угощением. Каждый участник получал по леденцу, которые были заготовлены к этому случаю. Да и позднее, когда просмотры диафильмов проходили в красном уголке, леденцы получали те ребята, кто помогал дяде Лене принести аллоскоп и диафильмы домой. Так это было заведено».

* * *

Наши походы

Ирина Кулик вспоминает, как иногда во дворе организовывали походы в кино. «Ближайший кинотеатр «Перекоп» был в Безбожном переулке. Предварительно покупались билеты. Нас выстраивали парами, и в сопровождении нескольких родителей мы пешком шли четыре квартала в кино. Каждый из ребят всегда стремился устроиться поближе к дяде Лене. И тут всем хотелось идти в первых парах, рядом с ним. Я не была исключением. Но меня он всегда переставлял назад, говоря, что я его и дома вижу, а тут пусть другие идут рядом с ним».

Жизнь на нашей Первой Мещанской резко изменилась в 1938 году с открытием Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В Останкино и на выставку стали ходить не только трамваи, но и троллейбусы. И не только обычные, но и двухэтажные, как автобусы в Лондоне. И кроме походов в кино совершались экскурсии в зоопарк, Останкино и на сельскохозяйственную выставку.

Л.А. Кулик с дочерью Ириной на первомайской демонстрации

Зимой 1939 года Леонид Алексеевич организовал в красном уголке лекции по санитарной обороне, которые завершились сдачей норм на значок «БГСО» («Будь готов к санитарной обороне»). Из 20-ти значкистов самым молодым стал автор этих строк. Мне шел тогда 7-й год.

С тех довоенных лет многое изменилось. Ржевский вокзал стал Рижским. Первая Мещанская - проспектом Мира. А самым надежным транспортом – метро. Дом, где мы жили, сейчас, наверное, самый древний в округе. Из серого он стал грязно-желтым и лишился большой квадратной трубы от котельной. Вход в бывший красный уголок крепко-накрепко заперт – теперь здесь склад соседнего магазина. Только по-прежнему смотрят из-под крыши маски оскалившихся львов в сторону бывшего 2-го Крестовского переулка. Давно уже нет во дворе деревянных домов со скрипучими пожарными лестницами и ветхими завалинками. Нет и старых, в два обхвата, тополей. Нет заднего двора с сараями и голубятней. Сегодня жильцам с трудом верится, что когда-то, до войны, в их доме не было газа и все готовили на керосинках, а в баню ходили за квартал в Банный переулок.

* * *

Мечта о саде

Любовь к растениям у Леонида Алексеевича была с детства. Ведь недаром после гимназии он поступил в Лесной институт, и всю жизнь мечтал о саде. В 1936 году он даже подал заявление в дачный кооператив. Но из этого ничего не вышло. То ли моя бабушка не согласилась (а кто будет работать на участке?), то ли денег не было. Но мечта эта у него осталась до конца жизни.

В предвоенной жизни у Леонида Алексеевича не так много оставалось часов и дней, когда ему удавалось отвлечься от служебных и общественных дел. Но если они выдавались, он старался вовлечь в отдых свою семью. Чаще всего в осенние и зимние воскресные дни. Маршруты этих «вылазок» не отличались большим разнообразием. Когда времени было мало, то отправлялись в Ботанический сад МГУ, который находился на нашей улице. Гуляли по дорожкам этого небольшого парка. Заглядывали в тесные оранжереи. Когда возвращались домой, покупали землю для пересадки домашних цветов. И уж совсем редко покупался горшок или цветок для пополнения домашней «коллекции».

Ирина Леонидовна рассказывает: «В квартире у нас всегда было много растений. В Ленинграде рос дикий виноград в двух больших горшках, которые стояли на полу. Оба растения обвилились вокруг друг друга и образовывали арку. В Москве росли пальмы, мушмула и лимон, выращенный из косточки, кактусы, лилия и другие. Цветы отец всегда поливал сам. Утром он вставал первым и занимался ими. А когда уезжал, то полив доставался мне.

Однажды, возвращаясь из санатория с Кавказского побережья, отец прислал телеграмму, чтобы его обязательно встречали с одеялом. Когда мы с ламой приехали на вокзал, то оказалось, что он привез лимонное деревце высотой около метра и все в цвету! А в Москве еще мороз был. Отец очень волновался, что все цветы осыпятся, и так в поезде уже часть опала. Завернули лимон в байковое одеяло и на такси скорее домой. Цветов много обвалилось, но все-таки некоторые сохранились, образовалось несколько завязей, из которых одна превратилась в лимон. Он был небольшой, с куриное яйцо. Отец ему необыкновенно радовался и с гордостью всем демонстрировал. Не увеличиваясь больше в размерах, плод пожелтел. Потом его сняли с дерева (а может быть, он сам упал), и он долго хранился на столе у отца, весь высох, стал каменным и внутри гремели косточки».

Но в какой-то воскресный день свободного времени выдавалось больше, да еще приезжал кто-то из родственников или знакомых, и тогда все отправлялись в зоопарк. Это было тоже традицией, которая родилась, очевидно, еще в Ленинграде, когда жили мы на Введенской рядом с зоопарком. Правда, здесь, в Москве, до зоопарка приходилось ехать на трамваях или троллейбусах, но это не останавливало. В зоопарке можно и погулять, и вдоволь насмотреться на тигров, слонов и медведей, отведать горячих бубликов и сфотографироваться на фоне вольера с верблюдом.

Новогоднее

Событием в доме всегда была встреча Нового года. Леонид Алексеевич мастерил «елки» из любого подручного материала: то из голых прутиков, то из веника. Украшались они ватой и самодельными игрушками из бумаги и ваты. Вот как запомнила одну из таких елок Ирина Кулик: «Новый 1937 год встречали необыкновенно. Во-первых, должны были прийти гости, а они в нашем доме собирались редко. Во-вторых, в этот год разрешали устанавливать елки. И отец сказал, что елка у нас будет. Нас с Вячеславом отправили спать, но меня обещали разбудить к встрече Нового года. И когда через несколько часов я вошла в маленькую комнату, меня встретило чудо. Посредине комнаты стоял накрытый стол, а на дальнем его конце возвышалась настоящая елка. На ветвях, укрытых пушистым «снегом», висели конфеты и мандарины. Отец сделал ее из тонких лучинок, привязанных к палке и укрытых ватой. Она была очень изящна и вызывала восторг не только у меня, но и у взрослых гостей. После праздника эта «елка» еще долго стояла, и смотреть ее приходили даже соседи по дому и очень хвалили произведение отца. Когда же елку сожгли, прибежал корреспондент из «Вечерки» и страшно жалел, что не видел ее».

В эти же годы новогодние елки для детей стали устраивать и в Ломоносовском институте Академии Наук. На одной из них Леонид Алексеевич выступал в роли Деда Мороза. В канун праздника бабушка до самой ночи мастерила ему наряд, а на следующий день дед самозабвенно скакал с детьми у елки, которая была установлена в зале заседаний, и от души смеялся на кукольном спектакле Нины Яковлевны и Ивана Семеновича Ефимовых.

Но как мало было таких дней в беспокойной жизни Леонида Алексеевича Кулика.

Записные книжки Кулика

В домашнем архиве имеется две записные книжки Леонида Алексеевича. Одна небольшая, карманная, другая побольше – настольная. Содержание их в какой-то мере раскрывает круг его интересов в предвоенные годы. В первом блокноте на обратной стороне обложки наклейка: Нашедшему эту книгу просят переслать ее гр-ну... Здесь же номер паспорта, воинского билета, профбилета, номера удостоверений и значков: «ОСОАВИАХИМа», «ГТО», «Ворошиловского стрелка», «ПВХО» и общества «Наука». Основу заметок и различных выписок в блокнотах составляют материалы, так или иначе связанные с метеоритикой, но есть и другие записи. В обеих книжках Леонид Алексеевич отводил отдельные странички для записей понравившихся ему выражений и афоризмов: Написанные в разное время повстречались здесь крылатые фразы Гюго и Ленина, Ландау и Ивана Павлова. На страничках блокнотов – далекое прошлое и тревожное предвоенное время. «Гассенди + 1635. Эпикурец – монах – прево в Диене. Первый, поставивший научное исследование свойств выпавших метеоритов». Через страничку выписка из «Прикладной баллистики для стрелка» Пономарева. И здесь же: «Галлей первый выдвинул теорию галактического происхождения метеоритов». А рядом выписка из газеты «Известия» от 27.2.1939 года. «Высотный полет субстратостата «СССР ВР 77» объемом 2200 м³ 26 февраля 1939 года. На высоте 10000 метров, где температура была -52 градуса, пробыли полчаса». На одной из страничек с координатами метеоритов «Большая Корта», «Ичкала» и «Хмелевка» соседствует запись семейного месячного бюджета:

«Езда..... 50 р.
 Квартплата..... 130 р.
 Вячек: детсад... 85 р.
 Няня..... 30 р.
 Еда..... 750 р.
 Быт, одежда..... 185 р.»

А рядом столбик с месячной зарплатой:

«Л.А. Кулик..... 750 р.

Л.И. Кулик..... 280 р.

Е.Л. Кулик..... 200 р.»

Как видим, зарплаты Леонида Алексеевича хватало лишь на скромное питание семьи.

Трудно перечислить все то, что записывалось или отмечалось Куликом в блокнотах. Отмечались заседания бюро КМЕТ и общие собрания. Записывались фрагменты Лаврентьевской летописи и курс иностранной валюты. С нормативами командировок соседствовал химический состав метеоритов, а со спектральным анализом – заметки с обсуждения о природе облака над Тазовской губой (18 сентября 1938 г.). По записям в книжках видно, как много времени тратилось Леонидом Алексеевичем на финансовые дела Комитета по метеоритам. Некоторые странички сплошь испещрены цифрами дат, дебита, кредита и сальдо. На других аккуратно приклеены расписки об авансах. Здесь же состояние финансов на 1-е июля 1940 года, а на соседней – на 1-е сентября 1940 г.

Большое число записей относится к публикациям статей и заметок в журналы и газеты. То и дело на страницах заголовки: «Писать!», «Сделать!», «Написать!». Среди перечисленных журналов «Природа» и «Знание – сила», «Наука и жизнь» и «Вестник знания». Это не говоря о детских и юношеских изданиях. В свое время Леонид Алексеевич даже написал заметку в газету «Ленинские искры». В ней он писал, что свои впечатления о путешествии он печатал очерками в журнале «Еж», а теперь обязуется издать для ребят книжечку о своих путешествиях. Но в той напряженной жизни, до предела заполненной работой, так и не нашлось у него нескольких свободных недель для этого.

Отдельно выписаны в блокнотах поручения В.И. Вернадского: «Прочесть статью П.Н. Червинского о «Хмелевке», перевести Гессенди и вставить во 2-й выпуск». Отмечались в блокнотах предстоящие многочисленные доклады и выступления.

Но больше всего в записных книжках Кулика адресов и телефонов. Рядом с фамилиями известных всему миру академиков адреса школьников, любителей астрономии и просто знакомых по санаторию. В этих адресах вся страна: Кавказ и Казахстан, Урал и Сибирь, Украина и Прибалтика.

В большом блокноте Леонида Алексеевича есть два стихотворения, написанные им в санатории «Узкое» зимой 1941 года. Вот одно из них.

«Узкие» стихи

В серебряном уборе

Вдоль ровного шоссе

Ведет аллея в гору

К «космической дыре».

Здесь мы гуляем в вечер,

А рано по утрам

Любуемся беспечно

Зарей румяной там.

Днем – солнца луч играет

В аллее серебра;

И бирюзой мелькает

«Космичная дыра».

Там, в ритме шага, роem

Кружат стихи всегда;

И манит бирюзою

«Космичная дыра».

30.1.1941

Узкое. Л. Кулик.

Когда я перечитываю их, то невольно возвращаюсь памятью в то мирное зимнее воскресенье, когда мы с бабушкой приезжали в Узкое. Там в то время, кроме деда, отдыхали Владимир Иванович Вернадский и Александр Евгеньевич Ферсман. До войны ни весной, ни летом, ни осенью я не бывал в Узком. В моей памяти этот заповедный уголок остался исключительно зимним. С остановкой-грибком на пустынном шоссе. Со старыми въездными воротами. С оглушительным хрустом снега под валенками. Помню, как мы катались по парку на лыжах, как скатывались на санках к замерзшему пруду, а когда я уже изрядно вымок, стали собираться домой. Перед санаторным корпусом стояла группа отдыхающих. Голоса всех перекрывал смех и голос Ферсмана. Тогда я уже знал его по Ломоносовскому институту, как и некоторых других сотрудников. Разговор был сугубо «научный», но несколько раз повторялось знакомое мне имя и отчество Вернадского и фраза, что он не здоров. Вдруг кто-то повернулся к крыльцу и воскликнул: «А вот и он!» В дверях стоял небольшого роста старичок с белой бородкой, в пальто с поднятым воротником. Все сразу же окружили его, и больше я в этот день Владимира Ивановича не видел.

Короткий зимний день быстро переходил в ветер. Мы возвращались домой. До автобуса нас провожал дед. Аллея шла вверх и упиралась в небо. И, казалось, ей не будет конца. Когда мы подходили к остановке, на небе уже засверкали первые звезды.

Очевидно, еще в санатории Леонид Алексеевич в письме брату Нестору в Ленинград написал эти свои два последних стихотворения. И вскоре получил от него ответное послание.

...«С большим интересом прочел я твои стихотворения. Мне кажется, что обстановка позволила бы тебе проявить значительно более широты и пылкости в творческих-произведениях, если бы ты не изнурял свои силы шприцами, липами и церебринями. Они могут доставить моральное утешение безнадежным старцам, но никак не изнуренному работой человеку в расцвете сил... Сказать еще о погоде? Ну, вроде вашей, не тепло, но и не очень холодно. Так, -3°, -4°. Но февраль великолепен. Ни одной оттепели, и прекрасные мягкие и обильные снегопады. Такая ровная и снежная зима обещает на лето массу всяких буколических радостей. Я уже слышу запах земляники, лесной малины, и мерещатся среди травы упругие бело-коричневые белые грибы. Вот только за последнее время у меня как-то приглохли кровожадные инстинкты: боюсь, что весной, подойдя к глухарю, уйду без выстрела. Что это – старческий маразм?»

* * *

Братья

По-разному сложились судьбы братьев Леонида Алексеевича. Владимир с семьей обосновался в Свердловске, где работал ветврачом на ипподроме. Нестор жил в Ленинграде. После работы в Геологическом музее Академии Наук он перешел во Всесоюзный арктический институт, а позднее стал начальником геологической группы в Ленинградском отделении Росдорпроекта. Младший брат Алексей жил в Омске, где работал на станции защиты растений.

Нестор Алексеевич Кулик

Встречи с Нестором у Леонида Алексеевича были более или менее регулярными. Даже после нашего переезда в Москву, приезжая в Ленинград, он первым делом спешил к брату на Петроградскую сторону. Да и Нестор при возвращении из экспедиций и командировок, когда путь лежал через Москву, всегда останавливался у нас. Надолго разлучали только экспедиции. Нестор после Северного Урала работал на Кавказе и Месопотамском Тавре, потом снова Арктика, Монголия и Туркмения. И опять Арктика: Вайгач, Амдерма, Югорский Шар. В 1938 году в связи с сокращением геологических работ в Арктике Нестор переходит на работу в Росдорпроект при СНК РСФСР. Теперь предстояли изыскательские работы в «обжитых местах»: на Волге, в районе будущего Куйбышевского гидроузла, разведка строительных материалов в Поволжье, Закавказье

и на Черноморском побережье. И отсюда шли письма. Вот фрагмент одного из них из Казани 5 октября 1940 года: «Конечно, тебе, как заядлому и активному безбожнику, известна аксиома: «Человек предполагает, а бог располагает». Это самое, как ты догадываешься, произошло со мною, с моими человеческими предположениями.

Началось с того, что я приехал сюда на месяц, для консультаций. Потом получен был приказ, которым я зачислялся в «штаб» экспедиции, с предупреждением о предании суду в случае отказа занять столь лестное место. Через короткое время старое начальство в Москве полетело к чертям, а новое известило меня, что я назначен главным геологом по всем 3-м экспедициям, работающим в Поволжье (Ленинградская, Московская и Ростовская). А чтобы у меня голова не закружилась от высокого положения, опять напомнили о невозможности отказа. Просил краткой поездки в Ленинград за полушубком и штанами. Запретили. Так и написано было: «Кулику поездку в ЛНГ запрещаю». Не «не разрешаю», а «запрещаю»... Плюнул на все это и решил сидеть здесь на махорке и в рваных штанах и ботинках. Все лето катался по Волге в разных классах. Худо. От нее и Камы меня немного поташнивает. По части быта – худо. Ни на пароходах, ни на пристанях ничего нет. Самое голодное место. Не лучше и в Казани, где трудно достать хлеб и прочее, что можно жевать. Сытым бываю только, когда попадаю в партию, где можно досыта есть хлеб и пить молоко. Штаны валяются от желудочной тоски. С восторгом вспоминаю московское и ленинградское изобилие. Да-с, провинция! Все это, конечно, бытовые мелочи. Они не столько красят, сколько окрашивают жизнь. С какой тоской я вспоминаю банку с сельдями, которую я разделал у тебя! Или хороший крепкий чай. И многое другое, что здесь кажется таким же достижимым, как фрукты с Марса. Прости, дело к обеду, и желудок наводит на эти темы. Словом, дело в этом отношении дрянь здесь».

Алексей Алексеевич Кулик

Реже приходили письма от младшего брата Алексея. Обычно к праздникам с пожеланиями новых падений метеоритов, «при этом самых крупных»...

«...Давно собирался черкнуть тебе, да, вернувшись с летней работы, сразу с головой окунулся в зимнюю работу. Хотя занятия я закончил в конце декабря, но тут же на меня навалился срочный краткий отчет для Новосибирска. Кроме того что-то и здоровьишко немного подвинулось (миокардит с перебоями). Хожу в физиолечебницу, чтобы немного восстановить порядок в своей требухе.

Как твои метеоритные дела? Здесь в Омске ходят слухи, что у тебя что-то словно проясняются горизонты в направлении Тунгусского метеорита. Трудное дело, но мне кажется, оно стоит сотни мелких метеоритов.

Что ты предполагаешь делать зимой и какие замыслы имеешь на лето? Я так намыкался за последние два года, что одно упоминание об экспедиции вызывает у меня кислую оскмину. И теперь я уже начинаю мечтать о тихой, спокойной работе стационарного порядка: так что-нибудь вроде малярной станции, куда меня тянет Михаил Васильевич Мальцев. Но что получится, не знаю, т.к. с Новосибирском я связан договором, по которому я должен отработать еще 1 год».

Владимир Алексеевич Кулик

И уж совсем редко приходили письма от Владимира. А потом в Москву пришло нерадостное известие из Свердловска. В то время все еще продолжались повсеместные поиски «врагов народа». Вот и Владимира с группой работников ипподрома оклеветали и предали суду. Вменили ему в вину, что он в бытность ветврачом по Свердловскому ипподрому не осуществлял ветнадзора, своевременно не оказывал ветпомощи лошадям и т.п. И приговор – 15 лет тюремного заключения.

Узнав об этом, Леонид Алексеевич сразу же нанял адвоката. Через некоторое время приговор был пересмотрен судколлегией, и Владимира оправдали за недоказательностью.

Но мытарства его продолжались целый год. Вот два небольших отрывка из его письма:

Л.А. Кулик. Москва. 1936 г

«...Слишком большое напряжение у меня было в работе за последние месяцы 39 года: переход на службу, опять на Свердловский гос. ипподром, по предложению администрации ипподрома, на должность второго врача (на ипподроме в данное время работает 3 врача). Одновременно читал лекции от сектора кадров Свердловского гор. зем. отдела... Все усилия теперь направляю к тому, чтобы одеть семью, а для этого приходится очень много работать. Я очень доволен, что, наконец, Лилечка как будто обрела свое призвание к изучению геологии и минералогии, поступив на курсы, где учится с увлечением, и это радует меня. Лева тоже учится. Александра Львовна все болеет.

Да, дорогой мой Ленечка, 19 окт. 39 г. в Свердловском областном суде все клеветники были разоблачены на суде, и прокурор не нашел оснований к предъявлению ко мне каких бы то ни было обвинений. Областной суд на основании свидетельских показаний (клеветники в большинстве не явились на суд), а те, которые присутствовали на суде, отказались от первоначальных своих обвинений. Председательствующая Облсуда (до суда) мне сказала, что Облсуд совершил преступление, осудив вас в 1938 г.».

* * *

Часть 5

Отложенная командировка

Весной 1941 года Л.А. Кулик собирался побывать в Эстонии на своей родине. Конечно, не ради того, чтобы походить по улочкам древнего Тарту, где прошли первые годы его жизни, увидеть торжественную громаду университета, где когда-то учился отец, постоять под сводами церкви, где 18 сентября 1883 года его крестил священник Николай Виноградов. Дел в командировке предстояло немало: это и знакомство с коллекцией метеоритов, хранящихся в Таллинском и Тартуском университетах, и посещение уникальных метеоритных кратеров острова Сааремаа, и лично познакомиться с горным инженером Рейнвальдом – самоотверженным исследователем их. Еще в конце 1940 года он прислал для коллекции Академии Наук несколько осколков метеорита «Каалиярв», найденных им еще в 1937 году. Теперь же предстояло совместно испытать в кратерах новейшие магнитометры, которые по просьбе В.И. Вернадского для этой цели обещал выделить Отто Юльевич Шмидт.

Но еще не начались предкомандировочные хлопоты, как из Таллинна пришла печальная весть: скончался Иван Александрович Рейнвальд. Рушились планы совместной экспедиции, да и масса других неотложных дел навалилась на плечи ученого секретаря. В это время Комитет по метеоритам готовил к выпуску свой журнал «Метеоритика». Это был первый и единственный в мире журнал, посвященный исключительно вопросам этой науки. Редактором журнала стал В.И. Вернадский, а редактором издательства Л.А. Кулик. Основные статьи в «Метеоритике» печатались на русском и английском языках, а к другим сообщениям давались резюме на английском. В апреле были подготовлены к печати два первых выпуска, куда вошли статьи В.И. Вернадского, В.Г. Фесенкова, Л.А. Кулика, П.Л. Драверта и других ученых.

К лету 1941 года одной из самых насущных проблем Комитета по метеоритам оставалась проблема помещения. Почти шесть лет Комитет ютился в здании Института геологических наук Отделения геолого-географических наук, хотя относился к Отделению физико-математических наук. Вопрос о новом помещении ставился В.И. Вернадским неоднократно и на Отделении, и на Президиуме Академии Наук. В своем отчете за 1939 год Л.А. Кулик писал: «Прежде всего, у КМЕТ нет помещения, необходимого для работы и для выставки метеоритов. Имеющихся 20 м² достаточно лишь для склада метеоритов, библиотеки, каталогов, инвентаря, снаряжения, материалов и канцелярии (здесь же работает председатель КМЕТ – академик и пять сотрудников). Помещение необходимо дать, и дать немедленно, тем более, что ограничение работы только штатным научным кадрам (а у КМЕТ нет ни химиков, ни петрографов, ни физиков) вполне определенно и резко ставит вопрос о превращении КМЕТ в научно-исследовательскую лабораторию (лабораторию по изучению метеоритов), что неразрывно связано с помещением».

В мае 1941 года вопрос, наконец, был решен. КМЕТ заключает договор с Московским планетарием о предоставлении ему помещений как для выставки метеоритов, так и для кабинетов. Срок определен по первое января 1945 года с правом продления. Предусматривалось также помещение для шлифовальной мастерской и фотолаборатории. Через два дня после утверждения «Договора» Президиумом Академии Наук В.И. Вернадский писал А.Е. Ферсману в Сочи, где он отдыхал в это время: «...Прошел вопрос о переходе Метеоритного комитета и метеоритной коллекции Академии Наук в планетарий. С осени мы должны будем переехать. Надеюсь, что удастся установить там правильную работу. Для себя Метеоритный комитет получает там 4 комнаты, сверх выставки».

Май 1941 года оказался «урожайным» на болиды. Письма о них приходили из Подмосковья и Смоленской области, из Мордовии и с Северного Кавказа. Для того, чтобы собрать как можно больше сообщений от наблюдателей, Леонид Алексеевич прибегает к испытанному приему – обращается к детям. Его заметка для «Пионерской правды» под рубрикой «Задания ученых» так

и называлась: «Видел ли ты огненный шар?» Газета с этой публикацией вышла в четверг 19 июня 1941 года. А в воскресенье, на рассвете, началась Великая Отечественная война.

* * *

Великая Отечественная

Уже рвались первые бомбы на улицах Киева, Севастополя, Каунаса, а почта еще доставляла в Москву письма из мирного вчера... Вот фрагмент письма из Ленинграда Нестора Кулика Лидии Ивановне, написанного в субботу 21 июня 1941 года. «... У меня на квартире (не сглазить бы!) впервые за много лет все здоровы. Кирилл колбасится по лестнице, а Ивелина с Таней рыщут, подобно древним курянам, по полю в поисках идеального места для летнего отдыха от зимних трудов. Вчера их понесло на Карельский перешеек. Сегодня, вероятно, возвратятся. Живем ничего. Как все. Денег, конечно, не бывает. Но пища есть, правда, однообразная, но существовать можно. Погода стоит приятная – тепло и дождливо, иногда гроза, иногда солнце печет и зелень, как бешеная, пытается наверстать упущенное. Хорошо! Благодаря дождям (ежедневным) в городе пыли нет. Как твое семейство? Когда и куда выкатилась Лена? Где Леня (которому я здесь пишу)? Желаю тебе, родная, хорошо отдохнуть и набраться живительного солнечного жару на грядущую зиму. Целую всех вас много и крепко в надежде до зимы увидиться. Нетя». Но планам и пожеланиям этим не суждено было исполниться.

В первые дни войны Леонид Алексеевич, несмотря на загруженность делами КМЕТ, не прекращает своей общественной работы. В первую же неделю во дворе нашего дома по Первой Мещанской улице он организует «Санитарный пост».

На второй день войны Леонид Алексеевич Кулик подает заявление в партком Института геологических наук о принятии его кандидатом в члены ВКП(б). В эти же дни он готовит полугодовой отчет о работе Комитета по метеоритам.

Решение пойти в народное ополчение созрело, очевидно, у Леонида Алексеевича 3 июля, после выступления по радио И.В. Сталина. Ученому в это время шел 58-й год.

* * *

В народном ополчении

Если обратиться сегодня к публикациям о Московском ополчении лета 41-го года, а за прошедшее время их немало, то выяснится удивительная вещь. Среди воспоминаний, документальных рассказов и повестей часто упоминается искатель сибирского (якутского) метеорита академик или профессор Леонид Алексеевич Кулик. И по публикациям выходит, что рядовой ополчения (или старшина) Л.А. Кулик одновременно сражался в пяти или шести дивизиях, в разных армиях и на разных фронтах. То на берегах Десны, то под Вязьмой, то под Ельней, то под Дрогобушем, то под Спас-Деменском.

Однажды в разговоре с Виктором Сытиным я упомянул о непрекращающихся публикациях всякого рода выдумок о Леониде Алексеевиче. «А как же, – ответил он, – это уже легенды. Люди хотели, чтобы он был и профессором, и академиком, ведь он работал в Академии. А легенды складываются не вокруг абы кого-то, а вокруг личности».

Что же говорят документы? В отчете военного отдела Москворецкого РК ВКП(б) говорится, что 17-я стрелковая дивизия начала формироваться 6-го июля 1941 года. Указывается, сколько вступило в нее рабочих с фабрик и заводов Замоскворечья. Но, к сожалению, не известно, сколько пришло в нее сотрудников Академии Наук. По справочнику-календарю Академии Наук за 1941 год в Замоскворечье было расположено более десятка институтов, лабораторий и комиссий.

Из исторического формуляра 17-й дивизии

народного ополчения Москворецкого района г. Москвы

9.7-10.7 1941 года

«В период формирования ополченческих дивизий в Замоскворецком районе Москвы из ополченцев района была сформирована народная ополченческая дивизия, названная 17-й сд (дивизия НО была переименована в 17-ю стрелковую дивизию только 26 сентября 1941 года и стала кадровой. Авт.). Штаб дивизии располагался в здании Московского планово-экономического института имени Плеханова (Стремянный пер.). Командиром дивизии был назначен полковник Козлов, комиссаром – профессор Кувшинов. В ряды дивизии вступили рабочие и служащие предприятий и учреждений Замоскворецкого района Москвы. Среди них: ученый с мировым именем академик Кулик, поэт Токарев, профессор Института имени Плеханова Кувшинов, заслуженный мастер спорта орденоносец Бухаров и ряд других деятелей науки и техники, лучших представителей рабочих и интеллигенции района».

Вспоминая те дни, моя мать рассказывала, что в начале июля, после недолгих домашних сборов она провожала отца на сборный пункт. Пока от Ржевского вокзала с пересадками на трамваях они добрались до Серпуховки, стало уже совсем темно. Прощались во дворе школы, где формировался полк. Домой ей пришлось идти пешком – трамваи уже не ходили. На улицах изредка попадались машины и пешеходы. Когда она дошла до Колхозной площади, то навстречу по Первой Мещанской шли строем ополченцы, очевидно, ростокинцы. Над строем негромко звучала «Варшавянка».

Сегодня во дворе московской школы № 555 тихо – стоят жаркие дни июля. Напротив четырехэтажного здания школы замер строй старых тополей с усеченными кронами. А ближе к зданию жмутся молодые клены. На стене небольшая мемориальная доска. На ней барельеф: рабочий-ополченец сжимает в руке винтовку, а ниже надпись: «Здесь в июле 1941 года были сформированы подразделения 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района, которая за военную доблесть, проявленную в боях с немецко-фашистскими захватчиками, была награждена орденом Боевого Красного Знамени и получила почетное наименование Бобруйской краснознаменной стрелковой дивизии».

Отсюда, из района Серпуховской площади, сформированные полки 17-й дивизии совершили 30-километровый переход по Калужскому шоссе к железнодорожной станции Бутово.

Из исторического формуляра

17-й дивизии народного ополчения

10.7-20.7 1941 г.

«Дивизия проходит стадию формирования на лагерном сборе около станции Бутово Дзержинской ж.д. (30 км от Москвы), деревни Сосенки, Валуево, Лотово. Дивизия поступает в распоряжение НКО, а затем в состав 33-й армии. Здесь части дивизии проходят ускоренную боевую подготовку и готовятся к отправке на фронт».

Вспоминая те июльские дни 41 года, бывший командующий 33-й армии генерал-майор Д.П. Онуприенко писал: «Примерно часов восемь рыли окопы, часов шесть занимались боевой подготовкой».

Из письма

Валерия Николаевича Перцева, научного сотрудника ВИМСа (Всесоюзного института минерального сырья) домой. 18.7.41 г. Из Валуева

«... Кулика отозвали вчера на работу, но он вдруг заупряился и заявил, что останется здесь. Устроился он довольно комфортабельно в собственной палатке... Кулик вчера привез из Москвы известие, что институт пока в Москве». Очевидно, ВИМС (авт.).

* * *

Последние фотографии

О пребывании 17-й дивизии НО в Бутово остался самый достоверный документ – номер «Иллюстрированной газеты», где напечатан фотоочерк известного советского фотографа Аркадия Самойловича Шайхета. В предисловии к очерку под названием «Народное ополчение» говорится:

«Часть народного ополчения Москворецкого района Москвы, которой мы посвящаем эту страницу, вышла уже на лагерную учебу».

Выдача боевого оружия ополченцам 17-й дивизии народного ополчения

На одной из фотографий очерка Леонид Алексеевич Кулик в окружении товарищей по ополчению. Под снимком: «Ученый секретарь Комитета по метеоритам Академии Наук СССР Л. Кулик, вступив добровольцем в народное ополчение, говорит: – Сейчас долг каждого боеспособного гражданина – встать плечом к плечу с бойцами Красной Армии, отстоять родную землю; покончить с фашизмом».

На следующей фотографии опять Леонид Алексеевич с товарищами. Текст под ней: «Бойцы части народного ополчения учатся рыть и маскировать окопы». Номер «Иллюстрированной газеты» вышел 20 июля, поэтому нет сомнения в том, что съемку Шайхет проводил в дивизии у станции Бутово числа 12-18 июля 1941 года.

Л.А. Кулик среди товарищей по ополчению. Фото А. Шайхета.

Из исторического формуляра 17-й сд 20.7-26.7 1941 года

«Дивизия в составе 4 сп и 2 ад совершает марш в район нового сосредоточения в Малоярославец».

Младшая дочь Л.А. Кулика Ирина вспоминает: «Во второй половине июля отец несколько раз приезжал домой. Но ночевал от силы две или три ночи. Дел было много, особенно после 16 июля, когда В.И. Вернадский вместе с другими старейшими академиками был эвакуирован в Боровое, в Северный Казахстан. На наши расспросы, чем они сейчас занимаются, отец коротко ответил: «Занимаемся постройкой аэродромов. Как только заканчиваем строительство взлетно-посадочной полосы и уезжаем, так прилетают немецкие самолеты и бомбят аэродром. А мы поблизости начинаем строить другой». Теперь-то я догадываюсь, что строили они, скорее всего, ложные аэродромы.

Последний раз он приехал в Москву на партийное собрание института, где его приняли кандидатом в члены ВКП(б). Было это в последние дни июля, числа 30 или 31, а, может быть, и первого августа. Ночами в Москве уже привычными стали бомбежки. В последнюю ночь также объявили воздушную тревогу. Мы с мамой стали собираться в бомбоубежище, которое находилось в соседнем подъезде, в красном уголке. Мама, как всегда, беспокоилась: «Нужно идти... Сейчас будет налет». Но отец наотрез отказался: «Идите... Идите... Дайте мне поспать! Ну какая вероятность попадания в наш дом? – Никакой! Сколько домов в Москве?.. И если разделить...» И тем не менее три бомбы вокруг нашего дома отгрохали. Одна на путях окружной дороги. Другая – на мосту. А третья через дом от нас в щепки разбила небольшой дом на Переяславке, правда, все обошлось без жертв.

Каждый раз, уезжая из дома, отец увозил с собой в рюкзаке то одеяло, то кружки и ложки, то миски и что-то из инструментов. Взял он с собой и свой эвенкийский охотничий нож в берестовых ножнах».

Всего не хватало в дивизии. Численность ее колебалась от 10 тысяч до 7,5 тысячи. Как указывается в документах: «Во время пребывания в лагере ряды дивизии вновь пополнились за счет ополченцев районов Московской области. Дивизия имела в своем составе более 15 тысяч человек, что намного превышало ее штатную численность». В сентябре 1941 года в отчете военного отдела Москворецкого района перечислено техническое обеспечение дивизии, где фигурировали: и 45 грузовиков, и походная типография, 5 легковых автомашин и 400 мотоциклов, две походные кухни, 45 раскладных кроватей и 5 биноклей...» Не лучше обстояло дело с вооружением. В специальной литературе приводится перечень: «Личного состава – 9300 человек, винтовок и карабинов – около 6000, ручных пулеметов – 82, станковых пулеметов – 167, из них 160 системы «кольта». Минометов – 40, орудий – 54, лошадей – 1400, автомобилей – 128».

И все это на дивизию, численностью почти 10000 человек!

* * *

На дальних подступах к Москве

Второго августа Леонид Алексеевич уезжал из Москвы уже не в Малоярославец, а спешил догонять свою дивизию в Спас-Деменск, так как сюда приказом по 33-й армии она была переброшена по железной дороге и должна была занять рубеж Бураки-Подлесное. Полоса обороны составляла 12 километров по фронту.

Очевидно, в первые же дни после прибытия в полк и было написано на обратной стороне плаката следующее заявление:

«В бухгалтерию Геологического института Академии Наук СССР. Ополченца 1-го стрелкового полка Москворецкой дивизии, б. ученого секретаря Комитета по метеоритам АН СССР Л.А. Кулика.

Адрес: Действующая Красная Армия, Полевая почта № 527. Почтовый ящик 46.

Сейчас наша часть решила отчислить свой однодневный заработок в фонд обороны страны. Поэтому прошу Вас впредь до окончания войны отчислять ежемесячно мой однодневный заработок в фонд обороны.

Леонид Кулик. 6.8.1941 г.»

В это же время написано и письмо домой. Оно без даты.

«Милые, дорогие мои!

Что у вас? Как у вас? Поправилась ли Ирушка? Что с ней было? О каком разрушенном академическом доме пишут газеты? Я здоров и не испытываю неудобств. Жизнь течет нормально. Погода – тоже не обижает. Перепадали дожди, но больше стоят ясные дни и ночи; последнее даже – не выгодно, т.к. к утру (сегодня особенно!) довольно свежо, и выручает фуфайка и движение. Связь начинает налаживаться: я получил твое, Лидуша, письмо, где ты говоришь о том, что несколько раз писала о моем деле в райкоме и о том, чтобы Викт. Конст. прислал свою доверенность на зарплату; к сожалению, это письмо было без даты. Ребята тоже начинают получать потихоньку письма и даже посылки. Я послал тебе с оказией записку и свои очки для починки. Не знаю, получила ли ты их. Пишите чаще, наш точный адрес на этот день и месяц: «Действующая Красная Армия. Полевая почтовая станция 924. 1-й стрелковый полк. Саперная рота. Мне.

Передай привет знакомым и друзьям в институте. Как у вас в библиотеке дела? Кто уже передвинулся в провинцию?! Сердечный привет. Крепко целую. Леня».

Из документов известно, что в течение августа и сентября дивизия строила оборону: были отрыты окопы полного профиля (основные и запасные), ходы сообщения, подбруственные ниши, блиндажи, оборудованы огневые позиции артиллерии и минометов, командные и наблюдательные пункты, полевые склады, заминированы подходы к переднему краю и некоторые участки в глубине. А перед передним краем на всем фронте дивизии – сооружен противотанковый ров.

Из письма Л.А. Кулика с фронта дочери Ирине (от 12.9.41 г.)

«...Живу я в нашей палатке вместе с командным составом, забочусь о хозяйстве и боевой материальной готовности нашей части, а поэтому целый день – в беготне. Есть у меня и пять лошадок; им я очень рад, хотя возни они мне добавили. Наш день начинается в пять часов, и сумерки обрывают работу: «ни ламп, ни свечей!» Если пришлешь елочных, скажем спасибо. Теснота в палатке, и дожди мешают писать; утренники в ясную погоду тоже приводят в движение не руки, а ноги; жратвенные вопли в часы еды тоже вносят дисгармонию в добрые намерения написать домой открытку. И вот, наконец, я пишу. Злобой дня у нас, конечно, – фронтовые события, особенно военные действия под Ельней (читай «Правду» за 9 сентября).

Глубоко тронут был посылкой и поздравлениями с днем рождения, полученными с некоторым опозданием. Умилили и ассортимент, и тщательность упаковки, и милые домашние мешочки. Сознаюсь: некоторые вещи были очень недолговечны. Твое пожелание, милая дочурка, к

сожалению, увы – невыполнимо: растет горб, и рост укорачивается к старости, и мозги регрессируют! Таков закон природы. Да иначе и быть не может: в противном случае все хотели бы быть стариками, и переходить от такого расцвета и пышности к небытию было бы слишком тяжело. Природа – она умная: она устроила так, что старикам с их старческими недомоганиями жизнь в конце концов становится в тягость. Однако, пока – я еще не одряхлел и не чувствую всех этих... наоборот – своей энергией крою всю свою часть... несмотря на осень, дожди и горечавку...»

Следующее письмо Леонида Алексеевича от 16 сентября передано с товарищем, едущим в Москву. Оно в чем-то повторяет предыдущее письмо, а в чем-то и дополняет.

«...Жизнь идет у нас по-прежнему. Живу с командирами в своей палатке, через дырявый верх которой перебросили брезент; получилось удовлетворительно: не прошибает даже в ливни; ночью – тепло, даже в заморозки. Ночью одетый, т.к. часто тревожат по должности и ночью; я ведь теперь – старшина; хлопот прибавилось, т.к. людской достав удвоился, да сверх того получили 5 лошадей и три телеги... Относительно здоровья моего не беспокоюсь: со времени вступления в ряды ополчения я еще ни разу не чихнул, хотя пришлось бывать и под дождем, и промокать до нитки; очевидно, еще кое-какая устойчивость сохранилась!.. Чем кончилось совещание директоров? Где будет институт?... Пришли мне из цветных карандашей, которых у нас много, несколько штук поярче. Тоже – несколько штук замков. Очень было бы удачно, если бы спроворили бы выслать фонарь «летучую мышь», ясно, его нужно выслать отдельной посылкой. Возможно, что мы скоро будем рыть себе землянки, т.к. наступает осень. Чаше пишите открытки».

* * *

Встреча с журналистом

В то время, когда в дивизиях Резервного фронта, стоящих на подступах к Спас-Деменску, продолжались оборонительные работы, севернее, в районе Ельни, развертывалась, первая за время войны, наступательная операция по ликвидации так называемого ельнинского выступа.

К началу этой операции в 24-й армии генерал-майора Ракутина находилась группа корреспондентов газеты «Красная звезда». Среди них был и писатель Василий Ильенков, написавший там очерк о командире полка полковнике Иване Некрасове. Очевидно, уже после завершения ельнинской операции Василий Ильенков побывал и в дивизиях 33-й армии. Видимо, здесь и состоялась его встреча с Леонидом Алексеевичем Куликом. Скорее всего, Василий Павлович собирал материал для очередного очерка в «Красную звезду», но дальнейшие события под Спас-Деменском развивались так, что работу над очерком пришлось отложить. Позднее, уже после войны, работая над романом о войне, Ильенков использовал собранный для очерка материал.

В его романе «Большая дорога» легко узнается Спас-Деменск (Спас-Подмошье) в 300 километрах от Москвы. И образ Кулика (в романе Викентий Иванович Куличков). Здесь и служба в армии в первую мировую войну, и дело его жизни («Я тридцать лет ищу свой метеорит, упавший в якутской тайге, и не могу найти...»), и любовь к цветам, уход в народное ополчение и ходатайство Академии Наук об отзыве его в Москву. Здесь же в романе самое достоверное описание внешности Леонида Алексеевича. «Высокий, худой, с острой бородкой и сердитыми глазами, с длинным охотничьим ножом у пояса, он был похож на Дон-Кихота».

Из письма Л. А. Кулика дочери Ирине от 24.9.41 г.

«...Был ужасно длинный и неприятный циклон. Вчера он кончился, и ночью прояснилось, и сегодня весь день – ясный и солнечный; но утром был мороз и инеем покрылись все открытые места. Наступила осень. Вчера еще всюду была зелень, и зеленая окраска господствовала в лесах; а сегодня пожелтела береза и почернела картофельная ботва, а клен зардел пурпуром... Лето кончилось».

К концу месяца и в войсках, и в Ставке было ясно, что не за горами крупное наступление немцев на Москву. Поэтому своими директивами Москва требовала от Западного фронта «Перейти к обороне, прочно закопаться в землю», создать фронтовые и армейские резервы, вести систематическую разведку, повысить боеготовность войск. Но фактически до конца сентября армии фронтов на отдельных участках пытались наступать, и на выполнение требований Ставки о переходе к жесткой обороне не осталось необходимого времени.

В связи с ожидаемым наступлением немецких войск, командование Резервного фронта передало армиям первого эшелона 2 дивизии 33-й армии. А в составе 33-й армии осталось всего 3 дивизии. Это 60 сд (1 дивизия НО Ленинского района), 17 сд (17 дивизия НО Московорецкого района) и 173 дивизия (21 дивизия НО Киевского района). Они и составили 2-й эшелон Резервного фронта. И теперь полосы обороны дивизий пришлось соответственно расширить.

* * *

Под знаком Марса

Из письма Л. А. Кулика домой

«28/IX 1941 г... Лагерь. Палатки. Землянки. Величественный Млечный Путь над головой. Яркие лучистые камни драгоценным шатром бесценным покрыли Землю, и в несказанной красоте меж ними ровный свет льют и огромный золотистый Юпитер, и тускло-свинцовый Сатурн, и зловещий оранжево-красный Марс; он идет впереди всех этих планет: он раньше них восходит и долго стоит высоко в небе, озаряя объятые ураганом войны и безумия земли, в том числе и мою несчастную страну...»

29-го сентября командующий армии поставил 17-й стрелковой дивизии новую боевую задачу, расширив полосу ее обороны к югу до 32 километров, вместо прежних 12 километров. Готовность обороны устанавливалась к 7 часам 30 сентября. Заняв новые участки обороны, части не успели как следует их освоить, боевые порядки полков, выстроенные в один эшелон, имели промежутки, не прикрытые подразделениями и системой огня. Особую тревогу вызывало левое крыло обороны, где образовался большой разрыв с соседней 173-й дивизией.

1312-й полк, где Леонид Алексеевич был старшиной саперной роты, первоначально находился в первом эшелоне дивизии и оборонял непосредственно Варшавское шоссе и район севернее его. Теперь же, после перестановок, полк был выведен во второй эшелон обороны дивизии и стал защищать Варшавское шоссе перед хутором Ново-Александровское и юго-западные подступы к Спас-Деменску.

До начала же немецкого наступления, под кодовым названием «Тайфун», оставался всего один день. И, конечно, ополченцы не знали тогда, что в полосе Варшавского шоссе против наших войск (на фронте 60 километров) готовились к наступлению 17 немецких дивизий, из них 5 танковых. Фашисты превосходили наши войска по живой силе в 5-6 раз, по танкам, авиации и артиллерии в 8-10 раз. Не знали ополченцы и того, что в бой с ними вступит снятая из-под Ленинграда 4-я танковая группа Гепнера, а поддерживать ее будут дивизии СС «Рейх» и «Великая Германия».

Пройдут десятилетия, и военные историки будут цитировать обращение Гитлера к войскам 2-го октября: «За три с половиной месяца созданы наконец предпосылки для того, чтобы посредством мощного удара сокрушить противника еще до наступления зимы. Вся подготовка, насколько это было в человеческих силах, закончена... Сегодня начинается последняя, решающая битва этого года».

2-го октября после артиллерийской и авиационной подготовки с рубежа реки Десны фашисты перешли в наступление. В первый же день врагу удалось прорвать оборону первого эшелона Резервного фронта, продвинуться на 20-30 километров.

Сейчас, когда почти не осталось участников этих событий, трудно по одним приказам и коротким донесениям восстановить истинную картину тех трагических дней. В кратком описании их я буду

касаться, в основном, событий, связанных с 1-м батальоном 1312-го полка 17-й стрелковой дивизии, где сражался Л.А. Кулик.

С утра 2-го октября части 17-й дивизии были приведены в полную боевую готовность: сняты ограждения с минных полей, взорваны перемычки в противотанковом рву.

* * *

На Варшавском шоссе

Из доклада командира 17-й сд

«С утра 3.10.41 г. до половины дня 4.10 через дивизию, в основном через 3-й сп (Стар. Ближевичи, Латыши) прошли на восток 53-я, 149-я и 5-я сд. 17-я сд, пропустив части, продолжала оборонять свою полосу». По воспоминаниям участников этих событий, с утра 3-го октября вражеская авиация группами от 12 до 45 самолетов начала бомбить оборону дивизии. Потом на протяжении всего дня большие группы немецких танков при поддержке мотопехоты предпринимали попытки прорвать оборону, но, получив отпор, стали обходить дивизию с юга, используя большой разрыв с соседней дивизией. Обстановка складывалась весьма тревожной. В разрыв двигались две танковые дивизии, которые к концу дня вошли в район Гайдуки, где находился штаб 33-й армии, угрожая глубоким обходом обороны 17-й дивизии с востока. Связь с командующим и штабом 33-й армии прервалась.

Командир дивизии принимает решение ввести в бой 2-й и 3-й батальоны 1312-го полка. Теперь рубежи дивизии растянулись по фронту более чем на 45 километров. В резерве оставался только 1-й батальон 1312-го полка в районе Крисилина, оборонявший Варшавское шоссе.

Из письма Л. А. Кулика домой

«3-4/X 41 г. Большой привал на подступах к фронту. Полночь октябрьская. Силуэты строений. Мерно жуют кони. Бойцы лежат на земле под заборами и постройками. Глухое предбоевое напряжение: сдавленные голоса, зловещий шепот. И над всем в избыточествующей роскоши блеска – лучезарная шмальтово-синяя риза, искрящая непередаваемой красоты огнями, а посреди нее высоко над головой – ровно льющий свой красноватый свет, зловещий Марс, бог войны, бог разрушения и изуверства, губитель культур, бог эллинско-латинского пантеона».

Но это письмо, как и другие, дошло до нас значительно позднее. С рассветом 4-го октября ожесточенные бои вновь развернулись по всей линии обороны. Теперь на позиции дивизии наступали танковые группы по 50-60 танков. Десятки танков дымились на поле боя, но и наши подразделения понесли большие потери: ранены многие командиры батальонов, рот и взводов.

Около полудня, колонны 5-й танковой дивизии врага, обходя оборону 1312-го полка с востока, начали движение на север в направлении хутора Ново-Александровского. Командир дивизии вынужден был развернуть на Варшавском шоссе фронтом на восток свой последний резерв – 1-й батальон 1312-го полка капитана К.М. Сорокина. До 10-ти танков и несколько мотоциклов противника из Верхуличей повернули на запад в тыл обороны полка. Огнем артиллерии, развернутой на прямую наводку, и крупнокалиберных пулеметов роты ПВО два танка были подбиты, остальные повернули обратно.

С наступлением темноты командованию дивизии стало известно о занятии вражескими танками Спас-Деменска. Танковые дивизии врага вышли на Варшавское шоссе в районе Куземки и Ерши.

Из доклада командира 17-й сд

«...К 17.00 4.10 с.г. группа танков до 25-30 с мотопехотой заняли Ново-Александровское и до 50 танков с пехотой район Спас-Деменск. 17-я сд приняла круговую оборону, имея выход только на участок 60-й сд.

В 22.30. 4.10 с.г. было принято решение на выход из окружения. Поставлена задача сделать прорыв через Иноть на Парфеново в лесной массив и пробиться к своим частям.

В 23.00 получил по телефону устное распоряжение командира 60-й сд генерал-майора Котельникова (старший начальник по службе): выходить из окружения по маршруту: Каменка, Проходы, Сельцо, Мал. Внегоши, Старики (связи с армией не было).

Отход прикрывался одним полком 60-й сд и вторым полком 17-й сд, последний снялся с рубежа обороны (второе положение) в 2.30 5.10.41».

* * *

Письма из Борового

В семейном архиве хранятся письма и открытки военных лет из Борового от Владимира Ивановича Вернадского и его личного секретаря А.Д. Шаховской. Анна Дмитриевна была человеком необычной судьбы: правнучка декабриста, дочь видного государственного деятеля Дмитрия Ивановича Шаховского, с которым Вернадского связывала многолетняя дружба. Когда же Д.И. Шаховской в 1939 году был репрессирован, Владимир Иванович, помогая семье друга, пригласил Анну Дмитриевну стать его секретарем. Все письма из Борового напечатаны Анной Дмитриевной на машинке. Владимир Иванович их только подписывал. Еще в конце 1941 года он писал Александру Павловичу Виноградову: «...Глаза мои совсем испортились. Вижу звезды днем, иногда все двоится и четверится и, по-видимому, ничего сделать нельзя». Вот фрагменты из писем, никогда не публиковавшихся.

Первая открытка от Анны Дмитриевны уже не застала бабушку в Москве. Еще 26 ноября она с младшей дочерью выехала в Миасс, куда была эвакуирована часть сотрудников Института геологических наук. «...Как Вы живете? Есть ли весточки об Л.Ал.? Влад.Ив. очень просит Вас написать ему об этом, беспокоится о нем. Все время думаем обо всех, оставшихся в Москве, как трудно вам живется. Но крепко надеемся на лучшее будущее».

Уже к середине ноября стало известно, что часть Леонида Алексеевича попала в окружение. Об этом бабушка писала моей матери в Уфу, где она работала в геологической экспедиции. «Скажу одно - хожу, как лунатик, ничего не вижу, времени и пространства не замечаю. Положение таково: от папы писем нет уже полтора месяца. Их часть рассеяна, была окружена. Вышли пока двое – один раненый, а второй здоровый. С 4-го октября они о папе ничего не знают. Очень боюсь, что нашего папы уже нет в живых».

Письмо второе от В.И. Вернадского от 13 февраля 1942 года.

«Дорогая Лидия Ивановна!

Очень обрадовался, услышав, что Л.А. благополучно вышел из окружения и, как мне писали из Свердловска, зачислен в какую-то воинскую часть. Но третьего дня проезжала из Казани наша сотрудница из Биогела СВ. Одинцова и сказала, что она слышала, как будто он ранен. Пожалуйста, сообщите, что Вы знаете...»

Письмо третье из Борового от В.И. Вернадского от 15 августа 1942 г.

«Дорогая Лидия Ивановна!

Я слышал, что Вы имеете известия об Леониде Алексеевиче и что Вы хотели меня об этом известить. Но от Вас ничего не получал. Боюсь, что письмо пропало. Очень прошу меня известить об Л.А. Видел недавно Вашего внука, он прекрасно выглядит и очень милый мальчуган. По-видимому, ему там хорошо. Он очень интересуется камнями, будет натуралистом...»

Письмо четвертое из Борового от В.И. Вернадского от 11 ноября 42 г.

«Дорогая Лидия Ивановна!

Очень благодарю Вас за присылку отрывков из письма Леон. Алексеев. Надеюсь, что он выйдет из того ужасного положения, которое ему приходится переживать...

Всего лучшего. Если будут какие-нибудь известия о Л.А. – держите меня в курсе...»

В последнем письме из Борового в апреле 1943 года А.Д. Шаховская писала Лидии Ивановне: «В.И. очень надеется, что Леонид Ал. жив и вернется. Мы живем ничего, надеемся на переезд в

Москву летом или осенью. Вл.Ив., как обычно, много работает, но очень страдает от своей утраты. Не легко остаться одному. Но ничего не поделаешь». В первых числах февраля 1943 года скончалась Наталья Егоровна – жена, друг и помощник, с которой он прожил более 56 лет.

Через многие годы, уже после смерти матери, я нашел ее блокнот, который она вела в Уфе в 1942 году. В нем выписки из произведений любимых писателей и поэтов. Здесь Пушкин и Байрон, Тютчев и Паустовский. Но одно из первых стихотворений – симоновское «Жди меня».

Жди меня, и я вернусь. Только очень жди...

* * *

Последние весточки

Самого же Леонида Алексеевича семья так и не дождалась. Вернулись только письма.

«6/X. Дремучий лес. Октябрьская ночь. Узкая дорога забита подводами, орудиями, машинами, лошадьми, бойцами. На опушке бой: трещат винтовки и пулеметы, оглушительно бухают орудия, снопами метеоров просекают воздух очереди немецких трассирующих пуль; впереди гремит и затихает ура; в тылу – организационная сумятица и бестолковые крики; стоны и первые белые перевязки раненых и мешковатые тела убитых. И сквозь ажур ветвей с полуночного неба на все это льет свой зловещий красноватый свет планета Марс, символ древнего бога проклятой войны. Я иду навстречу ему с хлюпающей в сапоге кровью: «Я принес тебе, кровавый, свою жертву! Возьми ее. Возьми ее и уйди с путей страны моей родной».

Письмо Леонида Алексеевича

Кулика домой

«Милые, дорогие, далекие!

Сегодня – 21 октября 1941 проклятого года. Районное село Выходы. Смоленской области. «Поздняя осень, грачи улетели, Лес обнажился, поля опустели...»

Пасмурно, ветрено, дождливо; снег стаял; трепещут оставшиеся на деревьях листья и летят в одиночку по воздуху. В селе безлюдно; люди прячутся в немногих пригодных для жилья зданиях. Оживлен лишь тракт, по которому движутся немецкие машины всех видов и размеров и иногда длинные эшелоны пленных.

Горе осенило своим крылом Родину! Кто же я и что же я?

Сейчас я прежде всего – раненый. Рана на ноге улучшается, но медленно, т.к. я растрavляю ее: толкусь с утра до вечера, ибо я, во-вторых, – санинструктор, а проще говоря – санитар при временном лазарете для советских раненых в с. Выходы. Под это учреждение занят бывший родильный дом. Все в нем разрушено, растащено, загажено. Клиентура сейчас исключительно хирургическая. 5 палат с 7-15 ранеными в каждой. Бойцы, женщины, местное население: все жертвы бомбежки и пулевых ранений. Антисанитария вопиющая кругом. Врачи – военнопленные.

Сперва я был на перевязках и операциях и по уходу по лазарету без прикрепления к палатам. Теперь за мной сохранили на операциях – общий наркоз и прикрепили детскую палату. В ней 6 пациентов: Маня, Нина, Паня (3-5 лет), Ваня (12 лет), Дуся и Поля (17 лет), Маня, Нина и Поля – сестры, попавшие под бомбежку; Маня уцелела, Нине ампутировали руку; Поля – с травмой обеих ног; мать их убило. Паня ранена в обе ноги; родители погибли. Дуся с огнестрельной раной и осколком в ноге. Ваня поднял гранату и получил ранение в область левой щеки и глаза и в живот; славный парнишка; его положение тяжелое. Стоны, охи и плач день и ночь! С питанием – скудно: основа – картофель. Иногда приходят местные жители и приносят немного хлеба, молока, а своим близким даже мясо. Лазаретные фуражиры добывают изредка капусту, свеклу и т.д.

Приходят и патриоты, будущее родины, своим словом участия и соболезнования желающие облегчить страдания раненых. Им мы передаем свои письма с просьбой отправить по восстановлению почтовой связи. Это письмо идет таким же путем.

Родные мои, как бы я хотел знать, что с вами, здоровы ли вы! Я трепещу за вашу судьбу. Крепко целую Вас заочно и рвусь к вам.

Ваш Леня».

Второе и последнее письмо

Л. А. Кулика из плена

«28.10.1941 г. Вскоды (село такое!) Временный лазарет в родильном доме для советских раненых. Глухая полночь. Густой трупный смрад от загнивших ран – во всех палатах; плотный тягучий липкий воздух насыщен стонами, животным воем, дикими выкриками. В детской комнате (тоже жертвы войны!) – та же картина плюс вонь мочи и кала. Нестерпимо душно. В тусклом полумраке (от коптилки) страдальчески светится голубой глаз (другой – выбит!) мальчика, хорошего мальчика с разорванным осколком животом. А с другой стороны в верхнюю шибку окна кровавым глазом гипнотизирующе глядит все она же, кошмарная планета Марс; и жутью веет от этого недремлющего огненно-красного ока, от мысли, что над всей родной землей распростерлась эта эмблема войны, горя, разорения и гибели культуры!»

Эти последние письма нашли своего адресата уже после освобождения Вскодов от немецко-фашистских войск. Приходили сообщения от товарищей, которые вместе с Леонидом Алексеевичем были в госпитале для военнопленных, от жителей села Вскоды, с которыми он сам встречался.

Вот что писал И.А. Федосеев (будущий доктор географических наук, сотрудник Института истории, естествознания и техники АН СССР): «Ранение у Леонида Алексеевича было не тяжелое, он мог быть угнан с очередной колонной дальше в тыл. Во избежание этого организаторы лазарета – русские военнопленные врачи из Москвы Поздняков и Барон оставили его при лазарете в качестве санитаря.

Жизнь в лазарете была тяжелой. Первые 1,5-2 месяца раненым не давали никакой пищи, кроме 5 штук мерзлой картошки, выкопанной врачами и санитарями на больничном огороде. Люди гибли от ран и от голода. Перевязывать и лечить раны было нечем. Леонид Алексеевич, сам больной и истощенный, дни и ночи находился среди раненых, помогал всем, чем мог, не гнушаясь никаким трудом.

Рассказами о своей жизни, о нашей великой Родине хоть на часы отвлекал он товарищей от кошмара плена. У него не было колебаний и сомнений. Все свои научные планы он строил, как и все советские ученые, убежденные в неизбежном разгроме фашизма, в победе Родины».

Из письма Марии Францевны Заккис - учительницы с. Вскоды

«...Числа 12 октября заходит ко мне в квартиру старичок высокого роста, в длинном клеенчатом фартуке и просит утюг, чтобы погладить белье (для уничтожения паразитов). Разговорились. Познакомились. Семья моя большая была, его окружили трое внучат с расспросами. Жену моего сына зовут Лидия Ивановна, а младшая дочь Тамара оказалась ровесницей Вашей Ирочке, и вот Л.А. и потянуло к нам. Работал он санинструктором, а потом и санитаром в госпитале. Работал так, как почти никто, и свободные минутки проводил у нас...

...Иногда Л.А. усаживался за стол и писал. Написал статью о черной крысе в журнал «Юный натуралист» и писал статью об астрономии, окончить ее не удалось, говорил он, но статья даст такую новость, которая еще никому не известна. Приходя к нам, он всегда приносил свой паек (50-100 г конины), чтобы его превратить во что-либо съедобное. У меня тоже имелась конина, и вот нам с дочерью удавалось что-либо сготовить, а Новый год, между прочим, мы даже с пельменями встречали.

...Утром 12 марта немцы решили бежать со Вскод, приказали населению, а также военнопленным спешно готовиться в дорогу. Я выбрала минутку и забежала к раненым... Большинство готовилось к чему-то страшному. Л.А. сказал, что останется во Вскодах (в этот момент уже решили население оставить на месте) и вечером будет в моей квартире... Но много вечеров прошло, а Л.А. не

приходил. Я твердо знаю, что к побегу Л.А. все было готово, а почему он не остался, я и сейчас не знаю».

Из рассказа жительницы Выходов Лидии Азаровны Баклановой (ей в то время было 15 лет)

Именно она должна была проводить Леонида Алексеевича в партизанский отряд «Северный медведь», где находился ее старший брат. Придя в условленное время в госпиталь за Куликом, она по его просьбе увела в отряд женщину-врача. А Леонид Алексеевич заверил ее, что сам пойдет в следующий раз. Но когда Лида вернулась из отряда во Выходы, было уже поздно... Раненых немцы вывезли в Спас-Деменск. Тогда, весной 1942 года, мало кто сомневался в близком освобождении Спас-Деменска, ведь линия фронта проходила совсем близко. Но Спас-Деменский выступ просуществовал еще почти полтора года. Уже прогремели бои на Волге, развертывалась Курская битва, и немцы были вынуждены перебрасывать резервы на юг. Тут и началось наступление наших войск по ликвидации Спас-Деменского выступа. В августе 1943 года наконец-то Спас-Деменск был освобожден.

* * *

В Спас-Деменске

Письмо гр. г. Спас-Деменска Я. И. Гольцова

Московской Академии Наук

«Сообщаю, что 14 апреля 1942 года в 19 часов 30 минут умер профессор Кулик Леонид Алексеевич от тифа в г. Спас-Деменске Смоленской области и погребен на городском кладбище. Могила сохранена до сих пор, несмотря на 2-годовичную оккупацию города немцами... Условия его жизни последнего времени известны мне, так как он похоронен мною и жил в квартире моей родственницы. Все, что необходимо знать о покойном, я всегда сообщу на запрос... Оставшиеся после смерти покойного его труды вчера, т.е. 20-го сего августа, мною по требованию особого отдела НКВД сданы последнему. Наш город только еще 3 дня как освобожден от немцев.

Адрес жены покойного я потерял, поэтому прошу, если возможно, сообщить ей об этом, это была просьба Леонида Алексеевича при его жизни. Память покойного чту и могилу его сохраняю. 21 авг. 43 г. Я. Гольцов». Позднее приходили и другие письма...

Из письма И. Ю. Качинской

«...11 марта 1942 года, когда к д. Выходы подходили войска Красной Армии, наш госпиталь был эвакуирован в г. Спас-Деменск. Леонид Алексеевич остался в госпитале на Морозовской горке. В этом госпитале была эпидемия тифа. Здесь проф. Кулик заразился сыпным тифом и умер. Бытовые условия в лазарете были скверные. Проф. Кулик жил вместе с санитарями, спал на полу, на соломе, так как никакого постельного белья не было, также не было и носильного белья. Проф. Кулик и другие пленные спали не раздеваясь. Преждевременная смерть Кулика наступила от невыносимых условий, созданных оккупантами».

Из письма медсестры А.М.Победоносцевой

«...В один мартовский вечер была метель, к нам в лагерь привели отряд – человек 30 русских пленных медработников. Среди них был и Леонид Алексеевич. Большая часть медработников, так же, как и больных, с которыми они прибыли, были отправлены в г. Рославль, а Леонид Алексеевич и еще несколько человек были оставлены у нас. Вот тут-то я и узнала о том, что с октября 41-го он, попав в плен, был санитаром во Выходах до закрытия этого госпиталя. Исполнял всю тяжелую работу, а также занимался и тем, что помогал на перевязках и сам перевязывал. Время было трудное, никакого пайка не выдавали. Жили тем, что собирали мерзлый картофель и всякую падаль, лошадей главным образом. Попав к нам, он попал на такое же довольствие, если даже не худшее. К тому же мы содержались под строгой охраной... Один раз при посещении госпиталя заведующим, или как они, т.е. немцы, называют, «шефартц», ему наш старший русский врач сказал, что у нас есть русский ученый. Нельзя ли как-либо улучшить его питание, принимая во внимание его возраст. Он усмехнулся, пожелал его видеть. Через переводчика с ним говорил,

Леонид Алексеевич не захотел с ним говорить по-немецки. Врач предложил ему дать свои труды им, но он категорически отклонил это предложение. Положение его не было улучшено.

В госпитале у нас в то время свирепствовал сыпной тиф... а мы, работающие в палатках, были завшивлены до невероятности, и он заболел в первых числах апреля, а 14.04.42 г. умер.

Все же перед смертью, уже во время его болезни старший врач упросил администрацию перевести его в дом напротив нашего лагеря. Там было тепло, и у хозяйки была корова, но было уже поздно. Его изнуренный голодовкой организм не выдержал, и он погиб. Мы сделали надпись на надгробном памятнике и похоронили его не в общей могиле, как всех, и не сняли с него рубашку, что мы делали, чтобы одеть оставшихся живых, которые буквально были голыми даже и зимой».

* * *

Память

Могила Л.А. Кулика

Шли годы. Стараниями жителей Спас-Деменска, краеведов и школьников могила Леонида Алексеевича Кулика была сохранена и за ней следили. Первое время из-за тяжелого материального положения мы не могли даже съездить в Спас-Деменск, не говоря уже о памятнике. Ведь пенсия за Леонида Алексеевича при оформлении оказалась меньше бабушкиной по старости.хлопотать же о персональной пенсии было некому: к этому времени ушли из жизни и Вернадский, и Ферсман. Правда, Академия Наук дважды выделяла скромную сумму на приведение в порядок могилы. Но ее не хватало на установку памятника. Позднее, когда финансовое положение семьи улучшилось, мы за свои средства изготовили и привезли памятник и ограду. А установить их помогли руководители района. Самое активное участие приняли жители города.

И сегодня на самом высоком месте города, на городском кладбище, рядом с братскими могилами солдат, погибших при освобождении города в августе 1943 года, под тенью старых берез стоит скромный памятник на могиле Л.А. Кулика.

В 1958 году к 50-летию падения Тунгусского метеорита Министерство связи СССР выпустило в обращение почтовую марку, посвященную этой дате. Автор – художник Алексей Завьялов.

А в 1970 году Международный астрономический союз принял 513 названий для объектов обратной стороны Луны, увековечив ряд имен, занимающих почетное место в истории человечества. В этот список вошли имена выдающихся ученых из различных областей знаний – географии и геологии, математики и биологии, астрономии и медицины, физики и химии. И здесь на карте обратной стороны Луны встретились имена В.И. Вернадского и А.Е. Ферсмана, СВ. Орлова и Г.А. Тихова, Н.А. Морозова и О.Ю. Шмидта, К.Э. Циолковского и СП. Королева. А кратер с координатами 42° сш и 155° зд назван именем Кулика.

В декабре 1984 года Елене Леонидовне Кулик вручили «Почетное свидетельство», в котором говорилось, что Институт теоретической астрономии, возглавляющий в Советском Союзе работы по малым планетам, настоящим свидетельствует, что малая планета № 2794, открытая советским астрономом Н.С Черных, получила название в честь Леонида Алексеевича – малая планета КУЛИК.

Фрагмент карты обратной стороны Луны с кратером Л.А. Кулика

Еще в довоенное время участники экспедиций отмечали, что год от года следы катастрофы все менее заметны. И если первые полстолетия уникальную местность сберегали от человека тайга и болота, со всеми их «прелестями», то теперь она практически открыта для каждого, были бы деньги на самолет до Вановары и на вертолет до заимки.

Отрадно слышать, что сейчас вся территория места падения стала заповедником и охраняется законом. И уже не станет пророческим рисунок В. Антокольского из журнала «Мироведение» за 1929 год.

Под рисунком подпись: «Л.А. Кулик «Одно из двух: или здесь упал метеорит, или побывала профсоюзная экскурсия!»

* * *

Вместо послесловия

Пусть меня простят вчерашние и сегодняшние участники комплексных самостоятельных экспедиций и другие энтузиасты изучения Тунгусской проблемы. Я не берусь даже поверхностно касаться послевоенных экспедиций к месту падения и их результатов. О них достаточно много написали сами участники. За эти годы было проведено более 50-ти экспедиций, а количество «тунгусоведов» исчисляется многими десятками, если не сотнями. В их распоряжении приборы и аппаратура, о которой и не мечтал Леонид Алексеевич Кулик. Побывали на «Великом Болоте» многочисленные ученые и туристы из зарубежных стран. Иное время настало в науке. За прошедшие годы она сделала поразительные шаги в неведомое. И по сей день выдвигаются все новые и новые гипотезы по решению «Загадки века». К настоящему времени ученые насчитывают их более ста. За это время издано большое количество монографий, книг и брошюр на эту загадочную тему. Здесь научно-популярные и художественные, приключенческие и фантастические. И если собрать сегодня всю эту литературу и вырезки из периодической печати, то потребуется небольшой книжный шкаф. Но и сегодня, в канун столетия Тунгусского феномена, окончательно тайна его так и остается не раскрытой!

* * *

Основные даты жизни и деятельности Л.А. Кулика

1883, 1 сентября (19 августа ст. ст.) – Леонид Алексеевич Кулик родился в г. Тарту (Дерпте).

1884 – Семья Куликов переехала на юг Украины.

1891 – Леонид Кулик поступает в Бобринецкое уездное училище.

1893 – Семья переезжает в г. Елизаветград. Леонид переведен в Елизаветградскую гимназию.

1894 – Смерть отца – Алексея Семеновича Кулика.

1896 – Переезд семьи в г. Троицк Оренбургской губ.

1903 – Леонид Кулик окончил с золотой медалью Троицкую классическую гимназию. Поступил в С.-Петербургский Лесной институт.

1904 – За участие в студенческих выступлениях от числен из института и призван на военную службу. С 19 августа Леонид Кулик – вольно

определяющийся 22-го драгунского Астраханского полка (г. Тирасполь).

1905 – Начало революционной деятельности в РСДРП Тирасполя. Осенью зачислен вольно слушателем физико-математического факультета Казанского университета. Принимает активное участие в революционных выступлениях в рядах РСДРП. 15 декабря – произведен в прапорщики запаса армейской кавалерии по Казанскому уезду.

1906 – В начале года, уходя от ареста, перебирается за Урал. Работает ночным корректором в троицкой прогрессивной газете. Становится председателем Троицкой организации РСДРП(б) и секретарем местного общества приказчиков и конторщиков. Осенью организует побег революционера В.П. Рукавишникова из Троицкой тюрьмы. Смерть матери - Софьи Кирилловны Кулик.

1907-В августе после жандармского обыска на хуторе, где хранилась нелегальная литература, Леонид Алексеевич с младшим братом Алексеем находился под судом. Были на свободе под поручительство. Женился на Лидии Ивановне Кондарацкой.

1908 – Переезд в г. Миасс. С 20 августа работает в Миасской лесной горнозаводской даче лесным кондуктором. Родилась дочь Зоя.

1910 – В апреле родилась дочь Елена. В мае судился в г. Челябинске выездной сессией Саратовской судебной палаты «за хранение в целях распространения нелегальной литературы». Умерла дочь Зоя.

1911 – В начале года вместе с братом Алексеем отбыл заключение в Троицкой крепости. Не позднее 11-го июня встречается с академиком В.И. Вернадским. Прикомандирован к Радиевой экспедиции Академии Наук. Производит топографическую съемку Ильменских гор.

1912- Летом участвует в работе Радиевой экспедиции Академии Наук. Получает право на проживание в столице и переезжает в С.-Петербург. Работает в Геологическом и минералогическом музее Академии Наук в качестве каталогизатора-минеролога. В сентябре поступает на физико-математическое отделение С.-Петербургского университета.

1913 – Летом работает на месторождениях Южного Урала.

1914- Летом продолжает работы на Блюмовской копи. 26 августа призван из запаса на действительную службу на германский фронт.

1915 – Командирован в Петроград на учебу.

1917 – В июле возвращен с фронта и зачислен лаборантом в Центральную научно-техническую лабораторию Военного ведомства с переименованием в войсковые техники.

1918 – В апреле командирован в г. Кашин Тверской губ. для изучения обстоятельств падения метеорита. В июне командирован Центральной лабораторией Военного ведомства на Южный

Урал. Оказавшись под Екатеринбургом в местах, занятых белогвардейскими войсками, кочевал по рудникам, заводам и приискам. В конце года добирается до Томска.

1919 – 15 января физико-математическим факультетом Томского университета избран ассистентом при кафедре минералогии. В марте предан военно-полевому суду за уклонение от военной службы в колчаковской армии. Мобилизован в Томский кадровый кавалерийский полк. При эвакуации части на восток в пути бежал и вступил в ряды РККА.

1920 – 7 января прикомандирован к штабу 2-й бригады 30-й стр. дивизии 5-й армии (г. Красноярск). В феврале по приказу Реввоенсовета откомандирован штабом 5-й армии в Томский университет. Летом участвовал в экспедиции СМ. Курбатова по Хакасии. В декабре затребован Академией Наук к месту своего постоянного служения в Минералогический музей.

1921 — В марте возвращение в Петроград. Становится секретарем метеоритного отдела, образованного при Минералогическом музее. 5 сентября возглавляет Первую метеоритную экспедицию (Омск, Красноярск, Семипалатинск, Новосибирск).

1922 – Командирован в Саратовскую область по сбору Саратовского метеоритного дождя.

1924 – Закончил Ленинградский университет по естественному отделу физико-математического факультета. С 1 июля работает по совместительству в Гидрологическом институте (до 1926 г.).

1925 – Родилась дочь Ирина.

1927 – Февраль-сентябрь. – Возглавляет 1-ю экспедицию к месту падения Тунгусского метеорита.

1928 – Апрель-ноябрь. – Возглавляет 2-ю экспедицию к месту падения Тунгусского метеорита.

1929 – Февраль-октябрь 1930 г. – Возглавляет 3-ю экспедицию на место падения Тунгусского метеорита.

1931 — по июль 1932 г. — Преподает мироведение на антирелигиозном отделении в Коммунистическом вузе им. Крупской (г. Ленинград).

1933 – Поездка в Сталинградскую область к месту падения метеорита «Репеев хутор».

1934 – Командировки в Ивановскую область к месту падения метеоритного дождя «Первомайский поселок». В конце сентября переезд в Москву.

1935 – Выход из печати монографии «Каменный метеорит «Жигайловка». Присвоена ученая степень кандидата геолого-минералогических наук.

1936 – Утвержден в должности ученого секретаря Комиссии по метеоритам. Летом – экспедиции в Кокчетавскую, Чкаловскую, Челябинскую и Омскую области.

1937 – Подготовка к проведению аэросъемки места падения Тунгусского метеорита. 12 июля авария самолета на Подкаменной Тунгуске у фактории Вановара.

1938-С 27 июня до конца июля производилась аэросъемка места падения Тунгусского метеорита.

1939 – Становится ученым секретарем Комитета по метеоритам АН СССР. В июле – октябре проводит 4-ю экспедицию к месту падения Тунгусского метеорита.

1941 – 6 июля вступает в ряды народного ополчения. В августе принят кандидатом в члены ВКП(б). 6-го октября при выходе дивизии из окружения был ранен. Попал в лазарет военнопленных в селе Входы Смоленской области.

1942 – Умер в г. Спас-Деменске Калужской области, где и похоронен на городском кладбище.

* * *

Оглавление

К читателям	3
Часть 1.....	4
Корни	4
Вюрцбург	4
Тарту	5
Украина.....	6
Южный Урал	6
Солдатчина.....	7
«Учеба» в Казани	8
В поисках «Справки»	9
Побег.....	9
Книжная лавка Куликов	10
Где взять деньги?	11
В краю самоцветов	12
Суд над братьями	13
С экспедицией Вернадского	13
Суть в группе и вожаке	14
1912 год	15
В Минералогическом музее	16
Блюмовская копь	16
Первая мировая.....	17
Северный фронт	18
Лефортово	19
Репортаж из 17-го года	22
Часть 2.....	25
В научно-технической лаборатории	25
Камень с неба	25
У истоков парка.....	28
По приискам и рудникам.....	29
В Томске	29
По старому адресу	31
Возвращение в Томск.....	31
Петроград.....	32
О новых башмаках.....	33
Ограбление	34
Нет дыма без огня	35
Первая метеоритная.....	36
Саратовский метеорит	38

Конец студенчества	40
«Мироведение».....	40
Часть 3.....	42
Вести из Сибири.....	42
Дорога в неизведанное.....	43
Кто Вы, Гюлих?	47
Мечта ученого.....	48
Вторая экспедиция на Тунгуску	51
Таежный сувенир.....	62
И снова в тайгу	62
Самолет к метеориту	65
Первая попытка	65
Пегаш	68
Возвращение.....	68
Невинно по доносу.....	68
Знания в народ	70
Часть 4.....	72
У Репеева хутора.....	72
Капустин Яр	72
История с газетной заметкой	72
Приезжайте к нам снова!.....	73
Вокруг майского болида	74
Переезд в Москву.....	75
«Жигайловка»	75
Из Омска в Боровое.....	76
Плохая примета	78
Авария	79
Аэросъемка	80
Комитет по метеоритам	82
На отдыхе	82
Последняя экспедиция	83
Отъезд	86
У нас во дворе	86
Наши походы	87
Мечта о саде	88
Новогоднее	89
Записные книжки Кулика.....	89
Братья	91
Часть 5.....	94
Отложенная командировка.....	94
Великая Отечественная.....	95

В народном ополчении.....	95
Последние фотографии.....	96
На дальних подступах к Москве.....	98
Встреча с журналистом.....	99
Под знаком Марса.....	100
На Варшавском шоссе.....	101
Письма из Борового.....	102
Последние весточки.....	103
В Спас-Деменске.....	105
Память.....	106
Вместо послесловия.....	107
Основные даты жизни и деятельности Л.А. Кулика.....	108

* * *